

ФИЛОЛОГИЯ • ПСИХОЛОГИЯ • XXI

вадим руднев

**новая модель
времени**

ФИЛОСОФИЯ ПСИХИАТРИИ

вадим руднев новая модель времени

вадим руднев

Вадим Руднев

**Новая модель
времени**

**МОСКВА
«ГНОЗИС»
2015**

Руднев В. П.

Новая модель времени. – М.: Гнозис, 2015. – 288 с.

Что такое новая модель времени?

1. Мифологическая модель времени. Время это просто круг. Объект ноль. Такая модель времени сохраняется всегда. В этом смысле мы всегда будем продолжать жить в мифологическом времени и мышлении навсегда останемся первобытными людьми.

Но миф это не просто круг – это цикл, в котором совершается множество интереснейших вещей. Каких именно вещей? Ну, например ритуалов, таких как Элевсинские мистерии. Здесь главенствующую роль играет культ умирающего и воскресающего Бога.

Аграрный культ.

Ницше. «Рождение трагедии из духа музыки».

При этом можно сказать, что мифологическое время это МЕГАЛОМАНИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

2. Эсхатологическое время тоже было всегда, хотя оно и началось с Грехопадения. Его можно назвать парадигмой Августина. Здесь время выстраивается в Луч Творения это объект ноль второго порядка. Здесь формируются точки полифуркации. ЭТО ВРЕМЯ БРЕДА ВОЗДЕЙСТВИЯ

3. Энтропийное время. Парадигма Рейхенбаха. Течение времени совпадает со вторым законом термодинамики. ЭТО ВРЕМЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.

4. Парадигма Джона Уильяма Данна, многомерное время – ВРЕМЯ ОТНОШЕНИЯ.

5. Полифоническое время, или гипервремя, является дизъюнктивным синтезом мифологического, эсхатологического, энтропийного и многомерного времени.

Что же такое гипервремя? Это время гиперреальности симулякров. Время синтеза индивидуального и коллективного бессознательного, где не будет ни шизофрении, ни других болезней, это время коллективного тела искусственного интеллекта. В определенном смысле это вообще не время – это вечность.

Книга издана в авторской редакции.

В оформлении обложки использован кадр из фильма Дэвида Линча «Твин Пикс»

© В. П. Руднев. 2015

ISBN 978-5-94244-054-1

© ИТДГК «Гнозис». Оформление. 2015

От автора

Со словом «модель» у нас традиционно ассоциируется нечто математически выверенное, жесткое, логически непротиворечивое. Но как построить логически непротиворечивую модель времени, если само время в высшей степени противоречивое понятие. По моему мнению, адекватная модель времени может быть только ризоматической в широком смысле, то есть запутанной, как клубок ниток. Поэтому книга о времени как ризоме это тоже в определенном смысле запутанный клубок ниток. Ее можно читать и распутывать с любого места. В некоторых местах она написана как философский дневник, без ссылок, без знаков препинания, оборванными предложениями. В других местах она больше похожа на научный курс.

Я использую и анализирую в этой книге понятие гипервремени. Это и есть ризоматическое время. Проблему гипервремени я анализирую, используя три универсальные понятия, троичный код – который был мной обнаружен, когда по предложению Владимира Мирзоева я прочитал лекцию о фильме «Малхолланд Драйв» в курсе лекций «Психология кино», прочитанному мной весной 2013 года моим аспирантам.

Этому фильму посвящена первая часть книги. Троичный код такой: уровень Продюсеров, или уровень Ноль; уровень Режиссеров, или уровень Один, и уровень Актеров, или уровень Два. Как это соотносится с идеей гипервремени? Например, Продюсер

это прошлое, так как оно формирует, «оплачивает», настоящее и будущее. Режиссер это настоящее, так как оно является постановщиком будущего. Будущее это Актер, так как оно подчиняется прошлому-Продюсеру и Режиссеру-настоящему.

Но, с другой стороны, будущее влияет на прошлое, так как мы можем мысленно вернуться в прошлое и его изменить, например, представив себе, что мы были совсем другими, то есть уровнем Ноль, продюсером прошлого. Настоящее, Режиссер, таким же образом влияет на прошлое. Настоящее в определенном смысле это другое название для будущего. Близкое прошлое таким же образом может влиять на далекое прошлое.

Прошлое и будущее могут меняться местами. Например, в семиотической модели времени конец текста как предмета реальности является его началом как предмета культуры.

В принципе любой объект может быть Продюсером, Актером и Режиссером, прошлым, настоящим и будущим, потому что в определенном смысле это все одно и то же, как показал замечательный психоаналитик и мыслитель Игнацио Матте Бланко в книге «Бессознательное как бесконечные множества», во многом под влиянием которой написаны психологические фрагменты этой книги. Но в определенном смысле ни прошлого, ни настоящего, ни будущего не существует, потому что если на уровне бессознательного все равно всему, то это может означать, что ничего равно (не равно) ничему, то есть ничего не существует. Но, в то же время, это, конечно, не так. Этот клубок можно было распутывать бесконечно. Иногда я сам переставал понимать, что я пишу. Поэтому пришлось в какой-то момент просто поставить точку.

Благодарю свою жену Татьяну Михайлову, а также своих коллег и друзей Михаила Бойко, Кирилла Горелова и Владимира Мирзоева за интеллектуальную и моральную поддержку.

Я желаю всем счастья.

Оглавление

Часть первая. «Малхолланд Драйв»	7
Глава первая. « <i>Эта</i> девушка!»	13
Глава вторая. Адам Кешер	20
Глава третья. Машины смерти	32
Часть вторая. Гипервремя	39
Глава четвертая. «Измена»	49
Глава пятая. Модальная типология времени	54
Глава шестая. Психика и время	102
Глава седьмая. Психология гипервремени	137

Часть первая

«МАЛХОЛЛАНД ДРАЙВ»

Как только мы начинаем смотреть фильм, мы больше не видим экрана, луча и т.д. Мы схватываем вещи на экране, как если бы они были реальными вещами, и реагируем на них, как на реальные вещи. Мы никогда не оперируем в нашем сознании иконическими знаками, то есть изображениями, которые даны нам как указатели на нечто отсутствующее. Конечно, в какие-то моменты мы осознаем, что имеем дело только с изображениями, но это сознание знаковости в обычном режиме восприятия не застигает самих вещей...

*Михаил Ямпольский. Язык – тело – случай:
Кинематограф и поиски смысла*

Фильм «Малхолланд Драйв» (далее МД) имел очень счастливую судьбу. В 2001 году он был удостоен первой премии Каннского фестиваля за режиссуру, в этом же году Дэвид Линч был номинирован на «Оскара». Отзывы критиков – самые благоприятные. Интересно, что практически никто не воспринимал МД как странный и загадочный – как воспринимаем его мы. Причина этого, как мне кажется, очень проста. Линч в МД в противоположность Тарковскому в «Зеркале» не отрицал предшествующую кинокультуру, но, напротив, вступил с ней в диалог. В диалог с Голливудом. С голливудской сказкой об американской мечте. На протяжении всего фильма Линч обыгрывает голливудские приемы и деконструирует их.

Например, уже в самом начале фильма, когда Рита выходит из машин и бредет по лесу, она видит «огни большого города» – Лос-Анджелеса, города, где находится Голливуд. Огни города, снятые сверху – обычный голливудский (и теперь уже не только) штамп. Как же Линч его деконструирует?

Под влиянием Деррида, Барта и других представителей постструктурализма (а иногда и без их непосредственного влияния) русская поэтика начала деконструировать художественные тексты с конца 1970-х годов. Особую роль здесь сыграл мотивный анализ Б. М. Гаспарова, который подверг деконструкции такие произведения, как «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Двенадцать» Блока, «Слово о полку Игореве». В пространстве эстетики постмодернизма деконструкция в определенном смысле происходит сама собой – текст деконструирует сам себя, почти не нуждаясь в исследователе.

Другим способом полемики с Голливудом, другим способом деконструкции голливудского дискурса в МД был диалог с Тарантино и, прежде всего, с его фильмом «Криминальное чтиво» («Pulp fiction»). Надо сказать, что этот, также культовый фильм в меньшей степени был связан с развенчанием голливудского дискурса. У Тарантино всегда был свой особый путь. Возможно, Линч его взял в контрагенты именно как альтернативного «антиголлвудчика». Говоря о диалоге с Тарантино, я, прежде всего, имею в виду эпизод с «незадачливым киллером», убивающего своего приятеля, чтобы похитить записную книжку, в которой «содержится вся история мира в телефонных номерах». Этот киллер случайно сквозь стену попадает в нелепую толстую женщину. Мне кажется, что это, несомненно, реминисценция к тому эпизоду в «Pulp fiction» когда Винсент Вега, сидя в машине, случайно пристреливает своего сообщника негра. Тарантино принадлежит к «классическому» постмодернизму, основными чертами которого является эстетика пастиша. По сути дела, «Криминальное чтиво» – просто комедия, пусть и утонченная. Но примерно так же воспринимали соотечественники и МД – это просто мистический триллер, пусть и утонченный. Что же видим в нем мы, неутонченные русские зрители? Почему нас этот фильм так завораживает и даже пугает?

«Традиционный» постмодернизм несерьезен. «Имя розы», например. В МД мы наблюдаем то, что можно назвать **новым трагизмом**. Возможно, новый трагизм – это первый шаг на пути в искусство XXI века, а может быть, это особая разновидность внутри постмодернизма. Например, «Хазарский словарь» или «Школа для дураков». Несмотря на то, что там масса смешного, эти произведения в целом трагичны.

Глава первая

Точки полифуркации: «Эта девушка!»

Понятие и динамику бифуркаций анализируют Илья Пригожин и Элизабет Стенгерс в книге «Порядок из хаоса»:

В точке бифуркации <...> термодинамическая ветвь становится неустойчивой относительно флуктуации. <...> Таким образом, конечное состояние зависит от предыстории системы. До сих пор история использовалась при интерпретации биологических и социальных явлений. Совершенно неожиданно выяснилось, что предыстория может играть роль и в простых химических процессах.

<...>

В связи с этим, естественно, возникает вопрос: по какому пути пойдет дальнейшее развитие системы после того, как мы достигнем точки бифуркации? У системы имеется «выбор»: она может отдать предпочтение одной из двух возможностей, соответствующих двум неравномерным распределениям концентрации X в пространстве.

Мы можем предложить модель времени, которая, как нам кажется, реализуется в МД (и по которой, что самое интересное, мы живем в «реальной» жизни): не одна точка бифуркации, а множество точек полифуркации, не одна ризома, а множество ризом, переплетающихся корнями, ветками, листьями и чем угодно. Допустим, есть точка 1, соответствующая Бетти, точка, соответствующая Рите, и точка 3, соответствующая Адаму Кэшеру. Две актрисы и один режиссер. Это, конечно, не так, но для простоты рассмотрим

пока эти три точки. На самом деле это, конечно, не точки, а множества переплетающихся множеств возможных миров, но пока (опять-таки для простоты), будем считать, что это просто три точки. Будем считать, что они расположены (для простоты, разумеется) в трех (четырёх?)мерном пространстве-времени, и от каждой из этих трех точек идут линии. Много линий. Поэтому мы говорим не о бифуркации, а о полифуркации. И каждая точка из множества, состоящего из этих трех точек (Бетти, Рита и Адам) состоит из подмножества точек. Будем считать, что личность, субъект, Я. состоит из множества субличностей, множества маленьких (или больших, неважно) суб-субъектов, множества маленьких я, каждое из которых также делимо до бесконечности.

Обычному человеку лишь кажется, что он является целостной личностью, на самом же деле он состоит из многочисленных маленьких «я», но при этом важно создать у человека единое сознание. Так учил Гурджиев. Примерно то же самое утверждает Юнг в своем учении об индивидуации. Человеку необходимо осознать, что он не един, а множественен, прежде всего, разделить свою ложную личность на Наблюдаемое и Наблюдающее Я. Достаточно вспомнить вторую топику Фрейда – Эго, Суперэго, Ид; субличности Р. Ассанджиоли; архетипы и «комплексы»; Родителя, Ребенка и Взрослого у Э. Берна и др.

У каждого из этих трех кругов, «множеств Я»: Бетти и Рита и Адама (мы говорим пока (условно) о первой части МД) есть свои маленькие я, которые можно обозначить по-разному, например: синтонное я, истерическое я, шизоидное я, эндокринное я и так далее – и от всех этих «я» в разные стороны, в том числе, и внутри иллюзорного Я (вспомним стадию зеркала Лакана) направлены стрелки, которые пересекаются друг с другом. Скажем, и у Бетти, и у ее alter ego Дайаны, есть истерические я, у Адама Кэшера тоже есть

истерическое я (оно проявляет себя в первой части) и поэтому естественным образом стрелки Бетти=Дайаны пересекаются со стрелками Адама.

Вспомним, что никакой Риты вообще нет, что это только имя, которое она взяла наугад, посмотрев на плакат фильма «Джилда» («Гильда») с Ритой Хейворт, а «на самом деле» есть Камила Роудс. Рита «существует» только в бессознательном Бетти (которой тоже не существует – существует Дайана), которая придумала себе Риту, когда спала и воображала себя начинающей кинозвездой. Здесь мы видим (во второй части), что «существует» уже четыре девушки Рита=Камилла и Бетти=Дайана. Можно возразить, что у этих девушек разный онтологический статус: Дайана это «настоящая» девушка, и Камила «настоящая» девушка («эта девушка!», а Бетти это лишь сновидческая фантазия Дайаны, а Рита – проекция той же спящей неудачницы Дайаны. Но если Риты нет, то откуда она вообще взялась? Бетти ее подобрала из какого-то чужого сновидения, может быть из сновидения Адама Кэшера, который, как остроумно заметил один критик, – единственный в этой тройке сохраняет свою тождественность во всех возможных мирах, то есть является жестким десигнатором в терминологии Сола Крипке. Вообще утверждение о тождественности Адама относительно возможных миров Риты, Дайаны, Бетти и Камиллы Роудс достаточно спорно. Ведь и Адам Кэшер состоит из больших и маленьких Адамов и адамов. Он сам тоже диссоциирован на Адама из первой части, у которого чуть не отняли его собственный фильм и выгнали из собственного дома, истеричного и самовлюбленного, и Адама из второй части, совершенно не похожего на Адама из первой – спокойного и счастливого жениха Камиллы (бывшей Риты). На самом деле все, конечно, не так. В первой части Адам влюблен не в Риту (которой вообще не су-

ществует «на данном уровне»), а в Бетти (вспомним, как он растерянно улыбается ей, а она ему, когда псевдо-Камилла Роудс исполняет песню со словами «I love you»).

Сделаем еще один теоретический шаг и введем понятие «человек определенного уровня» иерархии. Существуют (в обыденной жизни тоже) люди разных онтологических уровней. Таких уровней минимум три. Первый – это уровень начальника (режиссер, директор, дирижер и т.д.) Второй уровень это уровень подчиненных. В нашем случае это актеры и актрисы, которые играют или хотят играть в фильме Адама Кэшера. Это уровень Даяны (= Бетти) и Камиллы Роудс (Риты).

Режиссер не может снять фильм, если у него нет продюсера. Человек не может существовать, если нет Бога. Поэтому есть еще уровень Бога – это уровень ноль. Бог в МД это странный инвалид, который сидит в кресле и слушает указания своих подчиненных: это ответвление иерархии, уровень демонов. Вспомним того человека, который любил эспрессо, – это демон, который склонен считать себя Богом. Это продюсеры, которые хотели бы себя считать Продюсером с большой буквы. Итак, режиссер подчиняется (или не подчиняется) продюсеру, а актеры подчиняются режиссеру. Но если бы все было так просто, то не о чем было бы затевать разговор об этих иерархиях и уровнях. Дело в том, что актеры могут взбунтоваться против режиссера подобно тому, как музыканты могут взбунтоваться против дирижера («Репетиция оркестра» Феллини). Так совершаются и политические революции. Есть уровень людей, которые претендуют на роль будущих вождей государства. Если мы будем рассматривать русскую революцию 1917 года, то условно можно представить, что там было три претендента на роль вождя, скажем, Троцкий, Ленин и Зиновьев.

Три точки полифрукции, три множества возможных миров. У каждого из них должен был быть продюсер (а также Продюсер из уровня ноль. Предположим, что у Ленина был самый мощный Продюсер в лице германского генерального штаба и его представитель Парвус. Они проанализировали ситуацию и решили поставить на Ленина, считая что от него можно будет получить наибольшую «прибыль» (и не ошиблись: Брестский мир). Но уровень 2 (народ) мог бы и действительно делал попытки взбунтоваться против диктатуры Ленина (мятеж левых эсеров 6 июля 1918 года; Кронштадский мятеж 1921 года). Потом умирающий Ленин (подобно Ельцину в 2000 году) стал выбирать себе преемника. И вновь, условно говоря, было три кандидатуры, скажем, в лице Троцкого, Зиновьева и Сталина. Ленин «выбрал» Сталина.

На самом деле выбирает, конечно, Генеральный Продюсер с уровня ноль, но Ницше объявил Его умершим. Предположим что Яхве, умирая, передал свои полномочия Иисусу Христу. Но Христос был не только Сыном Божьим но и Сам был Богом: «Я в Отце и Отец во мне» (Иоанн, 14. 10). Если добавить сюда еще Святого Духа, то получится та же тройка (Троица) возможных миров, но невероятно запутанная. Ее может отчасти распутать «диалектика раба и господина» («странная теория» Гегеля-Лакана). Именно наличие диалектики раба и господина: раб это не просто раб, человек уровня 2, но и потенциальный господин, потому что как раб не может без господина, так и господин не может без раба, потому что реально любой человек существует на всех трех уровнях Родителя (Бога), Взрослого (господина) и Ребенка (раба) (в терминах трансактного анализа Эрика Берна). Господин может существовать только за счет раба, без раба он беспомощен, тот его обихаживает, помогает ему в его любовных делах, как в античной комедии Теренция,

Плавта и Менандра, в общем, без ему раба не обойтись, поэтому господин зависит от раба.

Но существует и Абсолютный Господин – Господь. Как он может зависеть от своего раба, раба Божьего?

В свою очередь, раб, поскольку господин зависит от него, становится в какой-то мере независимым от господина, и в определенном смысле сам превращается в господина. Вот такое примитивное, но зато ясное понимание этой диалектики я предлагаю.

Лакан различает античного раба и раба капиталистического, пролетария. В последнем случае все более или менее ясно. Пролетариат совершает переворот и превращается из раба в господина: «Каждая кухарка, говорил Ленин, может управлять государством». А вот античным рабом, насколько мне известно, конкретно, на текстах, Лакан не занимался. Поэтому мы напомним читателю несколько цитат из комедии Плавта «Куркулион».

Раб в античной комедии в сюжете занимает служебное положение, он помогает господину в его любовных похождениях и в этом смысле он «служит наслаждению господина». Раб и господин настроены амбивалентно друг по отношению к другу. Лакан накладывает диалектику раба и господина на диалектику отношений психоаналитика и пациента. Психоаналитик (исходно – господин) зависит от пациента, потому что пациент содержит его материально. Пациент (изначально – раб) получает независимость от психоаналитика и превращается из раба в господина диктует ему свои условия – см. (Лакан 2008). Происходит это на уровне переноса, или трансфера, одного из важнейших, если не важнейшего в психоанализе процесса. Перенос же представляет собой не что иное, как превращение. Психоаналитик в глазах пациента превращается в так называемый первичный объект, как правило, в отца или мать, и либо влюбляется в него,

либо начинает его ненавидеть. Правило абстиненции, введенное Фрейдом, не позволяет психоаналитику ответить на трансферентное чувство пациента, и психоаналитик становится заложником, рабом пациента.

Теперь мы введем два понятия из книги Игнацио Матте-Бланко «Бессознательное как бесконечные множества» (1976): ассиметричной логики сознательного и симметричной логики бессознательного. Можно сказать, что, по Матте Бланко, с точки зрения симметричной логики никаких точек и стрелок не существует. Например, в сновидении все люди могут быть одним и тем же человеком: Рита = Бетти = Дайаня = Камила = Адам – и вообще все субъекты, объекты и предикаты представляют собой один субъект=объект=предикат. Но человек не может существовать только в бессознательном, иначе он не сможет ступить ни шагу, и он также не может существовать только в сознательном – иначе он не сможет писать стихи, сочинять музыку, делать фильмы и т. д. Человек живет то в одном, то в другом режиме, что соответствует бионовской диалектике PS-D («Мы рождаемся и умираем каждую минуту») Что же происходит в бессознательном, если понимать его, так как понимал Матте Бланко?

Глава вторая

Адам Кэшер

Проблемы времени, точек (множеств) полифуркации и людей разных уровней иерархии в МД тесно связаны с проблемой соотношения текста и реальности. Обратим внимание на то, что в МД два режиссера, а не один: Адам Кэшер и Боб, который проводит (вернее за него проводят, так как он ведет себя совершенно пассивно) «пробу» Бетти на роль пока неизвестно кого (как можно предположить, на будущую роль Камиллы Роудс, но не в фильме Адама Кэшера, а в его «реальности» второй части фильма как жениха Камиллы Роудс (=Риты). Самое интересное, что и в первом, и во втором эпизодах «пробы» текст и реальность связаны и переплетены теснейшим образом. Я хочу сказать, что когда Бетти и Рита репетируют фрагмент мелодрамы, которую Бетти предстоит еще раз разыграть в присутствии Боба и его «съёмочной группы», то текст, проговариваемый ими, обладает чертами гиперреальности, то есть это симулякр, копия, не имеющая оригинала, точнее, не имеющая его в том возможном мире, где она произносится. Например, когда Бетти говорит Рите, играющей любовника: «Уходи или я тебя убью», – то она на самом деле хочет, чтобы Рита (ее будущая любовница) ушла (посколькy к тому моменту Рита ее уж основательно «достала»), и на самом деле хочет ее убить, как она в конце фильма, будучи уже Дайаной, собирается убить Камиллу=Риту и даже вносит за убийство деньги незадачливому киллеру, по всей видимости, это часть

тех самых денег, которые они обнаружили в первой части в сумке Риты.

И второе (продолжающее первое): то, что жесты Бетти и ее партнера: они нежно обнимают друг друга и целуют, – что противоречит тем жестоким словам, которые они произносят. Это вариант так называемого «иллокутивного самоубийства» и означающего тот факт, что произнесение перформатива само себя похеривает, перчеркивает, убивает.

Идея иллокутивного самоубийства в широком смысле одна из основных онтологических идей МД и других фильмов Линча. Например, в фильме «Внутренняя империя» прием неразличения реальности и текста («утопленных» в гиперреальности) иллокутивное самоубийство переводится из внутренней прагматики во внешнюю. Когда героиня по сценарию фильма «умирает», зритель к этому моменту совершенно забывает, что это фильм в фильме. Когда она, как ни в чем не бывало, встает после страшных предсмертных мучений и коллеги на съемочной площадке поздравляют ее с удачным эпизодом, зритель испытывает такой иллокутивный шок, как будто его самого подстрелили в самое сердце, ведь он, как это бывает в прагматике «нормального» голливудского фильма, переживал смерть героини почти как свою. В МД все сложнее. Например, когда мы видим вместе с Бетти и Ритой полуразложившийся труп Дайаны, мы лишь потом, задним числом, понимаем, что это Бетти смотрела на полуразложившуюся саму себя!

Мы предложили концепт «новый трагизм», подразумевая под ним проблему выхода из лабиринта «ада расходящихся тропок» гиперреальности симулякров, в подлинную реальность, которую Блон в книге «Внимание и интерпретация» обозначил как «О» (ноль?), «окончательную реальность», абсолютную истину, или

вещь в себе. Она непознаваема, к ней можно только стремиться.

Как к ней можно стремиться? (Далее мы излагаем идеи Биона по своей книге «Новая модель бессознательного» (2012).

Для этого нужно, чтобы знание превратилось в веру, К трансформировалось в F. Чтобы этого добиться (Бион говорит о новой психоаналитической технике, которую он сам практикует, но ясно, что его идеи имеют общефилософский характер), нужно перестать вспоминать, желать и понимать. Тогда К трансформируется в O. Что это значит? Это значит, что для того чтобы аналитик и анализант смогли жить в одной реальности (а это нужно для того, чтобы анализ проходил успешно), нужно чтобы аналитик перестал помнить материалы предшествующих сессий и перестал думать о пациенте, что он вчера был тем же, что сегодня. Нужно, чтобы аналитик перестал желать, например, желать, чтобы пациент выздоровел. И нужно, чтобы аналитик перестал понимать пациента, например, понимать, что у него психоз. В этом случае он может добиться трансформации своего состояния из K в F (из знания в веру) и приблизиться к O, окончательной реальности.

При этом и предлагается отбросить все то, что вообще присуще человеку – воспоминание о прошлом (что по Платону и есть знание), желание, направленное в будущее, что по Лакану отличает человека от животного, и понимание, то есть, в сущности, язык, поскольку язык – это обычное универсальное средство для достижения понимания между людьми. Что же остается, и какова природа такой реальности без памяти, без желания и без языка. Это реальность вещей в себе. Некая абсолютная истина. Она носит объективный характер. Здесь, как мне кажется, самое главное, что эта реальность мистична и что сам Бион в конеч-

ном счете мистик (как и Витгенштейн). Чтобы понять психотика, надо перестать понимать его. Надо вообще перестать понимать, то есть «лишиться» вербального языка, заставить себя это сделать. Как его лишился и сам психотик. Получается, что подлинная реальность, «окончательная реальность», абсолютная истина, вещь в себе, О – психотична!

Здесь мы можем констатировать, что та подлинная реальность, то есть реальность чистых смыслов, любви и безумия, во многом напоминает то, о чем говорит Бион в книге «Внимание и интерпретация». Чистые смыслы лишены денотатов. При галлюцинации никаких денотатов нет. Он видит то, чего нет в шизо-реальности. Значит, он видит то, что есть в высшем мистическом смысле. Он ничего не помнит, ничего не желает и ничего не понимает. Нет прошлого (воспоминаний), будущего (желаний). И настоящего тоже нет как некоего пространства, есть точка, разросшаяся до пределов бесконечности: круг, центр, которого везде, а окружность нигде. Это определение Бога. Поэтому неслучайно, что психотик становится при бреде величия чаще всего Богом. Он лишается дара речи в общепринятом смысле этого слова. Знаки перестают быть непохожими на денотаты, потому что никаких денотатов больше нет. Он потом их сам создает. Он творит свою новую реальность, новый психотический мир. Но как же так – мы говорим, что подлинная реальность это реальности любви. А ведь психотик лишен возможности желать. Да, но желать и любить это не только не одно и то же, а в определенном смысле просто противоположные вещи. Я вас любил. Любовь еще, быть может. Он уже ничего не желает. Желать это другое. «Я хочу женщину» – повторяет сумасшедший в фильме Феллини «Амаркорд».

Но никакой женщины нет, никакого «хорошего объекта» нет, никакой «хорошей груди» нет. Психоз это отсутствие хорошего объекта. Но разве любовь это

поиски хорошего объекта, целостного объекта? Да, так примерно писала Мелани Кляйн на склоне лет, когда подводила итоги своему творчеству в книге «Зависть и благодарность». Но это в определенном смысле было отречением от ее психотической метапсихологии (диалектика шизоидно-параноидной и депрессивной позиций, PS-D по Биону), определенное примирение с шизореальностью. Отсюда умиротворенный и умудренный тон этой книги, совершенно не похожий на мрачно-напряженный стиль ее более ранних работ, например, «Заметок о некоторых шизоидных механизмах», на которые чаще всего ссылается Бион. Если любая любовь это любовь к шизофрении (по «Введению в шизореальность» (Руднев 2011), а всякое влечение это лечение к смерти (по Лакану), то все становится на свои места. Что же получается? Мы все психотики? Мы все живем в подлинной реальности? Но «вспомним», что «не надо помнить результат предыдущей сессии». Забудем Фрейда, забудем Биона. Забудем даже Мелани Кляйн. Начнем все с чистого листа. То есть с Фрейда. (Бион советовал прочитать Фрейда и забыть, а «психоанализ был до Фрейда», поскольку «истинная мысль существует до мыслителя», а «мыслитель нужен только для ложной мысли». Да, прекрасно. Но «что есть истина?» То есть я говорю о том, что абсолютной истины (О) тоже, по моему, не существует, потому что в бессознательном, если оно и есть О («окончательная реальность»), нет разграничения истинного и ложного, да его и в наше обыденной шизореальности нет. И потом ведь он сам говорит, что у личности есть психотическая и непсихотическая часть, то есть это надо понимать так, что и у психотика есть непсихотическая часть («двойная бухгалтерия» Блейлера)... Ну хорошо. Фрейд, так Фрейд! У психотика на место Я становится Оно, на место сознательного Я становится бессознательное Оно. Но «Я»-то – вспомним (забудем!), что Я это раз-

дробленное Я, мнимое Я. Оно (нет, я имею в виду не «Оно», а «Я»), его вообще вроде и не существует. Нет, забывать, гораздо труднее, чем вспоминать.

Мы ввели выше концепт «люди разных рангов». К какому рангу принадлежит актер, снисходительно подыгрывающий Бетти? Актер в данном случае не является человеком второго уровня. Он не будет играть эту роль в будущем «фильме» отношений Дайаны, Камиллы и Адама. Его просто попросили помочь начинающей актрисе. Этот актер принадлежит какой-то зеркальной иерархии, минус-иерархии, где минус-первому уровню принадлежит режиссер Боб, а минус-нулевому – его продюсерское окружение, с которым он в отличие от Адама Кэшера перестал бороться. Возможно, он не прошел тест с Ковбоем. А Ковбой? Конечно, он принадлежит нулевому уровню, но прямому или зеркальному? Можно ли сказать, что существует две подлинных реальности – два «О» – одна плюс и одна минус, одна божеская, другая дьявольская. И не то же ли это самое, что сказать, что существует две иерархии, по три уровня в каждой? В плюс-иерархии это Бог (уровень 0, или «О»), режиссер (уровень один) и актеры (уровень 2). А в минус-иерархии это гностицистский Демиург минус-ноль «О», смирившийся антирежиссер типа Боба (уровень минус 1), и минус-актеры (уровень минус 2). Тогда возникает сразу три вопроса. 1) Может ли быть ноль со знаком плюс и со знаком минус 2) Может ли быть подлинная реальность зеркалом плохой реальностью, то есть, может ли быть две подлинных реальности? и 3) Если может быть минус-реальность, то должны быть и минус-актеры, что это за минус-актеры? Мы можем попробовать начать отвечать на эти вопросы, начиная с последнего. Безусловно, можно в определенном смысле сказать, что Бетти и Рита суть актеры первой иерархии (плюс), а Дайана и Камилла Роудс суть актеры зеркальной

минус-иерархии. Или, говоря языком Биона, в диалектике PS-D Бетти Рита суть D-актеры, поскольку они интегрированы (по крайней мере, Бетти) и любят друг друга, а Камилла Роудс и Дайана Сэлвен суть зеркальные актеры минус-иерархии, поэтому они являются воплощением PS: неинтегрированность, ненависть, зависть, ревность т. д. по Мелани Кляйн? Да, при первом приближении такое сказать можно. Но не следует забывать, что Бетти и Рита вообще-то не могут принадлежать одной и той же иерархии, потому что Рита вроде бы является лишь фантазией, зеркальным PS-отражением Бетти. Но это соображение слишком наивно, поскольку оно исходит из того, что «сновидение» и «реальность» это противоположные возможные миры и «существуют» параллельно. На самом деле «сновидение» и «реальность» суть «множества» Лобачевского», которые пересекаются, входят одно в другое, как реальность, сон и смерть («Окончательная реальность»).

Имя Адам, так же как фамилия Кешер – «связующее» (осуществляющий связи в возможных мирах Риты=Камиллы и Бетти=Дайаны) антипсихотическое имя (атака на связи – одно из главных проявлений психоза по Биону), конечно, не случайно и прямо соотносится с теорией «точек»-множеств полифуркаций.

Вначале все было просто: Бог – уровень ноль, Адам и Ева люди уровня 1. На роль номера ноль претендует змей-искуситель. Он хочет удлинить иерархию, чтобы люди рожали в муках детей. Создавая уровень три. Для чего нужно змею-сатане этот уровень три? Обычно считается, что дьявол безусловно враг человеку. Однако не все так просто. Рассмотрим два именованных сатаны: Князь Тьмы и Люцифер В этих наименованиях кроется противоречие, так как Люцифер это тот, кто несет свет (lux – свет, ferro – несу). В этом

плане Люцифер ассоциируется с таким же богоборцем, как Прометей, который принес людям огонь, тот же свет. В этом плане неслучайно, что у Адама и Евы открылись глаза, и они стали различать добро и зло, то есть свет истины и тьму лжи. Почему дьяволу важно было, чтобы люди рожали? Для того чтобы скомпрометировать Промысел Божий. Ведь через некоторое время после Первородного Греха Бог решает вообще уничтожить людей:

¹ Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери,

² тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал.

³ И сказал Господь [Бог]: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет.

⁴ В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.

⁵ И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время;

⁶ и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем.

⁷ И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их.

⁸ Ной же обрел благодать пред очами Господа [Бога].

⁹ Вот житие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом.

¹⁰ Ной родил трех сынов: Сима, Хама и Иафета.

¹¹ Но земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями.

¹² И воззрел [Господь] Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле.

¹³ И сказал [Господь] Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли (Бытие. 6, 13).

Но Бог, как описывает его Юнг в книге «Ответ Иову», это просто человеческое существо, а совсем не то абстрактное Божество, которое мы привыкли воспринимать после средневековой схоластической богословской традиции. И вот именно такой антропоморфный Бог воплотился в Иисусе, в Богочеловеке. Интересно, каково Иисусу было любить такого Отца, а он Его, безусловно, любил. И, во-вторых, если такой Бог все время присутствовал в Иисусе как Отец в Сыне, то каково им обоим было все это терпеть. Ведь это получается нечто вроде доктора Джекила и мистера Хайда, то есть множественная диссоциативная личность. Иисус был в определенном смысле человеком чрезвычайно цельным и уравновешенным. Получается, что не только Отец создал Сына, но и Сын создал Отца. Именно Иисус своей человеческой в лучшем смысле этого слова составляющей, своим терпением, кротостью и любовью сделал из неуравновешенного и агрессивного Яхве абстрактного благого Бога Отца Святой Троицы. Как это возможно? И вообще, зачем понадобилась эта странная идея посылать своего Сына (а вместе с Ним тем самым и Себя) для того, чтобы Он долго странствовал, мучился, а потом Его казнили позорной казнью? Мы говорим: божественная Драма, Грехопадение. Но ведь у Бога с самого начала было несколько сыновей, и эти сыновья (ангелы) еще в начале книги Бытия спали с женщинами, родившимися от людей.

Один объект – это значит, что у ребенка нет выбора, с кем общаться. Итак, в целом можно сказать, что одного объекта мало для построения объектных отношений и одной оппозиции мало для построения образа реальности. Почему? Число один это еще не число, потому что если есть только что-то одно, то это значит, что его не с чем сравнивать; два – это тоже не число, потому что это просто два раза по одному. Пер-

вое число – это три, потому что здесь возникает фундаментальное понятия неравенства: два больше, чем один. Вот почему появление третьего персонажа – отца, формирует зрелые объектные отношения и прибавляет к аксиологическому модальному оператору еще один важнейший – деонтический: должно – можно – нельзя. Почему же отношение неравенства может формировать зрелые объектные отношения? Потому что есть из чего выбрать: можно оставаться верным матери и противопоставлять себя отцу, можно прикнуться к отцу и составить с ним коалицию против матери. По моему мнению, в этом и состоит сущность, важность и универсальность Эдипова комплекса – в испытании объектных отношений, с которыми ребенку, когда он вырастет, придется сталкиваться ежедневно. Ведь у взрослого человека накапливается много таких объектных треугольников, например, у него может быть мать и жена, и он обычно выстраивает союз с женой против матери или наоборот. У него есть начальник, подчиненные и сослуживцы, и опять-таки он должен и имеет возможность выбрать, к кому прикнуться и против кого, кого любить, а кого ненавидеть, кому приказывать, а кому подчиняться. Именно это важно в Эдиповом комплексе в свете объектных отношений, а не то, что мальчик вожделеет к матери и хочет убить отца.

Но до сих пор мы исходили из предпосылки, что язык создан и функционирует для того, чтобы адекватно передавать информацию между субъектом и объектом. Но язык это скорее игра, где есть победитель и побежденный. Языковая игра во многом похожа на игру в теннис. Говорящий старается своей речью-ударом сделать так, чтобы партнер не смог ему ответить тем же, чтобы мяч ударился об землю на территории игрока-противника. Говорение – это состязание двух или более языковых субъектов. И это каса-

ется практически всех языковых игр. Когда общение становится полностью понятным, когда утрачивается агональная функция обмена репликами, говорить становится неинтересно – это депрессивная языковая позиция. Когда двое людей говорят, напротив, на языках, которые им совершенно непонятны, то им тоже становится неинтересно – это шизофреническая позиция; тогда они начинают находить общий язык, построенный на других, более универсальных основаниях. Например, язык жестов. Витгенштейн писал в «Трактате»: «4.002. Речь маскирует мысль. И так, что по внешней форме этой маскировки нельзя заключить о форме замаскированной мысли; поскольку внешняя форма маскировки вовсе не имеет целью выявить форму тела» (перевод мой). Человек говорит. Но зачем он говорит? Можно заключить, что человек говорит не для того, чтобы передать адекватную информацию о мире, это был бы слишком тривиальный и никому не нужный язык. Человек говорит, прежде всего, чтобы удовлетворить свое желание, чтобы прорваться к Другому.

Мы упираемся в парадоксальный феномен – что нормальная коммуникация подвергается еще большим искажениям, чем патологическая. Что язык употребляется не для того, чтобы передать какую-либо непосредственную информацию, но либо для того, чтобы наоборот ее скрыть, либо исказить, либо представить посредством этой исходной информации метафорически совсем другую информацию. «Давайте поужинаем вместе» означает «Я хочу с вами иметь интимные отношения». В случае же патологического развития мышления наоборот язык используется непосредственно. Отчего так происходит? Отчасти, как мы уже подчеркнули выше, из-за самой особенности языка, которая заключается в том, что он призван не раскрывать, а маскировать мысли. Отчасти из-за другой особенности патологического мышления, кото-

рая состоит в том, что безумцы не умеют врать, шутить и использовать язык метафорически, то есть адекватно его способностям. В этом смысле безумец ближе к истине, чем нормальный человек. Нормальный человек склонен скрывать истину, свой скелет в шкафу, в то время как шизофреник наоборот склонен говорить о себе правду.

Глава третья

Машины смерти

Человек – это «универсальная машина» смерти. Машины (автомобили) – традиционная голливудская тема и вообще любого «городского» кино: на машинах преследуют, в них занимаются любовью, машина может даже служить офисом на колесах, как в фильме Дэвида Кроненберга «Космполис». В МД это машины со светящимися красными подфарниками в прологе и финале, Это также машина любителя эспresso, лобовое стекло которой в ярости разбивает Адам Кешер, после того как ему навязывают «эту девушку» (Камиллу Роудс) на роль героини фильма, который, если он не согласится, у него отнимут люди уровня ноль, а его самого переместят с уровня один на уровень два, что, в сущности и происходит после этого: его выгоняют из дома жена и любовник, его деньги блокируют. Он фактически становится неприкасаемым (варна).

В Древней Индии существуют четыре уровня людей), четыре касты – брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Неприкасаемые не относятся ни одной из этих – просто разрозненный мусор. По Бхагават-гите кшатрий должен сражаться, не привязываясь к результату, режиссер должен снимать фильм, каждый должен заниматься своим делом, рыба должна плавать. Отсюда, возможно, еще одна фоно-аллюзия фамилии Адама – crash, катастрофа, фрустрация, шок, шум. Адам Кешер – человек-катастрофа. Ну и, конечно, «кеш» наличные деньги, которые, вероятно, предлагают Кешеру за то, чтобы он взял эту девушку на роль главной героини. Возможно, это та самая огром-

ная пачка денег, которую обнаружили Бетти и Рита в сумке Риты. Конечно, это намек на фильм Хичкока «Психоз»: 40 тысяч долларов, которые украла героиня этого фильма. Таким образом, Кешер покупает за cash Камиллу Роудс, что определенным образом убеждает, что заключительный эпизод фильма – помолвка Адама и Камиллы Роудс – фальшивка, денежная сделка.

Гурджиев считал, что человек это спящая машина. Он различал четыре состояния сознания: «сон» (ночной сон), «сон наяву» (в котором восприятие действительности смешано с иллюзиями и грезами и в котором человек не осознает ни последствия своих слов и действий, ни самого себя), «относительное пробуждение» (в котором человек осознает себя, но не осознает объективные взаимосвязи всего со всем), и полное пробуждение (в котором человек осознает и себя и окружающую действительность объективно). Человек в состоянии «сна наяву» – это машина, управляемая внешними влияниями. Он ничего не может «делать». С ним всё случается. Чтобы «делать», необходимо быть пробужденным.

В МД Рита – сломанная игрушка, зомбированная кукла Барби. Есть и другие машины. Например, «Силач» – огромный мужик, который приходит в дом Кешера и «механистически», практически не поворачивая головы, расправляется с его женой и ее любовником. Незадачливый киллер – тоже сломанная машина смерти. Недаром в той части эпизода, в которой он убивает уборщика, неожиданно включается уборочная машина.

Череп коровы с лампочкой, которая то загорается, то гаснет, что символизирует смерть, висит перед пространством Ковбоя, который будучи ставленником уровня ноль, может принести Адаму Кешеру смерть,

если он не утвердит на роль главной героини своего фильма Камиллу Роудс.

С темой смерти также связаны «оборотни» милые старик и старуха, которые вместе с Бетти появляются на вокзале в Лос Анджелесе, а потом, севши в автомобиль, злорадно смеются тому, что, дескать, дело сделано, Бетти «запущена» в мир смерти. В финале они появляются в виде галлюцинаций Дайаны, то увеличенные, то уменьшенные (макропсии/микропсии) (ср. карлик и великан в Твин Пиксе, которые на самом деле один человек)

Наконец с идеей машины смерти связана также тема синего ключа, открывающего странную синюю коробочку – вновь переключка с Твин Пикс (ключ нашла Бетти в вещах Риты – ключ от своей смерти – подобно тому как Эндрю Паккард и Пит Мартелл пытаются открыть ключом коробочку, которую им послал бывший любовник Джоди – в результате погибает ни в чем неповинная дочь Бенджамена Хорна), которая запускает новый возможный, а, вернее возвращает человека (Бетти) старый возможный мир. Это тоже машинка смерти (ср. ключ зажигания в машине) – человека можно включать, выключать (убивать) и переключать, как машину.

Напоследок о специфике психотического пространства у Лична. Помимо шоссе - реки смерти-завени, ведущей в «ад расходящихся тропок» времени-смерти показан и сам этот ад – в МД лишь намеком, в Твин Пиксе – подобно. Это «черный вигвам», место, где обитают демоны и правит бывший спецгент Уиндом Эрл, претендующий на номер минус ноль в параллельной демонической иерархии. В этом пространстве непонятно, что снаружи, а что внутри, где кончатся здесь, начинается там и господствует нигде. Пространственный сюжет начинается тогда, когда

понятия меняются местами: «здесь» становится на место «Нигде», «Нигде» на место «там» и т. д.

Например, А полагает, что В находится «Здесь», в то время как В находится «Там», или, наоборот, А полагает, что В находится «Там», в то время как В находится «там» (за стеной или перегородкой) и подслушивает то, что о нем говорит А. Более сильный вариант: А полагает, что В Нигде не находится, в то время как В находится Там или Здесь. Данный тип сюжета представляет собой комбинацию из пространственной и эпистемической модальностей. Наиболее архетипический протосюжет такого типа – муж на свадьбе у своей жены. Ср. также сцену убийства Гамлетом Полония. Многочисленные ситуации, когда герой, незамеченный, подслушивает, подглядывает, приобретая ценную информацию, движущую сюжет, также основываются на пространственно-эпистемической модальности. Интересной разновидностью такого сюжета является ситуация, когда герой притворяется глухим, немым или слепым, создавая искусственную сенсорную перегородку между собой и другими персонажами, что позволяет ему пространственно-прагматически находиться «там», в то время как он находится «здесь», и использовать это также для получения информации. Логический механизм этого пространственно-эпистемического построения можно эксплицировать, введя алетическо-эпистемический оператор, читающийся как «можно предположить, что».

Если мы возьмем формулу 5 из нашей книги «Морфология реальности» (1996) и припишем консеквенту этот оператор, то получим, что, если можно предположить, что А принадлежит множеству возможных миров «там» и множеству возможных миров «Здесь» или принадлежит множеству возможных миров «Там», то можно предположить, что А принадлежит множеству

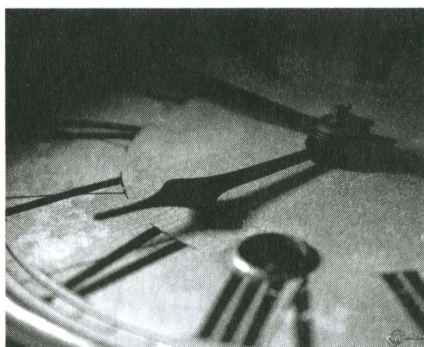
возможных миров «здесь», то есть если А не находится здесь, то можно предположить, что А находится здесь. Парадоксальность этого вывода, по всей вероятности, объясняется самой природой понятий, которыми мы оперируем. Понятия «здесь» и «там» опираются на сенсорные данные, понятия «Здесь» и «Там» – на эпистемические данные. Но и сенсорные, и эпистемические данные могут быть недостоверны. Человеку может казаться, что он видит и слышит то, что оказывается галлюцинацией. Он может полагать, что точно знает, был он или не был в каком-либо месте, но ведь он мог и забыть о том, что с ним было или не было. Проблема пространства «Там» в принципе связана с проблемой недостоверности информации, преодолевающей большое количество пространства. О том, что происходит «Там», нельзя судить непосредственно «отсюда», информация об этом поступает из свидетельств, рассказов, газет, писем, то есть через третьи руки и со значительным временным запозданием, поэтому в ней не может не присутствовать доля недостоверности. Когда в конце прошлого века изобрели кино и оно стало популярным в 10-е годы XX века, то прагматическая путаница между тем, что, как кажется зрителям, происходит «здесь и теперь», а на самом деле уже произошло «там и тогда», породила у них, как описывает это Томас Манн в «Волшебной горе», чувство бессилия от невозможности контакта с этой кажущейся реальностью. Изобретение телевидения с возможностью прямого эфира из любой точки пространства отчасти решило эту проблему, хотя логически осталась возможной любая степень фальсификации событий, транслируемых «Оттуда», то есть возможность сюжетопорождения в широком смысле.

Границей, разделяющей в МД пространство Здесь от пространства Там является красный занавес («психотическая занавеска», по выражению М. Е. Бурно). Почему мы не можем сказать в этом случае, что внут-

ри а что снаружи? Ведь Бетти и Рита сидят в зрительном зале, певица поет на границе меду залом и занавесом «у края, который непереходим» (Давид Самойлов), а что за ним, мы просто не знаем, хотя и чувствуем благодаря зловещим крикам и возгласам конференсье, что там что-то ужасное или вообще ничто. Но ведь именно потому, что это зрительный зал и сцена с отсутствующей четвертой стеной, невозможно попасть внутрь приоткрыв занавес, и при этом не потерять идентичности (В «Твин Пиксе» это судьба Дэйла Купера, который, возвратившись из Ничто Черного Вигвама, сам превращается в злобного сексуального демона Билла.) В Твин Пиксе это показано очень ясно. Купер проходит внутрь красного занавеса. Но там нет противоположности внутри и снаружи, он идет в одну сторону, а попадет в другую. В результате он оказывается на одном и том же месте. И это свойство любого пространства. И в этом смысле даже заведомо обыденное пространство оказывается психотическим.

Часть вторая

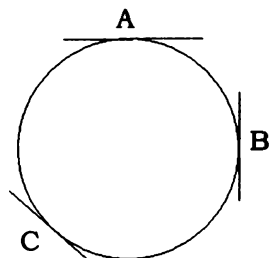
ГИПЕРВРЕМЯ

Термин «гипервремя» ввел в философский оборот американский программист и мистик, последователь Гурджиева Алан Паркер. Вот как он анализирует свое понимание того, что такое гипервремя в статье с одноименным названием.

Структура гипервремени

Гипервремя является четырехмерной сферой. Это означает в точности то, о чем говорится. Это не означает, что это объект с четырьмя пространственными измерениями и добавочным измерением, которое называют время. Это просто четыре пространственных измерения. Появление трех пространственных измерений и добавочного измерения происходит из способа нашего восприятия. Он заставляет нас сводить четыре измерения к трем. Но способ, которым мы делаем это сведение, в разных местах оказывается разным. Рассмотрим следующую картинку двух измерений относительно гипервремени:

Подлинные два измерения – площадь круга, который изменяется в размерах, исследуются живущими на этом круге маленькими существами как ряд маленьких одномерных кромок (? – edges), на которых, по их убеждению, они живут. Следовательно, они жи-

вуют в одномерном мире, но на самом деле имеют доступ к обоим измерениям своего пространства. Чтобы это понять, рассмотрим существо, живущее в точке А. Его восприятие уплощает его пространство до одномерного по ширине. Существо, живущему в В, кажется, что оно живет в одномерном пространстве, которое уплощено по высоте. Существо, находящееся в С, живет в одном измерении, которое уплощено смешанно – и по высоте и по ширине. Когда эти существа посещают друг друга, они меняют смесь подлинных измерений, в которых живут, на одно измерение, которое они осознают. Они живут в двумерном пространстве, но не знают об этом. Если их физики попытаются сказать «одна размерность пространства и еще дополнительное измерение времени», то они растеряются, поскольку тогда они будут наблюдать странные «релятивистские» эффекты, о которых они будут кричать, что они могут «думать» о них как об обмене пространства и времени, и будут также наблюдать явления типа Принципа Наименьшего Времени (или Наименьшего Действия), который будет рассматриваться вне связи с релятивистскими обменами пространства и времени.

В центре четырехмерной гиперсферы находится плотно завязанный узел струн – фотонов – который выходит из точки почти в самом центре, определяя таким образом пространство гиперсферы. Чтобы понять, как это работает, нам потребуются гораздо большие мозги. Действительно, плотно завязанный узел, вероятно, – это самый маленький мозг, который мог бы постичь такой трюк – по крайней мере в этой вселенной. Отметим, что этот мозг не является бесконечно маленькой точкой. В центре гиперсферы действительно находится мозг, который существует в этой вселенной, и который способен выполнять периодические очистки этого пространства (? – rotations clean

out). Он не скрывается в особых точках, где бесконечности в вычислениях делают все недоступным для проверки. Он реально физически существует в этом пространстве и находится в том состоянии, когда он выполняет свою работу по созданию (или разрушению) вселенной. Это немного похоже на то, что происходит при загрузке вашего персонального компьютера. В какой-то момент это на самом деле старый, 1983 года, MS-DOS компьютер с сидящим в нем полностью сформированным ядром Linux. В следующую секунду все правила изменяются, но в тот первый момент Linux на самом деле существует в контексте, который с очевидностью ниже ее, Linux, достоинства.

Все фотоны в узле упорядочены (направлены). У них всех направленный наружу вектор, заставляющий их стремиться оторваться друг от друга, разрывая узел в четырехмерном пространстве. Последствие этого состоит в том, что чем дальше от узла, тем меньше плотность фотонов, и тем больше они просто мечутся как независимые струны, никогда более не сталкиваясь (*bashing*) и отталкивая (*repelling*) друг друга.

Граница гиперсферы – это самое неинтересное место. Она состоит из полностью несвязанных фотонов. Эффективная граница – это «радиус», на котором распутаются два последних фотона. После этого не происходит уже ничего.

Обмен по Беннетту в гипервремени (Bennett Exchange in Hypertime)

В центре фотонные струны перепутаны. По мере перемещения по радиусу вовне, перепутанность уменьшается, но движение неспутанных струн более интенсивное. Относительно начального переплетения: важно, что оно организовано таким образом, что при рас-

путывании содержащаяся в узле информация остается в направлении и скорости неспутанных отдельных фотонов. Каждое состояние имеет одно возможное состояние за и перед ним.

*Явные представления информации
в гипервремени
(Explicit Information Representations
in Hypertime)*

Вблизи центра узлы очень запутанные. Запутанные узлы сделаны переплетением узлов с узлами, подобно сплетенному из сплетенных веревок. Чем дальше от центра, тем узлы (все) менее запутаны. Когда информация выражается как узлы, сами узлы могут быть использованы как строительные блоки для конструирования более сложных узлов. Далеко от центра, где информация представлена как направления и скорости, эти дополнительные эффекты не могут возникать, поскольку между отдельными фотонами не может возникнуть никакого построения одного представления из другого. Во вселенной всегда одно и то же количество информации, но временами она активна, а иногда она в форме “чемодана”, в ожидании, когда ее распакуют и начнут что-то делать.

Общая тенденция узлов – становиться проще, чем дальше они располагаются от центра, но это не абсолютное правило. Временами противодействие, вызываемое запутанными узлами при распутывании заставляет узлы формировать вблизи себя фотонные струны.

*Рекурсивные информационные структуры
(Self Referential Information Structures)*

Когда узлы сделаны из узлов, внутри конструируемых узлов возникает рекурсия. Все узлы содержат ин-

формацию, а сделанные из узлов узлы содержат информацию об информации. Это позволяет возникнуть двум вещам.

Во-первых, упорядоченная (stacked) информация – сделанные из узлов узлы – может содержать больше данных в нескольких фотонах, чем линейный список данных. Информация может быть более сложной.

Во-вторых, сделанные из узлов узлы могут (на самом деле – должны) содержать информацию о своей собственной структуре и форме. Если я знаю, что такое скаковая лошадь и что такое простое неравенство, то я могу определить ставку на каждую дорожку [на скачках – С.К.] в терминах, которые я уже знаю. Более того, мое знание, после того как я это сделал, ясно показывает, что ставки на каждую дорожку определены в терминах простого неравенства. Таким образом, у меня должно быть понимание простого неравенства *до того*, как я пойму ставки на каждую дорожку.

Фрактальная рекурсия в гипервремени (Fractal Recurrence in Hypertime)

Поскольку извлекаемая распутыванием сложных узлов информация может приводить к тому, что другие узлы будут спонтанно запутываться (на время), узлы, которые снова запутались, могут быть либо повторениями простых узлов, либо, иногда, полным воспроизведением центральных структур. В этих случаях траектории фотонов, которые создали воспроизведенные структуры, должны быть связаны, чтобы дать возможность этому произойти. Шансы получения вдалеке от центра сложной структуры, которая не состоит из элементов, не идентичных тем, что вблизи центра, с ростом сложности структуры становятся все меньше и меньше. Поскольку мы смотрим от «края» к центру, то мы видим некоторые простые древние

структуры, которые состоят из кусков многих происходящих из центра структур, и сложные древние структуры, которые идентичны орбитальным реконструкциям линейно упорядоченных (single upline) структур. Этот феномен повторного возникновения фрактальной структуры хорошо известен, для реализации на периферии множества Мандельброта (Mandelbrot), тонкие множества Мандельброта можно обнаружить скрывающимися внутри основного множества, при любых масштабах.

Субъективное восприятие длительности (Subjective Perception of Duration)

Поскольку количество информации на каждом радиусе в гипервремени является константой, хотя иногда в явной форме, а иногда в виде «чемодана», то возможно описать «причинность», которая идет тем же путем. Внутри этих рекурсивных структур данных – узлов из узлов – всегда будет проявляться привилегированная причинность (preferred causality), поскольку можно сравнивать лишь прибавку сложности. У вас нет информации об информации, которой у вас нет.

Назначение гипервремени (The Purpose of Hypertime)

Как представляется, назначение гипервремени могло бы состоять в использовании субъективного восприятия длительности для обеспечения осознания центральным мозгом самого себя. Мозг сначала перемещает себя в пространство, где у него полный контроль за тем, что происходит, поскольку там нет ничего кроме него самого. Он приводит себя в конфигурацию таким образом, что его траектории распада будут обладать свойствами машины Беннетта, и затем разрывает себя на части. Поскольку причинность, ко-

торую он сконструировал в своем собственном приватном пространстве инвариантна к направлению, что могло быть сделано из неочевидных соображений, пространство пополнило бы мозг очень мало интересными спонтанными формами. Они совершенно симметричны. Однако субъективный опыт преобразования информационных структур на альтернативной воссоздающей (recreative) оси уходит от большей сложности, и не существует подходящего субъективного опыта взрыва. Следовательно, единственной асимметрией является требование большей сложности – абсолютное убеждение, основанное на таких компонентах нашего опыта – и поскольку есть беспокойство о непрерывности памяти мозга, это определено переносится на жизнь. И поскольку пространство не имеет значения – только мозг, который настолько умен, чтобы быть способным увидеть, как этого достигнуть – это то, что “происходит” во вселенной. В конечном счете, мы все – такие умные маленькие создания!

Мультифрактальная самоорганизация (Multifractal Autopoiesis)

На оси времени, которую мы воспринимаем, мы видим спонтанное стохастическое охлаждение, или самоорганизацию, возникающую и в космологических масштабах, и в масштабах живой материи. Это происходит в одно и то же время, и разумно предположить, что по мере течения времени мы увидим масштабы саморганизации, промежуточные между масштабами отдельного живого существа и всей вселенной. Их можно рассматривать как усовершенствованные, или агрегированные, формы жизни. Наблюдение Геи (Gaia), что рассмотрение экосистемы этой планеты как единой системы, поддерживающей себя вдали от химического равновесия – это и есть

такая агрегированная форма жизни, как и человеческое тело, если мы вспомним, что оно состоит из большого числа отдельных клеток.

Стиль самоорганизации, который описывает эта модель, включает то, что мы видим на нашей оси времени как стохастическое охлаждение. Это события, которые мы видим как систему, обменивающую энергию на копию своего собственного будущего информационного состояния. Следовательно, самоорганизация понимания или видов (живых существ) включает явно основанное на случайности проявление вневременных (anachronistic) данных, которые в широкой перспективе гипервремени мы можем рассматривать как фрактальное эхо, которое полностью случайно на созидающей (creative) оси времени.

Перевод: Сергей Козлов teleman@elnet.msk.ru

Русский сайт Programmers' Stone / Reciprocity: <http://progstone.nm.ru>

Глава четвертая

«Измена»

Как идея уровней людей и иерархий связана с био-новской теорией странных объектов?

Миссис Смит. Почему бы не пожертвовать им одно из семи серебряных блюд из тех, которые нам подарили на свадьбу и которые нам ни разу не пригодились? Как печально в столь юные годы остаться вдовой.

Мистер Смит. Счастье еще, что нет детей.

Миссис Смит. Только этого не хватало! Что бы бедняжка с ними делала?

Мистер Смит. Она еще молодая. Прекрасно снова выйдет замуж. Траур ей к лицу.

Миссис Смит. А кто о детях будет заботиться? Ты же знаешь, у них мальчик и девочка. Как их зовут?

Мистер Смит. Бобби и Бобби – в честь родителей. Дядя Бобби Уотсона, старый Бобби Уотсон, большой богач и он любит мальчика. Уж как-нибудь позаботится о воспитании Бобби.

Миссис Смит. Еще бы! А тетка Бобби Уотсона, старая Бобби Уотсон, уж как-нибудь может заняться воспитанием Бобби Уотсон, дочери Бобби Уотсона. И тогда мама Бобби Уотсон, Бобби, сможет снова выйти замуж. **Есть у нее кто-нибудь на примете?**

Мистер Смит. **Да, кузен Бобби Уотсона.**

Миссис Смит. Это Бобби Уотсон?

Мистер Смит. Ты про какого Бобби Уотсона?

Миссис Смит. Про Бобби Уотсона, сына старого Бобби Уотсона, другого дяди Бобби Уотсона, который умер.

Мистер Смит. Нет, это не он. Это Бобби Уотсон, сын старой Бобби Уотсон, тетки Бобби Уотсона, который умер.

Миссис Смит. То есть это Бобби Уотсон – коммивояжер.

Мистер Смит. Все Бобби Уотсоны – коммивояжеры.

Что нам дает эта сцена?

Она эксплицирует то, что мы говорили об уровнях и иерархиях и связывает это с понятием СО. Вся семья Бобби Уотсонов – это странные объекты, отсюда

уровень 1 родители Бобби Уотсон и Бобби Уотсон

уровень 2. сиблинги Бобби Уотсон и Бобби Уотсон

уровень 3 внуки Бобби Уотсон и Бобби Уотсон

А кто составляет уровень ноль? Оставим пока этот вопрос без ответа.

Так или иначе, здесь реализуется то, что Матте Бланко называл логикой бессознательного: все соотносится со всем. Поскольку все родственники – Бобби Уотсоны, можно сказать, что они образуют один гиперуровень – одного БОББИ УОТСОНА.

(Между прочим, деление би-логики Матте Бланко на асимметричную (логику сознательного) и симметричную (логику бессознательного) практически совпадает с делением Л. Леви-Брюлем мышления на логическое и пралогическое.)

(Отчасти это было уже в «Саге о Форсайтах», но там уровни четко прослежены и почти не смешиваются:

уровень № ноль старый Джолион (или Роджер или Николас)

уровень № 1 молодой Джолион (или Роджер или Николас)

уровень № 2 очень молодой Джолион (или Роджер или Николас)

Уровень три – Флёр Форсайт: на этом начинается вырождение Форсайтов.)

Это дает нам и ответ на вопрос, что из себя представляет таксон уровня ноль. Этот ТОТЕМ, некий ПЕРВОПРЕДОК. Тотем воплощается в специальные странные объекты, таких как гикули, мулунгу, чуринга. В соответствии с симметричной логикой Матте Блан-

ко они означают практически все объекты, связанные с тотемом. Ср. у Леви-Брюль:

Пшеница, олень и гикули (священное растение) являются в известном смысле для гуичолов одной и той же вещью

Ср. там же такие понятия с универсальными значениями, как мулунгу, чуринга и др. По Л. Леви-Брюлю, Э. Тэйлору, Дж. Фрэзеру и Фрейду («Тотем и табу») все члены одного клана тотема являются в определенном смысле самим тотемом.

Возникает страх инцеста и это причина возникновения ОКРА (обсессивно-компульсивного расстройства личности). Но не то же ли это, что говорит Фрейд в статье о диспозиции к неврозу навязчивости?

Предположим, имеется русская семья, где всех членов «клана» зовут Петрами Петровыми?

уровень № ноль: первопредок-тотем Петр Петрович Петров

уровень № один: родители отец Петр Петров и мать Петра Петрова

уровень № два: сиблинги брат Петр Петров и сестра Петра Петрова

уровень № три: внуки внук Петр Петров и внучка Петра Петрова

Ну, хорошо, а если не экспериментировать? Представим себе нормальную русскую семью:

уровень ноль: Первопредок Петр Петрович Петров

уровень один: родители Петр Петров и Мария Петрова

уровень два: дети сын Петр Петров и его сестра Мария Петрова

уровень три: внуки: внук Петр Петров и его сестра Мария Петрова

Здесь возникает компромисс между симметричной и асимметричной логикой и с-логикой Матте Бланко, то есть имеется и уровень бессознательного, на котором все отождествляют себя с первопредком стариком Петровым, но и имеется также и уровень созна-

тельного, где все сами по себе. Компромисс – это есть обыденная жизнь.

Теперь посмотрим, что происходит в МД. Там совершенно другая картина, поскольку отсутствуют кровно-родственные связи.

Уровень № ноль Продюсеры: Инвалид, Любитель эспрессо, Ковбой

Уровень № один режиссеры Адам Кешер, Боб

Уровень № два «актрисы» Бетти и Рита (ответвления Бетти: официантка в кафе Winkie's (ее также зовут Бетти); ответвления Риты: «Рита Хейварт», Дайана и Камила («подложная» Камила Роудс («эта девушка») также является ответвлением Риты)

Предложение: считать Риту СО в узком смысле, так как она всего лишь галлюцинация Дайаны, а «подложную» Камиллу Роудс, которая поёт в первой части и неизвестно, откуда взялась, – видимо, с демонического уровня № ноль, поскольку она ставленица Продюсеров; при этом имеется хотя бы ее фото, то есть она семиотически зафиксирована, но, с другой стороны, это фото – симулякр в узком бодрийаровском смысле, то есть копия копии, поскольку ясно, что никакой Камиллы Роудс не существует, она лишь «материализация» бессознательного как желания Другого (в лакановском смысле) Продюсеров

Это всё Один УРОВЕНЬ, который можно назвать уровнем минус-ноль (или просто «уровнем **нуль**» в смысле Хармса). Это уровень ПСЕВДОТОТЕМА.

Рассмотрим фильм Кирилла Серебренникова «Измена».

Там поначалу есть только один уровень.

Муж женщины-кардиолога изменяет ей с женой ее будущего любовника (которому он это говорит, когда он приходит к ней прием)

Кардиолог. Жалобы есть?

Будущий любовник (лежит на кушетке), Нет
 Кардиолог. У меня сердце болит
 Будущий любовник. Почему?
 Кардиолог. Муж изменяет.
 Будущий любовник. Сочувствую.
 Кардиолог. Он изменяет мне с вашей женой.

Что происходит дальше? Жена будущего любовника, которая спит с мужем женщины-кардиологом, будущей любовницы своего будущего любовника (я намеренно здесь пародирую стиль приведенного выше фрагмента из «Лысой певицы») и ее будущий любовник наблюдают, как жена будущего любовника и муж женщины-кардиолога, будущей любовницы ее будущего любовника занимаются любовью голыми на балконе, падают и разбиваются насмерть. После этого оказывается, что у женщины-кардиолога и ее (теперь уже не будущего) любовника был еще один муж и соответственно у ее любовника была еще одна жена в прошлом. Кончается все очень плохо. Впрочем, не буду портить удовольствия тем, кто это фильм еще не смотрел. Так вот. Что мы здесь видим в плане уровней и иерархий?

Уровень – всего один.

Правда, у них еще есть дети. Сын у любовника женщины-кардиолога и его жены и у него же дочь от первой жены (уровень два – почему в скобках?) Дебиологизация. Сын слушает в наушниках что-то. Когда его отец обижает, начинает плакать. Но потом снова надевает наушник, чтобы лучше плакалось под музыку. Здесь надо строить уровни и иерархии во временной модальности: сейчас, тогда никогда.

Глава пятая

Модальная типология времени

Предлагаемая ниже модальная типология времени отличается от темпоральной модальной логики Артура Прайора тем, что она ориентирована прагматически. Рассмотрим понятия

сейчас тогда и никогда

Они соответствуют понятиям

здесь там нигде

пространственной логики, построенной нами в книгах «Морфология реальности» (1996) и «Прочь от реальности» (2000).

Сразу бросается в глаза, что точки здесь и сейчас (*hic et nunc*), соответствующая точкам там и тогда (впрочем, это, скорее не точки, а множества возможных миров), почти ничего не говорят ни о прошлом, ни о будущем. «Тогда» может быть и вчера и завтра.

Вчера я пошел врачу.

Тогда я пошел к врачу

Завтра я пойду к врачу.

Тогда я пойду к врачу.

Чем же, в таком случае, *тогда* отличается от *вчера* и от *завтра*, от прошлого и будущего?

Вот я сейчас сижу за компьютером и пишу книгу. Я могу сказать: «Вчера я начал писать эту главку», и я могу также сказать: «Тогда» <вчера> я начал писать эту главку».

И точно так же:

Завтра я напишу эту главку. «Тогда» я напишу эту главку.

Но ясно видно, что в случае с оператором «тогда» требуется некая разговорная пресуппозиция, а в случаях вчера и завтра не требуется.

«Мне пришли в голову некоторые идеи, и тогда я начал писать эту главку.

*Мне придут в голову некоторые, и тогда я начну писать эту главку.

Что-то не так в этом предложении. Что-то не все ясно. Почему?

Скорее, –

Тогда мне придут в голову идеи, и я напишу главку.

Что же не ясно? Не ясно, когда – «Тогда»? Это *futurum historicum*. Чем он отличается от *present historicum*? А может быть «*past historicum*»??

Вероятно смысл моих «ухищрений» состоит в том, чтобы доказать, что прошлое и будущее симметричны по отношению к настоящему. Это равносильно тому, чтобы сказать, что нет ни того, ни другого.

Вчера я написал эту главку.

Завтра я напишу эту главку.

Что в лоб, что по лбу!

Но это слишком сильное утверждение. Мы этого просто не знаем, существуют они или нет, эти «априорные категории чувственности», как любит говорить М. Бойко. Но можно определенно сказать, что тогда может быть как в прошлом, так и в будущем. Но все же есть различия. Моя задача определить эти различия. Но я думаю, что эти различия существуют только в «нормальном мире». В мире МД их нет.

Посмотрим:

Вчера Бетти встретила Риту в квартире тети Рут.
Завтра Бетти встретит Риту в квартире тети Рут

Нет, это неправильно.

Вчера Бетти встретила в квартире тети Рут неизвестную девушку, которая называла себя Ритой.

Завтра Бетти встретит в комнате тети Рут неизвестную девушку, которая назовет себя Рита.

Последнее предложение (*futurum historicum*) звучит не то чтобы комично, а слишком, увы, нормально.
Ср.:

*В следующей серии Бетти встретит в квартире тети Рут девушку, которая назовет себя Рита.

Кто это может знать?

Это может знать только человек с более высокого уровня.

Прошлое и будущее не разделяются для Режиссера (в широком смысле), которое это «будущее» уже создал. Прошлое и будущее не разделяются для Читателя, который этот фильм уже посмотрел. И для актеров, которые в этом фильме снимались.

Но продуман распорядок действий
И не отвратим конец пути.

Рассмотрим «нормальный» мир, котором мы все живем и в который мы более или менее верим.

Вот я сижу в комнате и пишу главу о модальной типологии времени.

Я не верю, что прошлое и будущее это одно и то же. Почему? Потому что меня так приучили с детства.

Логика (прагма) пространства (Руднев 1996) здесь там нигде

Логика (прагма) времени сейчас тогда никогда

Мне помнится, что в работе Руднев 1996 был парадокс, который звучал так:

Если возможно, что А находится в множестве возможных миров Здесь, то возможно, что неверно, что А находится в множестве возможных миров Здесь,

Соблюдается ли этот парадокс для логики прагма-времени?

Если возможно, что А находится в множестве миров Сейчас, то возможно, что не верно, что А находится в множестве миров Сейчас.

Если возможно, что я сижу сейчас нахожусь в этой комнате, то возможно, что я не сижу сейчас в этой комнате, а нахожусь «во вчера» на кухне.

В пространстве-времени МД это возможно, а в пространстве «Измены»? Если А не принадлежит множеству возможных миров «здесь», то А принадлежит множеству возможных миров «там» и множеству возможных миров Здесь или А принадлежит множеству возможных миров «Там».

Пример. Если А не находится здесь, на столе (на стуле, совсем рядом, в комнате), то А находится там, за углом, за стеной, в соседней комнате и Здесь, в комнате, в Москве, в доме, или А находится Там, в Ленинграде, в Америке и т. д. *Примечание.* Аналогично примеру к правилу 3 выражение «здесь в комнате» в консеквенте означает принадлежность к пространству «здесь», а выражение «Здесь в комнате» в антецеденте означает принадлежность к пространству Здесь (Руднев 2000: 109)

Применим это к логике прагма-времени и получим:

(1) Если А не находится сейчас, 29 марта 2013 года в Москве по адресу Измайловский бульвар 24, то А находится 15 сентября 1989 года в Риге или находится 23 июля 2023 года в Нью-Йорке.

Можно ли сказать, что -

«Если я не нахожусь в настоящем где-то в определенном месте, то я либо нахожусь в прошлом, либо в будущем» –

с точки зрения здравого смысла этого не может быть?

Да, если допустить, что мы живем в XIX веке и ничего не знаем про общую теорию относительности и никогда не читали Борхеса и Павича.

Но ведь в (1) не говорится ни о прошлом, ни о будущем.

Итак. Если я не говорю о прошлом и будущем, то формула 1 верна? А если говорю о прошлом и будущем, то не верна.

Аксиологическое время

Является ли время модальностью, если модальность это соотношение между высказыванием и реальностью. По Канту, очевидно, это не так. Если, как он полагал, время, как и пространство, суть априорные категории чувственности, то оно – до всех модальностей. У меня эта точка зрения вызывает сомнения, но допустим пока, что это так. Каким образом человек воспринимает мир? Мы этого, конечно, не знаем, но можем предполагать, что он глядит на него через разные модальные очки. Первая и главная модальность – аксиологическая. Мы всегда смотрим на что-то и мысленно оцениваем это как хорошее, приятное, полезное для нас или плохое, неприятное или вредное. Сами предметы не являются ни хорошими, ни плохими. Они являются безразличными по отношению к плохому и хорошему. Но безразличное тоже является частью аксиологической модальности. Из этого следует как будто, что мир сам по себе обладает аксиологией, пусть только и безразличием. Но это, конечно, не верно: мир, реальность ничем не обладает. Мир

возникает в тот момент, когда мы смотрим на него. Почему же мы говорим, что мир сам по себе безразличен ко всякой модальности, в том числе и аксиологической? Здесь кроется противоречие, разрешить которое, по всей видимости, невозможно, так как оно сродни тому противоречию, в соответствии с которым мы метафизически понимаем, что реальность это иллюзия, ошибка (подробно я пишу об этом в книге «Реальность как ошибка». (М.: Гнозис, 2011), но эмоционально чувствуем, что это не так, что на самом деле она существует и окружает нас. Что такое вообще «безразлично» – ни хорошо ни плохо? Это можно обозначить термином деперсонализация, когда человек говорит: «Мне все равно». Это ситуация мифа, по А. М. Пятигорскому. Ни реальность, ни вымысел, ни хорошо, ни плохо. Почему так важно понять природу безразличия, деперсонализации? Потому что оно является третьим членом, уровнем ноль трехчлена аксиологической модальности. Когда мы говорим «Это хорошо» или «Это плохо», то мы вводим в мир сильное позитивное или негативное чувство, мы окрашиваем им мир. Мир таков, каким мы его видим. Когда же мы говорим «Мне это безразлично», мы деперсонализируем мир, в определенном смысле его уничтожаем. Человек психастенического склада в ситуации острого горя реагирует на мир именно таким образом. У него умер отец, а он может с интересом думать, какой у мертвого отца длинный нос или странно очки скопились набок. Это не значит, что этот человек не любил своего отца. Просто горе для него так невыносимо, что он его пытается уничтожить, переводя свое внимание на несущественные детали. Если у отца длинный нос, то сын, деперсонализированный своим горем, убитый им, может подумать, что его отец был похож на Гоголя. Гоголь тоже умер, но Гоголь был великий писатель и поэтому в определенном смысле бессмертен. Может быть, и его отец не совсем умер и жи-

вет частицами своего труда, например, теми вещами, которые он сделал при жизни или теми книгами, которые он написал, если отец был писатель или ученый. Здесь, в этой точке, деперсонализация проходит, потому что бессознательное находит какой-то выход, или, скорее, конечно, иллюзию выхода из невыносимого тупика. Да, отец умер, но, может быть, это и ничего, не так страшно. Если бы мы своим целебным безразличием не уничтожали реальность, то мы бы не могли потом включать позитивные и негативные аксиологические модальности. Пятигорский на вопрос о том, что такое счастье, отвечал, что это просто хорошее приятное время (мысли Пятигорского, которые я здесь анализирую, им изложены в ранней и по недоразумению не перепечатанной до сих пор его статье «Некоторые замечания о мифологии с точки зрения психолога» // Труды по знаковым системам, вып. 2, Тарту, 1965). Это и есть аксиологическое время. Но ни хорошее, ни плохое время это тоже аксиологическое время. Нам кажется, что мы прекрасно знаем, что такое приятное хорошее время, а что такое неприятное плохое время. Например, можно сказать, что война это плохое неприятное время. Но ретроспективно война может рассматриваться и как хорошее время. Например, Лотман вспоминал, что во время войны было хорошо то, что не надо было самостоятельно принимать решений, а для Давида Самойлова война была связана с молодостью и счастьем.

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
 И больше нужного хромаю,
 И пайку надвое ломаю,
 И все на свете понимаю.

Счастье и несчастье могут существовать только на фоне безразличия, когда мне ни хорошо, не плохо. Это время деперсонализации, мифологическое время, то есть нелинейное, циклическое. На психологическом уровне это соответствует обсессивно-компульсивным мыслям и действиям. Например, человек, переживающий такое время, может бессмысленно постукивать пальцами по столу или просто считать и пересчитывать в уме, сколько лет, месяцев и дней ему осталось до пенсии. Здесь, конечно, важно подчеркнуть, что бывает малое мифологическое время и большое мифологическое время. То время безразличия, о котором мы сейчас говорим, это малое мифологическое время. Большое мифологическое время связано, скорее, с культом умирающего и воскресающего бога, связано с мегаломанией, то есть аксиологически позитивно, а вернее, амбивалентно окрашено, так как мегаломан отдает свое тело в жертву миру, как Озирис или Христос (мы об этом подробно писали в статье «Бред величия» перепечатанной в наших книгах «Характеры и расстройства личности» и «Философия языка и семиотика безумия»). Чем малое мифологическое время отличается от большого? Малый миф связан с магией и низшей обрядовостью, например, с заговорами. Большой миф связан с аграрным культом. Там тоже много обрядовости, но она носит имперсональный коллективный характер. По малому мифу живет компульсивное индивидуальное бессознательное, по большому мифу живет коллективное бессознательное юнговских архетипов, которые все, конечно, носят аксиологический характер. Например, Тень олицетворяет смерть, Персона то ложное, неприятное,

что есть человеке, Самость самое лучше, что в нем есть (Святой Дух) и так далее.

Деонтическое время

Аксиологическое время это время хорошего, плохого и безразличного. Деонтическое время это время должного, запрещенного и разрешенного. Как может быть должное время? Это время, когда должно, например, вставать рано и идти на работу. Что такое запрещенное время. Это, например, время, когда нельзя делать что-то плохое. Здесь сразу возникает две проблемы. Первая заключается в том, что аксиология пронизывает деонтику, норма пропитана ценностями. Это понимал еще Георг фон Вригт. Второе это то, что плохое делать вроде бы никогда нельзя, а не только в определенное время. Проанализируем эти две проблемы. То, что аксиология пронизывает деонтику, естественно, потому что все ценное является в определенном смысле должным. Но так ли это? Для кого-то ценным является убивать себе подобных. Это, конечно, не должно, а запрещено, если речь идет не об обществе каннибалов. Тем не менее, человек делает то, что велит ему его внутренний императив. Если серийный убийца убивает маленьких девочек, значит, ему это для чего-то нужно. Значит, он не только получает от этого удовольствие, но его что-то его к этому принуждает. В фильмах обычно считается, что у таких людей было трудное детство, над ними издевались родители или наблюдали в детстве страшную макропервосцену, например, как одного из их родителя зверски убили, и они потом всю жизнь отыгрывает эту страшную травму, проецируя ее на своих жертв. Все это может быть так на самом деле, потому что опирается на данные психологических исследований и на интуицию режиссеров. Важнее другое: что самый страшный и подлый человек, например,

Гитлер, любил получать самые невинные удовольствия и выполнял самые обыденные деонтические обязанности, например ходил по большому в туалет. Ну и что же из этого. То, что люди устроены фундаментально одинаково, будь то злодей или святой, Иисус Христос или Иуда Искарот. Вторая проблема гораздо сложнее, она связана с логикой понятие время. Нельзя делать плохое всегда или иногда? Кажется, что плохое нельзя делать всегда: убивать, красть, прелюбодействовать и т. д. Но есть такие отрезки времени, когда убивать необходимо, например, на войне, и отказ от этого рассматривается как дезертирство и карается смертью. Если мы возьмем деятельность разведчика, выполняющего секретную миссию, то он будет делать, все возможное, чтобы добиться успеха, в частности и убивать, и красть и прелюбодействовать. Можно возразить, что война и шпионская деятельность это в принципе нечто безнравственное, поэтому говорить здесь о нормах и ценностях невозможно. Но вспомним песню «Идет война народная, Священная война». Великая отечественная война действительно была народной и священной для нашей страны. Что касается разведчиков и шпионов, то, например, любые действия Штирлица в фильме «Семнадцать мгновений весны» вызывают у зрителей безусловную симпатию. То есть может быть время, когда можно делать в принципе все, что угодно. Когда Борис Ельцин в конце жизни был вынужден отдать власть Путину, он действовал так из-за того, что у него не было выхода. Ему была предложена альтернатива: либо судьба страны, либо его близких. Он выбрал своих близких, а судьбу страны пустил под откос. Он поступил безнравственно? Но кто бы из нас пожертвовал своими близкими во имя абстрактной судьбы страны? Думаю, никто. Как же все это связано с логикой времени? Допустим, человек, поступает плохо и сам это понимает. Он говорит себе: «Я поступаю так

только сегодня, а с завтрашнего дня буду поступать только хорошо». Дело не в том, что обычно дальше все идет по принципу «коготок увяз – всей птичке пропасть», но в том, что этот человек использует выражения «вчера» и «завтра» в их обыденном употреблении, не понимая, что в определенном смысле никого завтра и вчера нет. Он думает, что завтра еще не наступило, но время это иллюзия. Завтра уже есть, он до него просто не дошел. Все наши поступки заранее предопределены, они уже в определенном смысле совершены, продуман распорядок действий и неотвратим конец пути.

Эпистемическое время

Мы всегда думаем, что что-то знаем, а чего-то не знаем. Иначе мы жить не можем. Если бы мы думали, что мы ничего не знаем, то нам бы пришлось тяжело, потому что не знать ничего и жить в мире, даже если знаешь (думаешь, что знаешь), что этого мира не существует и мы просто галлюцинирующие галлюцинации, невероятно трудно. Но Витгенштейн считал, что мы должны знать что-то. Например, мы знаем, что нас зовут так-то и так-то. Нас этому научили в детстве. Чему именно нас научили? В какой момент времени нам сказали, что нас зовут Ваня или Маша? Мы этого не помним, то есть по Платону не знаем. Когда мы что-то узнаем, как нам кажется, новое, то на самом деле мы припоминаем, что-то забытое. Так примерно учил Платон. То есть источник того, что мы, как нам кажется, знаем, находится в прошлом. А может знание находится в будущем? Может. Например, когда человек видит пророческие сновидения, он проникает в свое будущее. Так люди думали очень давно. Но лишь Джон Уильям Данн в начале XX века предпринял попытку строгого обоснования такого взгляда на вещи, при помощи своей теории многомер-

ного времени. Мы не знаем, верна ли эта теория или не верна, как не знаем этого о большинстве теорий, но если она хоть как-то объясняет факты, то можно сказать, что знание может идти из будущего. Так думал и Юнг, когда анализировал свои сновидения в книге «Воспоминания. Размышления. Сновидения». Он черпал из своих сновидений необычайную силу, чего, по всей видимости, нельзя сказать о Фрейте, который был человеком XIX века и считал, что сновидения приходят исключительно из прошлого. Но мне кажется, что противопоставление Фрейда и Юнга во многом является надуманным. Почему? Потому что они оба пролили свет на происхождение и природу бессознательного, о котором, тем не менее, мы по-прежнему ничего не знаем и лишь предполагаем, что оно есть. Полагание, в сущности, единственная эпистемическая модальность, с которой мы можем оперировать всерьез. Потому что если все отрицать, говорить, что мы не знаем ничего, это еще менее серьезно, чем говорить, что мы знаем что-то. Если мы начнем говорить, что мы того не знаем и этого не знаем, потому что вообще ничего не существует, то мы придем в тупик. Ну, хорошо, мы «докажем», что ничего вообще не существует, и что дальше? Дальше все равно как-то надо будет жить. Хотя я могу представить себе человека, который понял, что ничего не существует, и покончил с собой. Это вроде бы честная позиция. Это позиция Симора Глааса из рассказа Селинджера «Хорошо ловится рыбка бананка» или позиция самого Селинджера, который бросил писать и стал пить мочу. Ну хорошо, я брошу писать, стану пить мочу или делать еще что-то полезное, например бегать с утра до вечера трусцой, ходить на лыжах и есть сырые овощи без соли. Что от этого изменится? Ну было ничто, и осталось ничто. А если продолжать писать, что-то изменится? Может ничто превратиться в нечто? Укон не может превратиться в нечто, а меон может. Но

уконы и меоны придумал Парменид, который тоже толком ничего не знал. И вообще, может быть гипотеза, в соответствии с которой реальности не существует, сколь бы логичной она ни казалась, тоже не верна. Может быть, на самом деле реальность существует. Кто знает. Что же такое полагание? Что значит, что мы что-то полагаем. – Как ты думаешь, реальность существует? – Я полагаю, что реальность существует. Это значит, что я не знаю точно ответа на этот вопрос. Можно ли сказать: Я полагаю, что меня зовут Вадим Руднев. По-моему можно. Может ли такое быть, что меня не зовут Вадим Руднев? Может! Может быть, меня зовут Людвиг Витгенштейн, ведь это мой учитель, и я часто отождествлял себя с ним, примерялся к его имени, а на уровне бессознательного Матте Бланко – Руднев, Витгенштейн, Бетховен и Семен Семенович Горбунков это одно и то же лицо. Значит, говорить, как это делает Витгенштейн в трактате о достоверности, что тот факт, что его зовут Л.В. это нечто, находящееся за пределами сомнений, несколько опрометчиво? Получается, что так. Что же, Л.В. ошибался? Да, все ошибаются, и он ошибался. От этого он не перестает быть великим философом. Можно сказать: «Я полагаю, что у меня есть жена»? Можно. А можно сказать: «Я знаю, что у меня есть жена». Да, можно сказать все, что угодно. Надо только проследить логические и психологические следствия того, что ты говоришь. Лучше всего сказать просто: «У меня есть жена» и не нужно никаких пропозициональных установок. Но как же так, мы ведь во всем сомневаемся, значит, Витгенштейн не ошибался, а был прав. Значит, был прав. Но это же противоречит... Да, противоречит, мир вообще полон противоречий. Он был прав, и он был не прав. И даже если он был вообще не прав, я все равно останусь с Витгенштейном, а не с истиной. В каком-то смысле он просто мой близкий друг. Я вполне могу допустить, что мы были когда-то

знакомы, хотя я родился в 1958 году, а он умер в 1952-м. Мы все-таки говорим, что что-то знаем. И мы действительно что-то знаем, например, что формула воды H_2O . Но это было не всегда. Раньше у воды не было такой формулы, раньше у нее вообще не было никакой формулы, во всяком случае, можно точно сказать, что когда-то давно люди не знали, что у воды формула H_2O . Не знали и жили себе спокойно. И пили воду.

Алетическое время

Алетическое время это гипервермя. Оно является дизъюнктивным синтезом аксиологического, деонтического и эпистемического времен. Как это понять? Что такое алетика? Это синтез трех модальных операторов: необходимо, возможно и невозможно. Что-то является необходимым? Необходимое это хорошее. Мы должны с необходимостью делать добро. Причем здесь время? Мы должны делать с необходимостью добро всегда, то есть в любое время. А можно сказать, что мы должны с необходимостью делать зло? Можно, если мы будем абсолютизировать зло и поставим его на место добра. Тогда нашим категорическим императивом будет: «Делай то, чего никогда не хочешь, чтобы делали тебе». Это и будет заповедь антиэтики. Но, вообще говоря, люди все равно делают то, что хотят, и даже самый страшный серийный убийца бессознательно будет хотеть, чтобы ему делали хорошее, например, поймали его и убили поскорее, потому что убийцей быть так же трудно, как и святым, несмотря на то, что у святого есть Совесть и Сознательность, а у убийцы хотя и могут быть угрызения совести и проявления некоторой сознательности, например, по отношению к своим детям, но все равно он будет оставаться обыкновенной машиной, роботом, выполняющим команды своего извращенного суперэго. Необходимое это должное. Мы всегда делаем то, что

должно. Даже когда мы развлекаемся или моем посуду, или просто безразлично смотрим вдаль. Все равно это некое долженствование. Но ведь мы можем и не мыть посуду. За нас это может делать кто-то другой, например, домработница. Но тогда это будет ее долг – мыть за нас посуду. Но ведь она за это получает деньги. Но многие ли выполняют свой долг бесплатно? Многие. Например, жена, если она хорошая жена, делает для мужа все бесплатно. Но можно ли тогда сказать, что это ее долг. Не получает ли она от этого удовольствие? Но кто сказал, что от выполнения долга не получают удовольствия. Мы многое делаем без удовольствия и при этом не выполняем никакого долга. Живем, просто как Бог на душу положит. Без всякой необходимости. Просто выживаем. Но выживать это тоже наш долг перед природой. Хотя Толстой считал иначе. Он полагал, например, что инстинкт продолжения рода не нужен, потому что человечество это плохой проект и если он погибнет, то это даже будет к лучшему. Толстой по-своему был ницшеанцем. Но он тоже выполнял свой долг, хотя, похоже, это не доставляло ему никакого удовольствия, особенно, в старости, когда он вместо того, чтобы нормально писать свои художественные произведения, заставлял себя быть духовным учителем. Зачем ему это понадобилось? А ни зачем. Просто в какой-то момент он понял, что больше не может быть простым писателем, показала, что ему это не нужно. И стал пытаться быть проповедником добра. Насильно. Правильно ли он поступил? Я считаю, что правильно. Почему? Разве заставлять себя делать добро правильно? Даже если тебя самого от этого воротит. Ну это так же, как каждое утро делать зарядку. Можно сделать зарядку, а можно съесть пирожное. При этом хороший человек может съесть пирожное, а плохой отжиматься на полу или заниматься йогой. Все эпистемическое это тоже необходимое. Стремление к познанию, если оно есть

у человека, является для него психологической необходимостью и даже логической. Например, можно сказать, что в логическом смысле необходимо, что Сократ философ. Или необходимо, что девушка читает книжку. Эпистемика пронизывает жизнь человека, даже если он вообще не умеет читать. Например, ребенок на стадии эпистемофилии любит, чтобы ему читали вслух сказки. Когда мы спим, нам снятся сны, которые сообщают нам важную информацию о нашем прошлом и будущем. Когда мы катаемся на коньках, наше тело получает удовольствие (аксиологическая модальность), но одновременно наше тело выполняет долг по отношению к нашему разуму (деонтическая модальность), но одновременно наш разум получает информацию от нашего тела (эпистемическая модальность). И так во всем. Сказки это нечто алетическое. Там происходят чудеса, то есть невозможное с точки зрения обыденного здравого смысла. Является ли невозможное невозможным? Нет ничего невозможного для человека, если он готов к духовному росту. Человек в своей индивидуации стремится к постижению Самости, то есть Иисуса Христа. Христос, как известно, совершал чудеса, но Он делал это только для того, чтобы люди поверили в то, что Он действительно Сын Божий. Самому Ему это было не важно, за исключением, может быть, чуда в Канне Галилейской, когда Он претворил воду в вино. Тогда Ему важно было убедиться, что Он в состоянии вообще что-то делать. Но, вообще говоря, чудесное происходит с человеком на каждом шагу. Уже то, что он каждое утро просыпается и видит свет, это чудо, и то, что к нему вдруг приезжает близкий друг из-за границы, это тоже чудо, и даже то, что он может протянуть руку и сказать любое слово, какое захочет. А категория возможного, она тоже универсальна? Конечно. Например, невозможное может быть возможным. Можно сказать: «Возможно, что это невозможно, или

возможно, что это необходимо. Или возможно, что это возможно, хорошо, плохо, нетривиально и так далее. Что же такое гипервремя как модальность?

Гипервремя как модальность

Гипервремя – дизъюнктивный синтез всех модальностей. Но, по нашему мнению, оно само является модальностью. Модальность это отношение высказывания к реальности. Может ли время быть отношением к реальности, если оно само является частью реальности, формой восприятия реальности? Мне кажется, что может. Как часть может быть отношением к целому? Часть несет в себе целое. Время вчера относится ко времени завтра так же, как время завтра относится ко времени послезавтра. Время вчера это модальность по отношению ко времени завтра. Как это понять? Мы можем сказать: Вчера это такое же завтра применительно к позавчера. Но ведь гипервремя это не вчера и не сегодня, и не завтра, и, в то же время, и вчера, и сегодня, и завтра. Это не аксиология, не деонтика, не эпистемика, и, в то же время, это и то, и другое и третье. Что же дальше? Дальше тишина. Когда наступает смерть, все обезмодализуется, становится как бы голым в модальном плане. Что же это значит? Смерть это не окончательное состояние человека. Наоборот, с точки зрения семиотической информационно-модели времени смерть это в определенном смысле начало, текст начинает жить только после своего завершения (смерти), жить ахронной жизнью. А что делаем мы, люди, когда умираем? Мы тоже в определенном смысле тексты. В нас заложена генетическая информация, которая не умирает вместе со смертью тела, да и само тело тоже не умирает – это только видимость смерти. Если мы принимаем модель гипервремени, смерти вообще не остается места. Ведь напомним, что в гипервремени живет не человек,

в том смысле, в котором жил, например, человек девятнадцатого и даже двадцатого века. Можно ли сказать, что персонажи Малколланд Драйв это нормальные люди? В определенном смысле да. Им свойственны человеческие слабости. Они страдают, любят, ищут себе выгоды и так далее. Но в другом смысле они не походи на людей XIX и даже XX века. Они уже как бы полуроботы. В каком смысле они полуроботы? Ведь, по Гурджиеву все люди машины. В том смысле, что в отличие от обыкновенных людей Рита, Бетти и Адам это как бы пралюди. Адам вообще это перво-человек, Адам Кадмон. Соответственно Рита (она же Камилла Роудс) это Лилит, а Бетти это несостоявшаяся Ева. Чем перволюди отличались от последующих поколений людей? Они были бессмертны. Времени в раю не было, оно началось только после грехопадения. Но МД не рай, скорее, ад, где правят монстры уровня ноль, продюсеры. Они сами не знают, чего они хотят, и мы не знаем, чего они хотят, как, например, мы не знаем, чего хотят судьи в фильме Кокто «Орфей», кафкианские судьи которые населяют обитель смерти и судят саму Смерть (Марию Казарес). Как смерть может судить смерть? Да к тому же ведь мы говорим, что МД это новый трагизм, то есть выход за пределы эстетики XX века. В чем же тут выход? В некоем коллективном разуме, который пытается управлять персонажами. Природа этого коллективного разума непонятна. И даже нельзя однозначно сказать, что она зла. Например, про Ковбоя нельзя однозначно сказать, что он представитель злых сил, минус уровня ноль. Можно просто сказать, что все персонажи – марионетки в руках неизвестно кого. Мы можем и про нас самих сказать, что мы марионетки в руках неизвестно кого. Но особенность мира МД и нашего мира в том, что мы сами тоже входим в это темное множество продюсеров, мы тоже управляем неизвестно кем в себе и в других. Когда мы, например, недо-

вольны начальством, мы проецируем своего собственного продюсера внутри нашего бессознательного, нашего СуперИд, которое ни в чем не знает границ, на это всепоедающее кафкианское начальство. Мы не можем достичь с ним отношения проективной идентификации, или отношения взаимодействия. Даже когда мы протестуем, наш протест принимает смехотворные формы, потому, что мы протестуем против самих себя, против своих внутренних продюсеров. В этом, как мне кажется, состоит сердцевина пост-тоталитаризма. Мы сами в себе сочетаем продюсеров и актеров. Чтобы добиться того, чтобы прорест был действенным, надо стать хотя бы режиссером собственной жизни. Как это сделать? Ответ простой. Видеть во всем проявления Святого Духа, то хорошее, что есть в каждом человеке. Это, конечно, очень сложно. Но чем больше хорошего мы будем видеть в каждом пусть даже очень плохом человеке, тем больше хорошего будет оставаться в нас.

Гиперуровни

Что такое гиперуровни? Это те же уровни 0, 1 и 2, но только в гипервремени. Мифологическое время соответствует бреду величия, это самозабвения смысла, здесь господствует экстраективная идентификация Я со всем миром. Галлюцинирующая Галлюцинация это и есть миф. Когда я говорю, что меня нет, это высшее проявление постнеомифологического мышления, первобытного нового трагизма. Потому что если меня нет, то кто же это трагический человек, новый нарцисс, тот, кто говорит, что его нет. Как разрешить это противоречие? Только перейдя нас следующий гиперуровень – Новое эсхатологическое мышление. Как развернуть магический цикл величия, заикленности на себе, которого нет, и достичь линейного бреда воздействия. Это будет означать, что шизофрения пошла

по времени вспять. Такое бывает. Но почему величие циклично, а воздействие линейно? Величие это то же навязчивое повторение, повторение большого космического цикла (см. мою статью «Бред величия», где описывается, как мегаломан превращается в жертвенное первотело¹) А воздействия? Здесь появляется Бог или дьявол, или какая-то другая сила, воздействующая на человека как будто извне, хотя она может находиться у него в голове, как при синдроме Кандинского-Клерамбо. Здесь нет уже цикла как доминирующей модели времени, здесь мы уже имеем стрелу, движущуюся от начала бреда (появления бога или дьявола) к его завершению. Что же является эквивалентом Страшного Суда при шизофрении? И не являются ли Страсти Христовы скорее свойственными бреду величия? Нет, страдания и муки Христа это некий путь, линия. Это бред воздействия. Бог на Него воздействовал, принуждал Его к свершению его пути. Но Христос часть Бога, поэтому он существует не во времени, а в вечности. Это и есть гиперуровень – одновременно фрагмент времени и гипервремени. Энтропийное время – это время преследования. Человека преследует его смерть, функция второго начала термодинамики. В определенном смысле смерть как явление нового трагизма началась в 1940 годы XIX века, умирать стало страшно именно тогда. Ведь еще Пушкин смеялся над смертью в «Дон Гуане», «В пире во время чумы». Страх смерти в русскую культуру принесли разночинцы и пресмыкающиеся перед ними дворяне-либералы. «Раньше были гегелисты, а теперь нигилисты». Гегель полагал, что человек тем и отличается от животного, что должен свою смерть принять добровольно. Шопенгауэр говорил примерно

¹ Руднев В. Характеры и расстройства личности. М., 2002. Перепечатано в книге: Руднев В. Философия языка и семиотика безумия. М., 2007.

то же самое на другом языке, близком языку буддизма. Вообразить себе, чтобы Пушкин или Лермонтов написали «Смерть Ивана Ильича» так же трудно, как представить себе, чтобы Толстой или Достоевский взяли бы и написали «Евгения Онегина». Итак, бред преследования, паранойя, как они связаны со стрелой Эддингтона, с энтропией? Что происходит с человеком, у которого бред преследования? Прежде всего, у него депрессия. Представить себе хорошее настроение у человека с бредом преследования невозможно. Но этого мало. Для того чтобы возник бред преследования, нужен определенный гомосексуальный компонент, ощущение, что тобой овладевают сзади. Это азы психоанализа. Что можно здесь внести нового? Понимание того, что преследование и воздействие это практически одно и то же. Что и преследователь воздействует, и воздействующий преследует. Что же нового внес «закон об энтропии»? Как вообще формулируется этот закон? В замкнутых системах энтропия с течением времени повышается, если только система не подпитывается информацией извне. Примерно так. Но мы все время подпитываемся какой-то информацией извне. Поэтому второе начало термодинамики это некая абстракция. А какой физический закон действует для эсхатологического времени воздействия? Закон возрастание информации. Есть такой Закон? Что-то не помню. А закон, управляющий мифологическим временем? Это психологический закон навязчивого повторения. Его сформулировал Фрейд в статье о влечении к смерти. Неживое было раньше живого. И что же из этого следует? Причем здесь мифологическое мышление? Закон возрастания информации мог бы выглядеть примерно так. В незамкнутых семиотических системах количество информации непрерывно возрастает. А бывают замкнутые семиотические системы? Бывают. Например, светофор. А еще? Ну, например,

игра в подкидного дурачка. Но при игре в дурака (да и в ситуации светофора тоже) мы выступаем в качестве наблюдателей, то есть вносим в систему определенные информационные изменения, и потому игру в карты, которую нельзя рассматривать как замкнутую систему, к тому же карты с каждой игрой истрепываются, то есть увеличивается энтропия. И вообще игра в карты это процесс стохастический. Но можно ли сказать, что светофор это замкнутая семиотическая система и что именно в подобных системах информация остается на одном и том же уровне. Почему бы не предположить, что какой-нибудь умник не решит, что следует везде заменить красный свет светофора на черный, зеленый – на голубой, а желтый вообще отменить. Теоретически такое вполне возможно. Можно, конечно, возразить, что это уже будет какая-то совсем другая система. Если же обесточить весь город, то никаких светофоров не будет. Неживое было раньше живого. Светофор был раньше человека, письменность раньше устной речи. Сон – раньше пробуждения. Не кажется ли нам, что мы употребляем наречие «раньше» как-то походя и бездумно, что в гипервремени не существует раньше или позже. Но прежде все-таки надо сказать несколько слов о многомерной модели времени. Она тоже, конечно была всегда. Всегда были наблюдатели. Закон Гейзенберга действителен даже для первобытного общества. Первобытный охотник наблюдал за зверем в лесу, за охотником следили два другие охотника, чтобы он мог подать им сигнал. Вот уже два измерения времени. Это принцип отношения. Что такое отношение, бред отношения. Это когда я смотрю телевизор, и все происходящее в нем, кажется сделанным специально для меня. Охотники, которые наблюдают друг за другом, и зверь, который наблюдает за ними. Но только первобытные охотники не отличали настоящей охоты от охоты, которая

была изображена на скале их первобытным художником. С точки зрения Деррида наскальная надпись, идея охоты, должна была предшествовать самой охоте, быть раньше ее. Разберемся, со словом «раньше». Раньше, вчера был понедельник, сегодня вторник. Следует ли из этого, что понедельник всегда раньше вторника? Нет, конечно. Понедельник может быть позже вторника. Например, если это понедельник предшествующей недели. Но ясно, что в гипевремени, например, в мире «Малхолланд Драйв», вообще все дни недели и числа будут перепутаны. Да там и нет вообще таких слов: понедельник, вторник. «Во вторник Камилла Роудс вышла замуж за Адама Кешера». Даже странно. Ну хорошо. А можно ли представить в качестве модели гипервремени фильм «Бриллиантовая Рука»? Конечно, можно! Поначалу кажется что это полный абсурд. Комедия! В своем роде советское «Горе от ума» – половина вошло в пословицы. Откуда там взяться гипервремени. Но гипервремя было всегда и есть везде. Гипервремя, или полифоническое время, есть дизъюнктивный синтез четырех типов времени. Начнем с самого начала – мифологическое время. Что может служить в БР эквивалентом мифологического мира? Песенка, которую поет Геша про остров невезения, а потом Семен Семенович про зайцев. Вот эти тексты.

Весь покрытый зеленью, абсолютно весь
Остров невезения в океане есть.

Там живут несчастные люди дикари,
На лицо ужасные добрые внутри.
На лицо ужасные добрые внутри,
Там живут несчастные люди дикари.

Что они не делают не идут дела,
Видно в понедельник их мама родила.
Видно в понедельник их мама родила,
Что они не делают не идут дела.

Крокодил не ловится не растёт кокос,
 Плачут, богу молятся не жалея слез.
 Плачут, богу молятся не жалея слез,
 Крокодил не ловится не растёт кокос

По такому случаю с ночи до зари
 Плачут невезучие люди дикари
 И рыдают бедные и клянут беду,
 В день какой неведомо в никаком году.

Здесь налицо навязчивое повторение, связанное с рождением в несчастливый день недели. При этом подчеркивается (в последней строке) что этого всего как будто и не было вообще («Числа и месяца не было»). Теперь песня про зайцев:

В тёмно-синем лесу,
 Где трепещут осины,
 Где с дубов-колдунов
 Облетает листва,
 На поляне траву
 Зайцы в полночь косили
 И при этом напевали
 Странные слова.

А нам всё равно,
 А нам всё равно,
 Пусть боимся мы волка и сову.
 Дело есть у нас –
 В самый жуткий час
 Мы волшебную
 Косим трын-траву.

А дубы-колдуны
 Что-то шепчут в тумане,
 У поганых болот
 Чьи-то тени встают.
 Косят зайцы траву,
 Трын-траву на поляне
 И от страха всё быстрее
 Песенку поют.

А нам всё равно,
А нам всё равно,
Пусть боимся мы волка и сову.
Дело есть у нас –
В самый жуткий час
Мы волшебную
Косим трын-траву.

А нам всё равно,
А нам всё равно,
Твёрдо верим мы
В древнюю молву.
Храбрым станет тот,
Кто три раза в год
В самый жуткий час
Косит трын-траву.

А нам всё равно,
А нам всё равно,
Станем мы храбрей
И отважней льва.
Устоим хоть раз
В самый жуткий час,
Все напасти нам
Будут трын-трава.

А нам всё равно,
А нам всё равно,
Твёрдо верим мы
В древнюю молву.
Храбрым станет тот,
Кто три раза в год
В самый жуткий час
Косит трын-траву.

Эта песня, которую многие из поколения автора этой книги помнят с детства практически наизусть, на первый взгляд, кажется забавной и безобидной. Но это совершенно не так. Если вдуматься, в этом тексте изображен странный, бессмысленный и кажущийся

архаическим ритуал, то есть опять-таки воспроизводится механизм навязчивого повторения. Ключевые слова песни «А нам все равно» являются выражением деперсонализации. Как деперсонализация связана с мифологическим аграрным мышлением? Очень просто. Все равно, что посеешь, то пожнешь, что-нибудь да вырастет, не надо отчаиваться даже в самую трудную минуту. Ведь в магическом мышлении, а это то же самое, что в психотическом мышлении, самими главными становятся странные объекты, то есть обрывки галлюцинаций. Можно сказать, что вся история, произошедшая с Семеном Семеновичем, после того как он сел на корабль, ему приснилась. Может быть, он напился со страху, и ему приснился Геша, Стамбул, бриллиантовая рука, и он действительно поскользнулся (во сне), упал, закрытый перелом, очнулся – гипс, а никаких бриллиантов вообще не было, и фильм совершенно не об этом, а о том, что абсолютное добро русского юродивого не подвластно никаким дьявольским козням, точно так же можно показать и то, что в этом фильме есть эсхатологическое время хотя бы потому, что оно есть в любом фильме – это движение от начала к концу как цели фильма, к словам «конец фильма», которые являются не смертью фильма, а его рождением, особенно если это хороший фильм. Энтропийное и многомерное время есть так же в любом фильме и вообще в любом мире, где есть наблюдатель. Что является маркером гипервремени? Нужно просто сосчитать до трех: уровень ноль, уровень один и уровень два. Уровнем один (продюсерами) в фильме является, прежде всего, «шеф». Но это только так кажется. На самом деле уровнем ноль может быть любой персонаж, так как любой человек является сам себе продюсером. Он продумывает сам себе собственную жизнь и жизнь своих близких. Сложнее с уровнем два, с уровнем режиссеров. Никаких режиссеров в фильме нет. Но и это только кажется.

А как же милиция, которая срежиссировала все поведение Семена Семеновича. Остальные – актеры, уровень 2, – каждый из которых может быть уровнем 0 и уровнем 1. Это и есть структура гипервремени. Теперь остается показать связь с величиим, воздействием, преследованием и отношением. Величие – функция мифологического мышления. У кого из персонажей БР мы можем обнаружить следы идей величия? У шефа, конечно. Но, с другой стороны, следы идей величия есть у каждого человека, даже у Семена Семеновича Горбункова, например, когда он возмущен, что жена его заподозрила в связях с западными спецслужбами. Он кричит с возмущением: «Горе мне! Ты моя жена, мать моих детей!» То же самое можно сказать и о воздействии, потому что все люди воздействуют друг на друга, и о преследовании, потому что все люди так или иначе друг друга преследуют, и об отношениях, что очевидно.

Иногда в мою голову закрадывается страшное подозрение: а вдруг реальность все-таки существует? И это не смотря на то, что я так много усилий потратил на доказательство того, что ее не существует. Например, практически вся моя книга «Новая модель шизофрении» посвящена тому, что реальности не существует, и более того, не существует и носителя, пользователя реальности, мыслящего и чувствующего субъекта, которого я назвал галлюцинирующей галлюцинацией и потом вообще пришел к выводу, что ничего не существует, вообще ничего. Но даже если это так, даже если Бог, как я там пишу, тоже галлюцинирующая галлюцинация, то, значит, хотя бы эта галлюцинирующая галлюцинация как-то существует, раз я о ней говорю, или галлюцинирующей галлюцинации тоже не существует и ничто тоже не существует и тогда вообще не о чем говорить. Но как же не о чем говорить, если я пишу книгу «Новая модель времени». Значит, моей книги тоже не существует. Зна-

чит, не существует ни моей книги, ни меня, ни компьютера, все это развернутое ничто, меонизированный уклон. Но тогда бессмысленно писать книгу, которой не существует. Может быть, не писать ее вообще? Мне кажется, именно так поступил Сэлинджер, когда, вероятно понял что-то в таком же роде. Что же он сделал после того как перестал писать книги? Вот что сообщает Википедия:

После того как роман «Над пропастью во ржи» завоевал популярность, Сэлинджер начал вести жизнь затворника, отказываясь давать интервью. После 1965 года прекратил печататься, сочиняя только для себя. Наложил запрет на переиздание ранних сочинений (до рассказа «Хорошо ловится рыбка-бананка») и пресёк несколько попыток издать его письма. В последние годы жизни он практически никак не общался с внешним миром, живя за высокой оградой в особняке в городке Корниш, штат Нью-Гэмпшир, и занимаясь разнообразными духовными практиками (буддизм, индуизм, йога, макробиотика, дианетика), а также нетрадиционной медициной, уринотерапией, глоссолалией, гомеопатией, акупунктурой и Христианской наукой) <...> Сэлинджер умер естественной смертью в своём доме в Нью-Гэмпшире 27 января 2010 г. в возрасте 91 года. Информацию о смерти предоставил сын писателя, информация также была подтверждена его литературным агентом.

Итак, Сэлинджер последние 20 лет жизни занимался в основном тем, что пил свою мочу.

Я не буду говорить о том, что глагол «существовать» – очень двусмысленный, так как писал об этом много раз. И все же проблема остается. И я не думаю, что она не стояла передо мной, два года назад, когда я писал «Новую модель шизофрении». Там есть такая глава: «Меня нет, но мне страшно». Вот фрагмент из нее.

Обратим внимание на безличную форму этого предложения. Мне страшно. Можно сказать просто «Страшно!» Если перевести это высказывание в прошедшее время, получится «Было страшно». Вылезает вновь этот средний род, это «оно». В данном случае это не столько фрейдовское Es, сколько название романа Стивена Кинга «Оно» (It), страшная inferнальная безликая сила, которая тоже связана с детством, но находится где-то вне субъекта, над или под ним, воплощенная безобразно улыбающимся клоуном, странным объектом. И так, кому же страшно, если нет субъекта страха? Просто страшно. Реален ли страх? Прежде чем ответить на этот вопрос отрицательно, невольно задумаешься. Конечно, фобии маленького Ганса вызывают улыбку, но, скажем, страх высоты, когда при этом непреодолимо хочется броситься вниз, это нечто действительно зловещее, жуткое, Unheimlich. По Фрейду жуткое, ужасное – это возвращение вытесненного. Что-то неприемлемое убирается из сознания в бессознательное, а потом при удобном случае выходит наружу, материализованное в странных объектах. Но бессознательное устроено сложнее, чем это представлял себе Фрейд, это два зеркала, которые смотрят друг на друга и взаимно уничтожают друг друга. Но неужели и бессознательное не реально? Кажется, что уж тут говорить: бессознательное – неуловимая и самая нереальная вещь на свете. Хотя, если следовать нашей логике, то уж если что реально, так это именно бессознательное. Почему? Потому что оно имеет мерцательный характер. У него какая-то совершенно иная реальность. Не высшая и не низшая, иная. И если что-то связывает нас с прошлым, то не книжки с картинками и или научными ссылками, а именно то, что Юнг назвал архетипами, потому что применительно к таким сущностям глупо даже задавать вопрос, существует это или нет, реально это или нет. Например, Иисус Христос, архетип Самости. Сама постановка вопроса, существовал ли исторический Иисус, нелепа. Какая разница. Мы же не спрашиваем, что делал Бог-Отец во вторник пятого мая такого-то года до нашей эры? А применительно к Христу подобные вопросы считаются уместными. Тот факт, что, как мы утверждаем,

все, что нас окружает, включая нас самих, это бредово-галлюцинаторная реальность вовсе не означает, что это полная бессмыслица. Разве бред шизофреника – полная бессмыслица? Он *кажется* бессмыслицей. Галлюцинация *кажется* бессмысленной, потому что она нереальна. Вещь *кажется* осмысленной, потому что она реальна (res). Почему иллюзия материальной уплотненности подразумевает иллюзию осмысленности?

А иллюзии материальной разряженности не подразумевает иллюзии осмысленности? Вот возьмем квантовую физику, над созданием и развитием которой трудились десятки гениальных людей. Если следовать логике, в соответствии с которой реальности, внешнего мира или вообще чего угодно не было и нет, то этих людей тоже никогда не существовало: ни Бора, ни Гейзенберга, ни Макса Планка – никого, и что все их формулы не имеют никакого смысла, ведь элементарных частиц тоже никогда не было и нет. И все же эти замечательные ученые как-то прояснили проблему существования/несуществования реальности. Вот элементарная частица. Она скачет, как блоха то туда, то сюда, то в сторону энтропийного времени, то в сторону информативного времени. Ее невозможно адекватно описать, но лишь как волну или как корпускулу одновременно, она неопределенна: невозможно одновременно измерить ее координату и импульс. Это очень близко к тому, чтобы сказать, что элементарная частица существует и не существует одновременно. Решает ли это вопрос о природе реальности? Не совсем. Если его ставить так топорно, как его ставим мы, то вообще не решает. Если я утверждаю, что я себе только кажусь, то, значит, никаких элементарных частиц вообще нет и даже такого словосочетания тоже нет. Если я говорю, что элементарные частицы суть просто странные объекты, которые ни существуют, ни не существуют по определению, то это уже интеллектуальная уловка. Можно сказать раз и навсегда,

что проблема, про которую я пишу, в принципе не разрешима, как проблема доказательства бытия Божия, успокоиться и начать пить мочу. Но не будет ли это трусостью, «бегством в здоровье». Тогда надо предложить какой-то радикальный путь. Какой? Можно ли сказать, что круглые квадраты существуют? Сказать можно все что угодно. Хорошо, тогда я говорю: «Круглые квадраты существуют». Что из этого следует? И не следует ли из этого следующее контрфактическое суждение: «Если круглые квадраты существуют, то реальности не существует, и тем самым не существует также круглых квадратов». Давайте разберемся. Круглых квадратов не может существовать по определению, во всяком случае, во всех возможных мирах, соотносимых с нашим действительным миром (реальностью). Они могут существовать только в «невозможных возможных мирах» (термин Хинтикки). Если мы говорим о чем-то, что не может существовать в принципе, что оно существует, то мы тем самым признаем, что это существование не имеет никакого значения, мы обесцениваем саму идею существования чего бы то ни было. Следует ли из этого, что реальности не существует? И да, и нет. Поскольку нам теперь совершенно все равно, существует она или нет, мы деперсонализированы по отношению в проблеме ее существования, то мы говорим: нам наплевать на это! Но как же нам наплевать на это, если мы только сейчас писали, что, может, это и есть основной вопрос всякой философии и всякого философствования. А в каком смысле да? Ну, если существуют круглые квадраты, значит, существует все, что угодно, например, ломаные прямые, а, если принять, что все это существует, то это равносильно тому, чтобы принять, что ничего не существует и, стало быть, реальности в нашем понимании того, что это такое, не существует, потому что, если реальность в нашем понимании этого слова существует, то не существует ломаных прямых и кру-

глых квадратов. Радикален ли этот путь? Не очень. Можно ли предложить другой? Попробуем.

Если мы допускаем существование гипервремени или вообще какого бы то ни было времени, какой-то модели времени, значит ли это, что мы тем самым допускаем существование реальности. Строго говоря, да. Если есть время, то есть и реальность. Кант, правда, говорил, что время наряду с пространством есть априорная категория чувственности. То есть время как бы предшествует реальности. Но если есть чувственность, то, стало быть, есть и субъект этой чувственности, а мы постулировали, что нет никаких субъектов. Мы рассматриваем время как модальность, то есть совершенно не так, как Кант. Временная модальность приписывает любому высказыванию определенный оператор, прежде всего, «тогда» и «потом», что примерно соответствует словам «раньше» и «позже», то есть прошлому и будущему. Это предполагает как минимум, что высказывания каким-то образом существуют. Мы не можем приписать никакого оператора тому, что не существует. Или можем? Мы можем сказать: «В романе Толстого «Анна Каренина» Анна была сначала (тогда, раньше) была женой Алексея Александровича, а потом стала фактической женой Вронского». Но ни Анны Карениной, ни Алексея Александровича, ни Вронского не существует и никогда не существовало. Но как же так? Ведь Даниил Андреев считал князя Андрея таким же реальным человеком, как Лермонтова, а на уровне бессознательного Матте Бланко Анна Каренина, Андрей Болконский, Иисус Христос, ветка акации и сам Матте Бланко это все одно и то же. Да, но Даниил Андреев был мистик и парафреник. И мы живем не в мире бессознательного, но на пересечении двух миров – сознательного и бессознательного. Нам нужно найти некую золотую середину. Давайте тогда задумаемся, что такое галлю-

цинирующая галлюцинация. Есть некое сознание, которое галлюцинирует. Это сознание не является сознанием в том смысле, в котором мы в обыденной жизни и в психологии говорим о сознании. Это симулякр сознания, оно на самом деле галлюцинация. Чья галлюцинация? Это галлюцинация чьей-то другой галлюцинации. И так далее бесконечным регрессом, пределом которого является некий субъект ноль, Луч Творения, который является галлюцинацией самого себя. Очень хорошо. Галлюцинация это ведь нечто не существующее? Совершенно верно. Совершенно ли верно? Давайте представим себе какую-нибудь галлюцинацию. Человек (галлюцинирующая галлюцинация) видит себя Наполеоном. Но мы все привыкли думать, что Наполеон был историческим лицом, то есть реально существовал. Это мнение можно оспорить, сказав, что вся история это сплошная фальсификация и такого человека, как Наполеон, вообще никогда не было, и сражения при Ватерлоо не было и ничего вообще не было. Допустим, так. Но эти фальсифицированных документов о Наполеона – их тоже не было? А само слово Наполеон разве не существует просто даже как бессмысленный набор звуков?

Хорошо, оставим Наполеона, тем более, что галлюцинант мог вообразить себя Анной Карениной или круглым квадратом. Дело даже не в этом. Как идея несуществования реальности связана с гипервременем, вот что интересно? Гипервермя есть дизъюнктивный синтез предыдущих четырех моделей времени. Давайте подумаем, что такое дизъюнктивный синтез, термин, который предложил Делёз. Возьмем две спички и скажем «Мы выбираем или эту спичку или ту спичку» – это дизъюнкция. Теперь скажем: «Мы выбираем и эту спичку и ту спички, мы выбираем обе спички». Это конъюнкция. А теперь попробуем сказать: «Мы выбираем или эту спичку или ту спичку, и эту спичку и ту спичку». Мне представляется, что дизъюнктивный

синтез выглядит примерно так. Но как именно? Как можно одновременно выбрать одну спичку и выбрать две. Я говорю – я выбираю одну спичку или я выбираю две спички. Так сколько спичек ты выбираешь? Я выбираю одновременно одну и две спички. Но так не бывает. – В гипервремени все бывает. Ну хорошо, покажи, как ты выбираешь одну спичку и одновременно две спички. Тогда я взял одну спичку и потом взял две спички. Но ты сначала взял одну спичку, а потом уже две спички, а говоришь, что сделал это одновременно. Но Эйнштейн показал, что одновременность относительна. Как относительна? Ну например, если мы движемся, со скоростью, близкой скорости света, то практически все равно, выбрал ли я одну или две спички. Этот выбор происходит мгновенно, и вы даже не замените никаких «раньше» или «позже». Практически это и будет одновременностью. Вот это и есть дизъюнктивный синтез. Но мы говорим о скоростях. Разве не подразумевается, этим, что Карфаген все-таки должен быть разрушен, что реальности не существует. И да, и нет. Я думаю, что для существ, которые движутся со скоростью, близкой скорости света, наша реальность – я имею в виду столы, компьютеры, Матте Бланко, культуру загородного домостроения, социализм, комнаты, наполненные галлюцинирующими галлюцинациями, – не будет иметь никакого значения. Но ведь мы изучали гипервремя на примере фильма «Малхолланд Драйв». Разве можно сказать, что этот фильм демонстрирует отсутствие реальности, скорее он демонстрирует ее непоправимую сложность, которую мы называли новым трагизмом – еще один синоним новой модели времени.

Новый трагизм

Что же такое новый трагизм. Это состояние после постмодерна. Состояние сознания и бессознательно-го. Уверен ли я, что постмодернизм закончился? Воз-

можно, он все-таки лишь заканчивается и на смену ему приходит новый трагизм. Постмодернизм в принципе а-трагичен. Например, я не помню навскидку ни одной постмодернистской трагедии, а комедий сколько угодно. А смерть Делёза разве не была трагичной? Я говорил о трагедии как жанре нарративного искусства. Я помню, когда погиб Делёз в 1995 году, Виктор Мизиано, главный редактор ХЖ (легендарный «Художественный журнал», почти *Tel Quel*), где я тогда работал, статью, посвященную смерти Делёза, проиллюстрировал чьей-то картиной, изображавшей человека, падающего с балкона. Это и был постмодернизм, такое авангардное, почти кощунственное отношение к смерти. Как вообще постмодернизм относился к смерти? «Имя розы» состоит из череды смертей: умирают монахи один за другим во главе со старцем слепым Хорхе (Борхесом) и тем не менее никакого чувства трагизма этот роман не вызывает. Какие же чувства он вызывает? Ну так, пожимание плечами. Но это сейчас, а двадцать лет назад зачитывались. Ну хорошо, вспомним наш любимый «Малхолланд Драйв», фильм, с которого мы и начали отсчитывать новый трагизм. Ведь это тоже постмодернизм? И да и нет. В чем же нет? А в том, что все-таки страшно. И «Твин Пикс» в конце страшно. Подлинный психоз всегда страшен. Полифонический характер, мать его! Почему все так не любят полифонический характер? Мне кажется, это очень полезный концепт, который многое объясняет. Что же он объясняет? Например, гипервремя, которое мы в этой книге один раз даже назвали полифоническим временем. Время нового трагизма. В каком смысле можно сказать, что новый трагизм это новая модель времени? Во-первых, новая модель времени это не модель современного времени. И поэтому можно сказать, что новый трагизм был всегда. Полифонический трагизм. То есть такой трагизм, в котором есть и комизм, например. Как у Бет-

ховена. Родно «Ярость по поводу потерянного гроша», и даже в Девятой симфонии есть элементы если не комизма, то во всяком случае едкой иронии. Есть ли комическое начало в МД? Там его полно, даже и вспоминать лень. Но, тем не менее, «Бульварное чтиво» Тарантино это только комическое, а МД это новый трагизм. Что же этот такое? Это важно. Ведь ответив на этот вопрос, мы можем начать строить введение в XXI век, или, по крайней мере, в его начало. В чем зерно начала XXI века? Ну давай вспоминать. 90-е годы и последнее десятилетие. Ельцин и Путин. Негр у власти в США. Вспомни свое интервью «Я не верю в XXI век». Что, поверил? Можно ли назвать ситуацию в России в начале XXI века новым тоталитаризмом? Можно. Трагична ли эта ситуация? В высшей степени трагична. Тем не менее, история с пусси райт в чем-то и комична, не правда ли? Что еще? Путин комичен и трагичен. Ельцин был трагичен даже в самых своих низменных проявлениях – алкоголизме и попустительстве злу. В чем парадокс Путина? С одной стороны, жить стало лучше, жить стало веселей. С другой стороны, у нас в институте культурологии министр культуры взял и выгнал директора, много лет возглавлявшего институт, Кирилла Разлогова, известного киноведа и культуролога, а на его место поставили чиновника, путинского сокола, у которого нет даже ученой степени. Трагично, комично, похоже на МД. Эта девушка? Боюсь, что как раз это та самая девушка и есть, Камилла Роудс, которой не существует. Вот мы и добрались до нашей сокровенной проблематики, до того, что реальности не существует, а новый трагизм существует. Так и живем. И по мере того как мы будем продолжать так жить, будет разворачиваться трагизм и комизм. Был ли комизм в сталинских лагерях? У Солженицына не припомню. В «Крутом маршруте» Евгении Гинзбург точно есть – Оптимистенко и Пессимистенко. Нет, наверно были комическое сцен-

ки и в «Гулаге», например, как все начинают аплодировать и не могут остановиться от страха. В чем отличие путинского времени от сталинского помимо обилия еды и прочих богатств народов, того, что репрессии не носят массовый характер и можно говорить практически что угодно – никто ничего почти не боится. Опять же Интернет. Может ли быть тоталитаризм при наличии Интернета? Новый трагизм. Сразу вспоминается судьба фильма Владимира Мирзоева «Борис Годунов»: его практически не показали на большом экране, а потом взяли и показали по первому каналу в «Закрытом показе» у Гордона. Правда, целый год боялись показать, а потом все-таки показали в ночь с 31 мая на 1 июня сего 2013 года. И я там говорил, что это лучший фильм XXI века. Кажется, вырезали. Нет, посмотрел, не вырезали. Разве Путин действительно самозванец? Конечно. Но только он продержался уже почти 13 лет, хотя народ и не весь безмолвствует. Хватит о пустяках. Кризис гуманитарной науки и фундаментальной культуры (кроме театра и кино), ни одного великого писателя, филолога, философа, психолога, хоть сколько-то сопоставимого с великим XX веком. (Вячеслав Всеволодович Иванов – видел его недавно – последний из магижан XX века, ему 84 года.) Кстати, XX век начался ровно сто лет назад – 1913 год:

А по набережной легендарной
Приближался не календарный,
Настоящий двадцатый век.

Но это «негативнее» признаки. Теперь назовем «продуктивные».

Негативными признаками шизофрении называют такие признаки, как обеднение эмоциональных реакций, в частности, уплощенность аффекта, снижение психической активности, аутизм, нарушения волевой деятельности. Продуктивные же признаки это, в суц-

ности, бред и галлюцинации. Каковы же продуктивные признаки нового трагизма? Есть ли в МД бред? Конечно, есть. Например, бред воздействия. Рита действует так, как будто она неживое существо, как будто ею кто-то управляет, как при синдроме Кандинского-Клерамбо, ее движения автоматичны. Можно сказать, что она находится в бреде, хотя поверхностная мотивировка ее странного поведения в том, что она попала в аварию. А Бетти? Бетти вроде бы обычная провинциалка, безобидная теплая «синтоновая истеричка», которая хочет стать кинозвездой, никакого бреда у нее нет кроме того, что Бетти это на «самом не деле» не Бетти, а Дайана, то есть Бетти просто некий ночной кошмар Дайаны, Бетти не существует. То есть можно сказать, что Дайане приснился сон, в котором она превратилась в Бетти, которая хочет становится кинозвездой, а, проснувшись, опять становится Дайаной. Во сне ничего патологического нет, сны снятся практически всем людям. Но в МД сон отнологизируется, становится на место реальности. То есть реальность там мнимая, и в конечном счете тоже бредовая. Кто же является субъектом этого бреда, этой галлюцинирующей галлюцинацией? (Кино в целом может рассматриваться как модель галлюцинации, как нами было подробно показано в книге «Психология кино» (М, 2013).) Стало быть, бред и галлюцинации в МД налицо. Но разве в этом своеобразие художественного мира МД как прообраза нового трагизма? Чем же тогда он отличается от художественного мира «Мелкого беса», «Превращения» Кафки или «Поминок по Финнегану», то есть от серьезного предвоенного модернизма? По-видимому, тем, что может быть названо гиперреалистическим компонентом, во-первых, а также присутствием комического в трагическом, во-вторых, о чем мы писали выше. Но гиперреалистический компонент присутствует и в произведениях Кафки. И комизм там присутствует. Как рас-

сказывал Макс Брод, первые читатели «Процесса» дружно хохотали и первым из хохочущих был сам Кафка (который читал друзьям этот роман вслух). И «Золотой век» Бунюэля тоже комичен, не говоря уже об «Андалузском псе». В чем же своеобразие продуктивных признаков нового трагизма по сравнению со старым трагизмом «серьезного» психотического дискурса? В чем, условно говоря, отличие «Золотого века» от МД? Давайте вернемся к обыденной реальности («реальности») наших дней. Можем ли мы сказать, что живем с состоянием бреда и галлюцинации? Да, в каком-то смысле можем. Я до сих пор не могу опомниться от вчерашнего «общего собрания трудового коллектива» института культурологи, на котором честовали ушедшего в отставку «по собственному желанию» Кирилла Разлогова. Все вели себя так, как будто происходит какой-то праздник и лишь учены секретарь нашего сектора Анна Николаевна Рылева выступила серьезно и агрессивно по отношению к новым правителям института. Ее сразу дружно заплодировали, потому что она все-таки была своя и потому что она сказала то, что все не осмелились сказать. Тогда встал я и впервые в этом институте публично раскрыл рот. Сначала я сказал приятные слова Разлогову, потом подошел к нему, подарил ему свою книгу «Психология кино» и обнял этого фактически малознакомого мне человека. Затем, повернувшись спиной к вновь назначенному директору по фамилии О कोरोков и к «заму», а будущему директору всей «объединенной культуры» чиновнику Юдину, которого и прислали заваривать всю эту кашу с изгнанием Разлогова, громко заявил, что согласен с выступавшей передо мной коллегой и уже подписал письмо, написанное нашим заведующим сектором «Языки культур» Вадимом Львовичем Рабиновичем в защиту Разлогова. Мой тур де форс был встречен гробовым молчанием. При этом я действовал, как во сне, и очень боялся. Чего

я боялся? Меня расстреляют? Нет. Посадят? Тоже нет? Выгонят с работы? Могут. Но ведь когда за два дня до этого собирались на заседание остатков сектора с Рабиновичем и обсуждали его письмо, прямо друг другу сказали, что готовы к тому, что нас выгонят. Чего же бояться? Но поразило меня больше всего лицемерие почти всех присутствующих, включая самого Кирилла. Почему не говорили хаму, что он хам (я имею в виду Юдина), почему открыто не протестовали, почему соглашались, почему ели торт, почему улыбались и аплодировали собственной трусости? Неужели Советская власть ничему не научила? «Хочешь выйти на площадь, можешь выйти на площадь в тот назначенный час?» Как Рита в МД, действовали, как автоматы, говорили положенные приятные слова Кириллу, а хам, сидя рядом с Кириллом, как ни в чем не бывало, аплодировал вместе ними. Реальность ли все это? Нет, это не реальность. Это какой-то дурной сон. Это типичный малхолланд Драйв, новый трагизм. Бред и галлюцинации. И что же, как мы будем дальше? А никак не будем. Скорее всего, никого не выгонят больше, и будем по-прежнему работать у хама и его подголоска по фамилии Огороков. И я, пока меня не выгонят, тоже не уйду, потому что иначе будет трудно жить в материальном отношении, благо в институте я появляюсь раз в два месяца, а то и реже. Или все-таки уйду? Не знаю. Существует ли внешний мир? Нет, не существует. А если существует, то пошел он на хуй и в пизду, как сказала героиня фильма Гай Валерии Германики «Все умрут, а я останусь».

О книге Марка Евгеньевича Бурно «Целебные крохи воспоминаний: К живой истории московской психиатрии и психотерапии и многом другом». М.: Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига; Институт консультирования и системных решений, 2013.

Мой друг, замечательный режиссер Владимир Мирзоев, когда мы писали сценарий вместе, сказал мне, что каждый фрагмент сценария должен накапливать время. Как накапливать время и зачем его накапливать? Если его не накапливать, то сценарий будет искусственным. Если я никогда не был в Африке, то мне очень трудно будет написать правдивую книгу об Африке. Я никогда не был в Африке. Могу ли написать об Африке? Думаю, что могу. Силой своего воображения и книг, которые я читал. Вдоль по Африке гуляют, фиго-финики срывают. Подозреваю, что Корней Иванович тоже никогда не был в Африке. И Чехов тоже. Там жарыща, страшное дело. В чем здесь идея гипервремени? Когда накапливается время из впечатлений дня, книг, картин, музыки, матерной ругани под окном, из всей жизни культуры коллективного бессознательного, происходит как раз та конденсация, тот делёзовский дизъюнктивный синтез, о котором я все время пишу. Так что о чем бы ни писал человек, он будет писать о психологии гипервремени. Сейчас я хочу написать о книге Марка Евгеньевича. Я думаю, что этот человек никогда не задумывался о том, что такое гипервремя, и, возможно даже, читая этот фрагмент, увидит это слово впервые, тем не менее, все написанное здесь, в этом фрагменте, обращено в первую очередь к нему и написано, так же как и предыдущий фрагмент, под непосредственным влиянием его книги, хотя он наверняка не одобрил бы цитаты из фильма «Все умрут, а я останусь». А, впрочем, его книга так меня поразила и ошарашила, что я теперь вообще не знаю, на что способен этот человек. Я знаю Марка Евгеньевича больше двадцати лет. Когда мы познакомились, на полках в магазинах практически не было никакой еды, потому что это был декабрь 1991 года. Но когда мы увиделись второй раз, еды было уже очень много, потому что это был январь 1992 года и произошла гайдаровская реформа, ко-

торую многие люди справедливо ругают, потому что она была очень жестокой. Я же считаю Гайдара великим политическим деятелем, который вытащил Россию из болота и очень жалею, что не познакомился с ним, хотя имел такую возможность через Геннадия Эдуардовича Бурбулиса. Книга Марка Евгеньевича мне напоминает «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского, хотя на первый взгляд, не имеет с ним ничего общего. Но больше всего она ассоциируется с «Исповедью» Блаженного Августина, когда он, например, пишет с отчаянием, как воровал в с ребятами груши в соседском саду, о чем не без злобности пишет Бертан Рассел в свое знаменитой «Истории западной философии».

Одно из первых происшествий его жизни, о котором рассказывается в «Исповеди», случилось с ним в детские годы, и само по себе оно не особенно выделяет его из числа других детей. Оказывается, вместе с несколькими товарищами, своими сверстниками, он обокрал грушевое дерево соседа, хотя вовсе не был голоден, а у родителей дома были груши лучшего качества. Всю свою жизнь Августин не переставал считать этот поступок проявлением почти невероятной порочности. Воровство груш не было бы столь дурным, если бы Августина побудили к нему голод или невозможность достать груши иным образом; но, как дело было, оно явилось неприкрытым злодеянием, внушенным любовью к пороку ради самого порока. Именно это делает поступок Августина столь невыразимо мерзким. И он молит Бога простить его:

«Вот каково сердце мое, Боже, вот каково сердце мое, над которым Ты сжалился и умилился, когда оно было на краю пропасти. Пусть же теперь это самое сердце исповедается пред Тобю, чего оно искало в том, чтобы быть мне злым без всякого основания и чтобы злобе моей не было иной причины, кроме самого зла, иначе сказать, чтобы быть злым для самого зла. Ужасно и отвратительно зло, и однако же я его возлюбил, я сам возлюбил свою погибель. Я возлюбил свои недостатки, свои слабости, свое падение; не предмет своих увлечений,

пристрастий, падений, говорю я, нет, а самые слабости свои, самое падение, самый грех, во мне живущий, возлюбил я. Нечиста же душа моя и греховна, ниспала она с тверди Твоей небесной в эту юдоль изгнания, если услаждается не столько греховными предметами, сколько самим грехом»

В том же роде Августин тянет целых семь глав, и все из-за каких-то груш, сбитых с дерева мальчишками-проказниками.

Для чего Марку Евгеньевичу понадобилось публиковать самые неприятные свои воспоминания, например, как он с другим мальчиком в детстве отрезал голову дохлой кошке? Вот знаю этого человека так давно, и не предполагал, что он пусть даже в детстве был на такое способен. А вырос интеллигентнейшим, деликатнейшим человеком, великим ученым, основателем уникального психотерапевтического метода, напоминающим мне Альберта Швейцера. Зачем писать про дохлую кошку? Задал этот вопрос и сразу вспомнил, как мы в детстве своровали курицу, и я ей – живой – отвертел голову, и мы ее потом жарили на вертеле и ели. Еще вспомнил, как знакомый психиатр Алиса Владимировна Андриющенко с презрением говорила об Ирине Хакамаде, что когда ее журналист спросил, ковыряет ли она в носу, она трусливо ответила, что не ковыряет. Зачем все это нужно? Зачем мусор выносить из избы? В моей книге «Новая модель бессознательного», которая, несмотря на то, что многие вообще не поняли, о чем там идет речь, очень понравилась Марку Евгеньевичу (хотя он не любит психоанализ, и я всегда на него обижался, когда он говорил о нем с пренебрежением), так вот в этой книге я ввел понятие микропервосценки. Что это такое? Это те незаметные травмы, которые мы получаем на протяжении своей жизни, начиная с самого раннего детства и кончая сегодняшним днем, и которые чрезвычайно сильно влияют на нашу дальнейшую судьбу. Мы их

вытесняем в бессознательное, и они нам сильно управляют жизнь, потом мы о них вспоминаем, рассказываем о них психотерапевту или психоаналитику и как-то справляемся с ними. Микропервосценки могут быть не только отрицательными, но и позитивными или амбивалентными. Например, когда мне было лет 14, моя классная руководительница (по правде говоря, ужасная дурища), сказала мне однажды: «Такие, Вадим, люди, как ты, кончают жизнь самоубийством». На первый взгляд, это минус-микро- (а скорее даже макро) первосценка. Но на самом деле это не совсем так. Я вспоминаю свою классную руководительницу не с обидой, а с добродушным смехом. Может быть, если бы она мне так не сказала, я бы больше боялся смерти, а теперь стоит мне подумать о чем-то плохом, я могу сказать себе: «Такие, Вадим, люди, как ты, кончают жизнь самоубийством», и мне становится смешно и забавно. Вся жизнь это агломерат таких плюс-минус микро- и макро-первосценок, и ничего другого в жизни практически и нет. Книга Марка Евгеньевича тоже состоит из таких макро- и микро первосценок, и само главное в ней, что благодаря абсолютной искренности и подчеркнутой незамысловатости рассуждений автора, она обладает огромным психотерапевтическим эффектом. В чем секрет этого эффекта? Здесь очень важно, что Марк Евгеньевич не только психиатр и психотерапевт по меньшей мере с пятидесятилетним стажем, важно также, что он писатель, который взял у Льва Толстого его прием остранения, когда вещи и события описываются как будто первый раз, глазами ребенка или лошади. Вещь, увиденная, как в первый раз, очищается от наслоений микро/макро плюс/минус первосценок и человек видит свою душу такой же чистой и незамутненной, как эта вещь, описанная приемами психотерапевтической прозы.

Искусственный интеллект

Когда создавали искусственный интеллект, то не учитывали одну фундаментальную вещь. Вернее, много фундаментальных вещей. Первая состоит в том, что интеллект не может существовать без эмоции или, как бы выразилась школа Гурджиева, интеллектуальный центр в человеке-машине не может существовать без эмоционального центра, так как именно в эмоциональном центре зарыта Совесть, в то время как в интеллектуальном центре зарыта Сознательность. И деятельность по пробуждению человека, индивидуация превращения его из машины в Иисуса Христа, происходит посредством выкапывания Совести из эмоционального центра и Сознательности из интеллектуального центра. Сознательность не может существовать без Совести. Это будет «бессовестная квазисознательность, вот почему так распространены сюжеты про роботов, которые захватывают власть над людьми, становясь еще более злобными и безжалостными, чем люди. Кому нужен бессовестный интеллект? Ну как же, он может совершать сложнейшие вычисления. Ну хорошо, совершит он ряд сложнейших вычислений, а дальше что. Зачем вообще создавать себе подобного, разве мы сами не можем производить вычисления. Ну, это как Бог создал человека. Зачем он его создал, непонятно, ведь ему и так было, вероятно, неплохо. Значит, не было. Создатель он потому и создатель, что у него органическая потребность создавать, как у художника потребность рисовать и у писателя потребность писать. Он и хотел бы не писать, потому что это очень муторное и во многом неблагоприятное занятие, да не может. Я был очень хотел перестать пытаться создавать новую модель времени, поехать в парк культуры и отдыха и кататься там на велосипеде. Но меня что-то не пускает. Я создаю своего рода искусственный интеллект наподобие самого

себя, как Виктор Франкенштейн создал искусственного человека, а раввин вылепил из глины Голема, и тот потом вырвался и бродил по улицам Праги, напоминая людям о смерти и безумии. Так вот, те, кто создавал искусственный интеллект, все делали неправильно. И хотя существует биокомпьютинг и биомолекулярная электроника, все равно они не используют идею в соответствии, с которой интеллект не может существовать без эмоции. И что более того, как считал Бион интеллект – раб эмоции и, как считаем мы, любое мышление является патологическим и даже психотическим по своей сути. Мышление это нечто присущее только человеку, Каждый человек немного безумен, в то или иной степени. Чем сложнее, креативнее мышление человека и чем больше эмоций в нем задействовано, тем человек безумнее, потому что гениальность сестра безумия, как показал еще Ломброзо, а вслед за ним Кречмер и многие другие. Но мы говорим, что любое мышление, то есть даже мышление самого заурядного человека является патологическим и даже психотическим. Возьмем нашего любимого Семена Семеновича Горбункова. Он все время объят страхом, так как менты его поставили в такие условия, что он превратился в живца, на которого ловят большую рыбину. Семен Семенович старается думать, как любой другой человек, как-то рефлексировать свои поступки. Но он все время попадает впросак. Сначала добродушный мент Михаил Иванович кажется ему бандитом, и Семен Семенович со страху бьет его своей бриллиантовой рукой по голове. Потом он идет с Кешей в ресторан и страшно там напивается, потом он поддается на обаяние Светланы Светличной и чуть было не лишается семьи. Нормальные ли поступки совершает Семен Семенович? Да в общем-то нормальные, особенно в таких экстремальных обстоятельствах. Его мышление функционирует в нормальном режиме? Да не совсем. Семен Семенович –

органик, то есть в его психической конституции сосуществуют три характерологических радикала – синтонный, истерически и авторитарный. Этого уже достаточно, чтобы сказать, что у такого человека мышление патологическое. Но психотическое ли? Что такое психоз? Это когда человек не тестирует реальность. Тестирует ли Семен Семенович реальность? Да, по-моему, не очень. Его все время обманывают, он все время живет на грани между отчаянием и надеждой, что все как-то обойдется. Он не замечает, что Кеша пытается его убить, так как занят рыбной ловлей, подстроенной Лёликом, он прячет пистолет в кепку и так далее. Но когда он начинает понимать, что Лёлик и Кеша – его враги и начинает активно им сопротивляться, можно ли сказать, что он становится более мужественным, умным и нормальным? Не думаю, потому что все, что в нем было, было с рождения, и детства, все микро- и макро-первосценки остались при нем. Просто его органическое неприятие зла, является мощнейшей защитой от любых стрессовых ситуаций. Но все-таки причем здесь искусственный интеллект? Разве для того чтобы совершать сложнейшие вычислительные операции, он должен быть патологическим и безумным. Но разве создатели кибернетики и искусственного интеллекта Норберт Винер, Клод Шеннон, Алан Тьюринг и Джон Маккарти и не были гениальными безумцами? Тем, кто думает, что великие открытия совершают нормальные люди, я советую повторять, как «Отче наш», максимуму создателя копенгагенской квантовой механики Нильса Бора «Мы все видим, что перед нами совершенно безумная теория, вопрос состоит только в том, настолько ли она безумна, чтобы быть истинной», можно не повторять, а прочитать мою книгу «Энциклопедический словарь безумия» (М.: Гнозис, 2013, где эти слова стоят в качестве эпиграфа. Для того чтобы создать искусственный интеллект, надо создать такую программу, которая обеспе-

чивала бы ему прохождение через базовые перинатальные матрицы, травму рождения, стадию всемогущества, параноидную, шизоидную и депрессивную позицию, стадию зеркала, Эдипов комплекс, чтобы он был оральным, анальным, фаллически-нарциссическим полиморфным первертом. Только тогда можно будет надеяться, что искусственный интеллект станет хоть сколько-то похож на своего создателя Человека.

Глава шестая

Психика и время

1. Шизоидное и циклоидное время

Сравним два стихотворных текста, первый из которых принадлежит Державину, а второй Тютчеву:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них.

Эти два стихотворения во многом похожи. В обоих идет речь о конце времени. Но Державин и Тютчев стоят на противоположных позициях. С точки зрения первого текста в конце времен наступает тотальное разрушение и ничего сверх того. С точки зрения второго текста конец времени это скорее час подведения итогов развитию мира, которые предстоит подвести Божеству. Первое время можно назвать естественно-научным, энтропийным, второе – семиотическим, эсхатологическим. В первом мире, мире вещей, все разрушается, во втором мире, мире знаков, время является лишь видимостью, «подвижным образом вечно-

сти» (Платон) – здесь в любом событии создается Божья воля. В этом смысле время текста один и время текста два направлены в противоположные стороны.

В первом стихотворении идея направления задана в образе реки времен, это как бы “стрела времени”, как назвал ее Артур Эддингтон. Во втором случае тоже дан образ воды, но эта вода скорее обволакивает мир, это скорее океан, а не река. Мировосприятие, выраженное в первом стихотворении, таким образом, историческое, а во втором системно-философское.

Интересно при этом, что именно Державин, который не верит в целесообразность, осмысленность движения по времени, говорит о знаковых образованиях. Он понимает, что то, что производится посредством “лиры и трубы” – искусство – долговечнее “народов, царств и царей”, но и этому не сохраниться в вечности, поскольку вечность мыслится как полный распад и хаос.

Тютчев жил после открытия второго закона термодинамики (который и дал толчок определению направления естественнонаучного времени сначала Л. Больцманом, а затем в XX веке Г. Рейхенбахом). Поэтому он мыслит в энтропийных терминах, говоря о “составе частей”, который изменится, придет в равновероятное состояние. Но несмотря на эту видимость разрушения окончательное слово принадлежит Боже-ству, которое в состоянии запустить этот “большой круг” времени (вновь термин Платона) заново. Отсюда и образ океанических вод, ассоциирующихся в нашем коллективном бессознательном с рождением и родами.

Здесь мы выдвигаем гипотезу, в соответствии с которой восприятие мира, характерное для циклоидной конституции, сродни естественнонаучному времени, а восприятие мира, характерное для шизоида, сродни

эсхатологическому времени. Что позволяет нам утверждать это? Циклоид живет в гармонии (или по крайней мере в тесном контакте) с обыденным внешним миром, поэтому естественно предположить, что его восприятие времени это восприятие стихийно естественнонаучное. Шизоид живет в гармонии со схематическими, философски окрашенными концепциями бытия. Представление о целесообразности временного потока и даже, более того, о кажимости, внешней видимости времени, за которой скрывается вечность, должно ему быть ближе. Да и сформировалась эта концепция в кругу шизоидно мыслящих философов, прежде всего Блаженного Августина, учение которого о Граде Божиим положило начало той концепции направления времени, которую мы называем эсхатологической. Осмысленность и финальность эсхатологического времени, его отчетливо выраженный семиотический характер соответствует семиотической реальности, в которой живет шизоидный индивид: реальность – знаковая система, за каждой вещью скрывается символ. И наоборот неосмысленность и детерминизм естественнонаучного времени соответствуют той вещной неосмысленности, незнакомости мира, в котором живет циклоид-сангвинк. Обесмысленность внешнего мира – семиотический фундамент депрессии. С известной долей вероятности это представление можно перенести и на циклоидный характер в целом – поскольку гипомания, как известно, является лишь обратной стороной депрессии.

Приводим пример экзистенциального описания депрессивного переживания времени, принадлежащий Юджину Минковскому:

Каким точно было переживание времени у этого пациента и как оно отличалось от нашего? Его представления довольно точно можно описать следующим образом: он переживал дни монотонно и однообразно. Он знал, что время идет и, хныкая, жаловался, что «прошел еще один

день». По мере того как проходил день за днем, он заметил в них определенный ритм: по понедельникам чистят серебро, по средам садовник подстригает газон и т. д. Все это лишь дополняло содержимое отходов, которые были его наказанием и единственной связью с миром. Не было никакого действия или желания, которое, исходя из настоящего, достигало бы будущего, занимая скучные, однообразные дни. Каждый день сохранял свою независимость, не попадая в непрерывность жизни. Каждый день жизнь начиналась заново, она была похожа на одинокий остров в сером море уходящего времени. Что было сделано, прожито, сказано, больше не играло роли в жизни, потому что не было желания идти дальше. Каждый день раздражал монотонностью тех же слов, тех же жалоб, пока не терялся смысл их продолжения. Таковым было для него течение времени [Минковски 2001: 243].

И далее автор продолжает:

Однако наша картина все еще неполная. В ней отсутствует один существенный элемент: будущее было заблокировано (курсив автора. – В. Р.) неминуемостью ужасных разрушительных событий. Эта неизбежность доминировала над всем мировоззрением пациента, вся его энергия была сосредоточена на этом неотвратимом событии” [Там же: 244].

Здесь надо обратить внимание на следующее. И в случае депрессивного (циклоидного) и в случае шизоидного времени временная последовательность линейна, и в конце субъекта (и всех людей заодно) ждет сверхзначимое событие. В этом событии даже есть нечто схожее. Оно будет концом мира. Так во всех шизоидных историко-философских концепциях, начиная с «Града Божьего» Августина и кончая воскресеньем мертвых Федорова и точкой Омега Тейяра де Шардена. Но эта похожесть лишь внешняя, за ней скрывается глобальное различие. Шизоидное течение времени наполнено смыслом, оно целесообразно движется к своей событийной кульминации, как бы страшна (Страшный Суд) она ни была. Весь мир, со-

провожающий это временное течение, есть осмысленный мир, в котором субъект занимает осмысленную позицию наблюдения и ожидания этого неотвратимого события. В депрессивном времени все наоборот. Течение времени бессмысленно. И событие, которым завершится это течение, является венцом бессмысленности, абсурда – абсурда разрушения и гибели. И депрессивный и шизоидный человек живут в ожидании главного события, но депрессивный страшится будущего, так как, по его мнению, все погибнет бессмысленной гибелью, и эта гибель будет окончательной, после нее ничего не останется. Событие, в ожидании которого живет шизоид, не страшит его. Страшный суд страшен для грешников, и даже если субъект считает себя грешником, все равно будучи субъектом шизотимного времени он мнит этот суд как закономерный и осмысленный. Такой человек внутренне свободен выбирать град земной или Град Божий. А если не свободен, считая, что все предопределено (таких систем тоже сколько угодно), то это тоже встраивается в осмысленный порядок бытия. Бытие-грешником представляет собой семантически определенное бытие, как бытие мясником или палачаом, или (подобный «профессионально ориентированный провиденциализм» характерен скорее не для христианского, а для восточных религиозно-философских концепций шизоидно линейного времени таких, как «Бхагаватгата», даосизм или классический махаянский буддизм. Подчиненность пусть даже страшной судьбе не имеет ничего общего с депрессивным «хныканьем» по поводу того, что дни проходят один за другим, один бессмысленнее другого. В обоих этих случаях мы наблюдаем отчетливое бытие-к-смерти. Однако шизоидное восприятие грядущей смерти в целом оптимистично и семантически определенно, циклоидное ожидание смерти безрадостно и уныло. Смерть как главное бессмысленное событие в жизни,

как окончательное торжество энтропии венчает череду бессмысленно прожитых дней его жизни.

Когда депрессия прекращается и сменяется гипоманией, мир приобретает смысл и сознание устремляется в будущее, полное головокружительных идей и планов. Однако эта гипоманиакальная осмысленность не похожа на шизоидную эсхатологическую осмысленность: человек не думает вообще о конце, о смерти и не выстраивает временную последовательность от прошлого к будущему. Особенность гипоманиакального времени – в неспецифическом отношении к будущему. Гипоманиак не ждет от будущего ни очистительной катастрофы, как шизоид, ни страшного бедствия, как депрессивный. Скорее всего, он о нем просто не задумывается.

2. Истерическое время

Проблема истерического восприятия времени интересна и важна кроме прочего потому, что понять ее во многом значит понять нечто интересное и важное в психоанализе, поскольку первоначальный психоанализ был по большей части лечением истерии, имел дело преимущественно именно с истерией. Поскольку истерики (как правило, гипертимные по натуре) близки гипертимным циклоидам (гипоманиакам), то и отношение к будущему у них во многом сходное – неопределенное и беззаботное. Гораздо сложнее истерическое отношение к прошлому. Его специфика в том, что применительно к истерику есть как бы два прошлых времени – объективное и субъективное. Первое это то, которое было на самом деле, второе то, которым субъекту хотелось бы, чтобы оно было. Поразительная особенность истерической личности к вытеснению (не случайно сам этот термин «вытеснение» был придуман явно на материале истериков) позволяет им замещать и изменять в своем сознании

крупные и мелкие блоки прошлого и заменять их другими, более или менее выдуманскими. Истерикам «все время приходится латать дыры, нанесенные при столкновении с действительностью, с помощью лживых «историй», заменяющих истинные события; они предаются забвению неприятные случаи и происшествя, связанные, прежде всего с чувством собственной вины и неправоты; и, в конце концов, происходит отрицание неудобной и неприятной необходимости нести отчет за свое поведение или уклонение от такой необходимости. К этим людям особенно применимо выражение Ницше: «Я это сделал», – говорит моя память. «Я не мог этого сделать», – говорит моя совесть и остается неумолимой. И память уступает». В сущности, истерическая *pseudologia phantastica* происходит не из самого желания врать и придумывать, а именно из-за этой преувеличенной способности к вытеснению неприятного. Хлестаков выдумывает сцену, где он выступает как важный генерал не только потому, что ему приятно, что его слушают пораженные чиновники, но и потому, что он хочет вытеснить свое истинное прошлое, прошлое ничтожного коллежского регистратора. Как заметил когда-то Ю. М. Лотман, в одном месте этой сцены, когда Хлестаков изображает мелкого писца, который сидит и делает пером “тр-тр”, он проговаривается и изображает в этом человека истинного себя.

Вранье потому и опьяняет Хлестакова, что в вымышленном мире он может перестать быть самим собой, отделаться от себя, стать другим (разрядка Ю. М. Лотмана. – В. Р.; ср. важность категории Другого в анализе истерического у Лакана [Лакан 2002]). <...>. «Я только на две минуты прихожу в департамент с тем только, чтобы сказать: это вот так, это вот так, а там уже чиновник для письма, эдакая крыса, пером только: тр, тр... пошел писать». В этом поразительном пассаже Хлестаков, воспаривший в мир вранья, приглашает собеседников посмеяться над реальным Хлестаковым. Ведь

«чиновник для письма, эдакая крыса» – это он сам в его действительном петербургско-канцелярском бытии!» [Лотман 1992: 345-346]

Тот же автор анализирует удивительные истерические биографии начала XIX века, полностью выдуманные, компенсирующие несбывшиеся мечты того, кто это делает. Таковы, например, мемуары декабриста Д. И. Завалишина, где он изображает себя могущественным главой заговора, которого никогда, по видимому, вообще не было. Лотман считает Завалишина одним из главных прототипов Хлестакова [Там же].

Но первоначальный психоанализ строился именно на восстановлении вытесненной – прежде всего истерической – памяти, на воспоминании забытых сцен детства. В этом смысле ранний психоанализ в принципе сводился к деистеризации субъекта. Вот как об этом пишет Фрейд в работе о случае Доры:

Во-первых, больные сознательно и намеренно скрывают часть того, что им хорошо известно и что они должны были рассказать, из-за еще непреодоленных до конца робости и стыда <...> Во-вторых, во время этого рассказа без всякого сознательного умысла скрывается часть анамнестических сведений, которыми больные обычно свободно располагают: это – часть бессознательной неоткровенности. В-третьих, можно всегда обнаружить действительные амнезии, провалы в памяти, причем, стираются не только старые, но и новые впечатления; можно выявить ложные воспоминания, которые вторично образуются для затушевывания таких провалов [Фрейд 1998: 193].

В соответствии с ранней теорией истерической конверсии забытое травматическое воспоминание, например, пощечина данная субъекту, соматизируется в истерический симптом, например в невралгию лицевого нерва. Однако уже в 1920 году в работе о Человеке-Волке, Фрейд приходит к выводу, в соответст-

вии с которым травматическое переживание, например, знаменитая “первосцена”, не вспоминается, а конструируется задним числом, “nahträglich”. Лакан, радикализуя мысль Фрейд, говорил, что травма формируется не из прошлого, а из будущего. Ср.:

Таким образом, ответ Лакана на вопрос, «откуда возвращается вытесненное» парадоксален: «из будущего». Симптомы не несут сами по себе смысла – смысл их не открывается, не извлекается из глубин прошлого, а ретроактивно конструируется: истина вырабатывается самим анализом, то есть анализ задает границы значения, наделяющие симптом его смыслом и местом в символическом. Как только мы вводим символический порядок, прошлое всегда оказывается представленным в форме исторической традиции, смысла следов которой нам не дан, – оно постоянно изменяется вместе с трансформациями системы означающих. Любой исторический перелом, любое появление господствующего означающего ретроактивно изменяет смысл всей традиции, делает возможной ее иную новую интерпретацию» [Жижек 1999: 61–62].

Обобщая истерическое отношение к феномену времени, можно процитировать поэтического короля истериков Игоря Северянина:

В былом – ошибка. В былом – ненужность.
В былом – уродство. Позор – в былом.
В грядущем – чувства ее жемчужность,
А в настоящем – лишь перелом.

В этом смысле можно сказать, что Фрейд, “выуживая” из пациентов воспоминания о травмах, не деистеризовал их, как кажется на первый взгляд, а истеризовал вторично. И, таким образом, можно согласиться с И. П. Смирновым, что сам Фрейд, живя в истерическую эпоху (эпоху символизма, серебряного века) был методологически истериком. В этом плане сама эпоха культурного “перехода” всегда сопровождается забвением предшествующей исторической традиции,

то есть истерическим восприятием прошлого. Особенно это касается начала XX века, переход из XIX-го в котором был чрезвычайно болезненным и требовал вытеснения. Однако в том, что касается конструирования прошлого из будущего и переписывания истории, мы забегаем вперед и говорим уже о более сложной шизотипической проблематике отношения ко времени (истерический ингредиент там лишь одна из составляющих), о чем подробно см. ниже.

3. Обсессивно-компульсивное время

Обсессивно-компульсивный характер во многом является не просто противоположным истерическому, а как бы его оборотной стороной. Это второй любимый первоначальным психоанализом характер и соответствующий невроз. Эти два характера располагаются как бы на противоположных полюсах одной линии по параметру континуальное-дискретное, где на первом полюсе истерический характер и невроз, а на противоположном обсессивно-компульсивный. В обоих случаях здесь большую роль играет вытеснение, но в случае истерическом вытеснение, в частности, вытеснение прошлого, выступает в виде соматизированного симптома – в этом смысле можно сказать, что прошедшее время при истерии превращается в нечто пространственное. В случае обсессивно-компульсивном вытесненное преобразуется в навязчивое повторение символического ритуала. Истерик заменяет или фальсифицирует вытесненный травматический фрагмент прошлого. Ананкаст преобразует его в навязчивое непонятное действие или состояние мысли. Один из хрестоматийных случаев такого рода описывает Фрейд в “Лекциях по введению в психоанализ”, случай, где женщина выбегала в комнату, давала служанке платок, а потом застывала на месте, не зная, что делать дальше. По реконструкции Фрейда, это было защитной навязчивой символизацией эпизо-

да в прошлом, когда ее муж оказался сексуально не-
состоятельным. И так, если в случае истерического не-
вроза мы имеем отказ и фальсификацию прошлого,
то в случае обсессивно-компульсивного невроза имеет
место символическое повторение прошлого. В случае
истерии имеет место отказ от прошлого, в случае на-
вязчивого невроза – решительный отказ от будущего.
Как отмечалось уже многими, особенностью обес-
сивно-компульсивного поведения и восприятия ре-
альности является непреодолимая трудность, связан-
ная со становлением во времени.

Общим следствием такой склонности, – пишет Ф. Ри-
ман, – является стремление все оставить по-прежнему.
Изменение привычного состояния напоминает о прехо-
дящем, об изменчивости, которую личность с преобла-
данием навязчивостей (обсессивные) хотели бы по воз-
можности уменьшить. <...>

Когда что-либо изменяется, они расстраиваются, стано-
вятся беспокойными, испытывают страх, пытаются от-
делаться от изменений или ограничить их, а если они
происходят – помешать им. Они противостоят тем из-
менениям, которые с ними происходят, занимаясь при
этом сизифовым трудом, так как все мы находимся в
потоке событий, “все течет и все изменяется” в непре-
рывном возникновении и исчезновении, и никто не мо-
жет остановить этот процесс” [Риман 1998: 166-167].

Еще более выразительно с экзистенциально-клини-
ческой позиции пишет об обсессивно-компульсивном
восприятии времени В. фон Гебзаттель в статье “Мир
компульсивного”:

За этим феноменом (навязчивый запах собственного
тела у пациента, о котором говорит автор. – В. Р.) стоит
неспособность Н. Н. направить поток энергии в русло
выполнения задач, ориентированных на саморазвитие,
и таким образом очистить себя от энергии стагнации.
Эта неспособность – реальное нарушение, возможно,
связанное с эндогенным депрессивным подавлением.
В любом случае очевидно препятствие, блокирование те-

чения жизни. К тому же нарушается темпоральность жизни – развитие блокируется, прошлое остается зафиксированным. Эта фиксация может переживаться как загромождение, которое у человека выражается в беспокойстве о запахе, исходящем от тела

<...> Ананакстический пациент не только не может сдвинуться с места, но он полностью захвачен прошлым с помощью символов нечистого, испачканного и мертвого” [Гебзаттель 2001: 294, 297].

Начиная какое-то действие или описание, ананкаст не может сдвинуться с места, поворачивает назад, делает шаг вперед и вновь поворачивает назад. Такая стратегия поведения прекрасно выражена в следующем характерном фрагменте рассказа Д. Хармса, который мы сейчас приводим:

Дорогой Никандр Андреевич,
получил твое письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял, что от тебя, а то, было, подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты уже давно женился, потому что когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, он добился того, чего хотел. И вот я очень рад, что ты женился, потому что когда человек женится на том, на ком он хотел, то значит он добился того, чего хотел. Вчера я получил твое письмо и сразу подумал, что это письмо от тебя, но потом подумал, что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу – точно от тебя”. (И так далее.)

Из всего сказанного и процитированного ясно, что обсессивно-компульсивная личность не может реализовать и использовать обыденную линейную модель времени и использует циклическую модель, связанную с постоянным повторением. В этом смысле это уходит корнями в мифологическую традицию. Однако следует заметить, что привычный для исследователей мифологического времени аграрный цикл, связанный в культом бога плодородия, умирающего и воскресающего бога, здесь не подходит, поскольку в об-

сессивно-компульсивном времени ничто не умирает и тем более ничто не воскресает. Здесь скорее имеет определяющую роль играет магическая сторона обсессивно-компульсивного характера, которая позволяет провести аналогию между повторяющимся временем ананкаста и временем малого ритуала типа заговора или заклинания. В повторяющемся времени заговора нет той катарсической силы, которая имеет место в аграрном цикле – в заговоре повторяется много раз, причем автоматически, без всяких именованний, сама заговорная формула. Здесь именно чистое повторение обретает заклинательную силу. Педантически подразумевается и указывается, что только повторенное определенное количество раз заклинание будет иметь магическую силу. В этом смысле можно сказать, что если время истерическое соматизируется, опространствливается, то время ананкастическое, теряя признаки естественного времени, превращается в чистое механическое (в ньютоновском смысле) время, не подверженное ни второму началу термодинамики, как время циклоида, ни эсхатологическому становлению, как время шизоида, и в определенном смысле не имеющее начала и конца. Обсессивная мысль и компульсивное действие, можно сказать, автоматически повторяются, как маятник сломанных часов, которые показывают всегда одно и то же время.

Заканчивая разговор об обсессивно-компульсивном времени и вспоминая анальные истоки обсессивно-компульсивного, мы не можем не процитировать шокирующе-биологизаторскую, но по-своему очень верную цитату из книги Фрица Перлза:

Наш образ мышления детерминирован нашей биологией. Ротовое отверстие находится спереди, а анальное сзади. Эти факты каким-то образом имеют отношение к тому, что мы собираемся есть или с чем встречаться, а также к тому, что мы оставляем позади и испражня-

ем. Голод, несомненно, имеет какое-то отношение к будущему, а испражнение к прошлому [Перлз 2000: 125].

Здесь противопоставление между арально-депрессивным (бессмысленно текущие дни из прошлого в будущее) и анально-компульсивным (невозможность вырваться из прошлого, из “испражнений”) получает дополнительную психоаналитически-биологизаторскую окраску.

4. Психастеническое и эпилептоидное время

Психастеническое восприятие времени прежде всего противоположно истерическому и в чем-то похоже на обсессивно-компульсивное. Последнее понятно хотя бы потому, что разграничение психастенического и обсессивно-компульсивного характеров представляет собой проблему. Во многом тех, кого мы называем психастениками, “немцы” считают ананкастами и наоборот. С ананкастами психастеников роднит склонность к повторению и зацикленности на прошлом (это же противопоставляет их истерикам, отрицающим или фальсифицирующим прошлое). Однако в отличие от ананкастов, психастеники привязаны к прошлому не навязчивой связью. Можно сказать, что они зависимы от прошлого и влюблены в него. Последний тезис проиллюстрируем примерами из психастенической поэзии Давида Самойлова, который всегда романтизирует и идеализирует прошлое, прежде всего, время войны, которое совпало для него с временем молодости, поэтому он мучительно возвращается к нему. Ср. знаменитое его стихотворение о поэтах, погибших на войне:

Перебирая наши даты,
Я возвращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом
<...>

Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Ведь я и сам от них завишу,
Того порою не желая.

Они шумели пышным лесом.
В них были вера и доверье,
А их повыбило железом,
И леса нет – одни деревья.

А я все слышу, слышу, слышу,
Их голоса перебираю.
Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса. Николая.

У Самойлова много таких стихов, инвариант которых заключается в том, что раньше, в юности, было все хорошо, была жизнь, динамика, подвиги, а теперь остается только дожидаться смерти, не желая ждать от жизни ничего хорошего. Здесь психастеническое соприкасается с депрессивным, что также естественно, поскольку это также очень близкие по своим установкам характеры (в англоязычной, прежде всего, американской литературе примерно такой характер, который в отечественной традиции называется психастеническим, обозначен как депрессивный).

По мнению М. Е Бурно, психастенический характер является национальным русским характером. Действительно, представление о том, что “раньше было лучше”, характерно для русского сознания, начиная с фразы старого солдата в стихотворении Лермонтова “Бородино”:

Да, были люди в наше время,
Не то что нынешнее племя –

и кончая фразой бабушки из повести Достоевского “Белые ночи”, которая утверждала, что “раньше даже сливки меньше кисли”. В этом отношении характерен

психастенический синдром ностальгии по советскому прошлому, который несколько лет назад охватила наше общество (ср. также анализ подобной ностальгии у всех стран побежденного коммунизма в книге Ренаты Салец).

Возвращаясь к стихам Давида Самойлова, важно напомнить, что этот поэт писал в шизотипическую эпоху, когда неизбежность и неустранимость прошлого подверглась сомнению. Поэтому его психастенические ламентации по поводу “утраченного времени” сменяются оптимистическим призывом повернуть время вспять и вернуться в прекрасное прошлое, что зафиксировано в не менее известном тексте:

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.

Таких стихов у Самойлова тоже много, и их инвариант несколько иной: мы зависим от прошлого, но для того, чтобы преодолеть эту зависимость, мы отправимся в путешествие в прошлое, чтобы разобраться, как там было на самом деле.

Эпилептоидное время во многом напоминает циклоидное, с той лишь разницей, что циклоидное время обыденно, а эпилептоидное тяжеловесно-исторично. Эпилептоидный дискурс о времени представляет собой повествование в линейном духе о важнейших исторических событиях, которое напоминает ровную линию с всплесками вверх – правлениями великих государей, деяниями великих полководцев, свершениями великих битв.

В этом смысле эпилептоидное время чрезвычайно персоналистично, связано с великими историческими личностями. Недаром, тонко чувствующий эту проблематику М. Е. Салтыков-Щедрин заканчивает “Историю одного города” в тот момент, когда погиб последний глуповский градоначальник Угрюм-Бурчеев, не сумевший повернуть реку времени вспять, словами: “История прекратила течение свое”.

5. Паранойяльное и шизофреническое время

В той мере, в какой паранойя существует как самостоятельная болезнь, а не стадия в развитии шизофрении, можно сказать, что восприятие времени здесь сводится к нулю. Даже не обсессивно-компульсивное повторение – становления нет вообще, нет и самой идеи хоть какого-то изменения, течения, движения по времени. Происходит это из-за необычайной стойкости аффекта у параноиков или, по выражению К. Леонграда, “застреванию” параноиков на одном аффекте, чуждых всякому движению и становлению. Развиваться и повторяться здесь решительно нечему, все сведено к одной точке – сверхценной идее или центральной идее паранойяльного бреда. Время параноику просто не нужно – он живет вне его. Зато очень сильно развита сфера пространства. Параноик замечает все вокруг, хотя все свидетельствует об одном – об измене в случае бреда ревности, о том, что все обращают внимание на меня при сенситивном бреде отношения, что все преследуют меня при бреде преследования. Параноик никак не может опереться на время, но он очень сильно опирается на пространство. Чрезвычайно часты случаи, когда параноики убегают от преследователей, меняют место жительства или просто путешествуют, как Руссо, страдавший идеями преследования. Хотя безусловно связь с редуцированным временем обсессивно-ком-

пульсивного расстройствa несомненно существует. Бинсвангер убедительно показал, как obsессия переходит в идею отношения и за тем преследования в исследовании «случая Лолы». В тот момент, когда навязчивая идея перестает быть чуждой сознанию и тем самым превращается в сверхценную идею, время исчезает полностью. Если obsессивно-компульсивный человек еще пытается бороться за время, даже пусть пуетм попыток начать все сначала, при помощи, “сизифова труда”, параноику не нужно уже и это.

Все сказанное служит доказательством гораздо большей семиотической насыщенности категории времени по сравнению с пространством. Так, семиотически богатые расстройства личности, прежде всего шизоиды и истерики – формируют богатые темпоральные концепции. У шизоида это семиотическое антиэнтропийное движение времени в противоположную сторону по сравнению с обыденным временем. У истерика это сложные подставные и симулятивные отрезки времени, соответствующие травматическим стигмам на их теле. И наоборот асемиотический депрессивный человек воспринимает время лишь как обузу, а obsессивно-компульсивный, который оперирует по большей части двумя типами знаков – “благоприятно” или “неблагоприятно”, доброе предзнаменование или дурное, можно или нельзя – редуцирует время. Наконец параноик, все объекты вокруг которого семиотически сводятся к одному означаемому – соответственно измене, отношению или преследованию – сводит время на нет.

Напротив при шизофрении (конечно, при параноидной ее форме с развитым бредом и галлюцинациями) время становится одной из самых главных категорий. Но что это за время? Прежде всего это время асемиотическое, так как при остром психозе связи с реальностью полностью или почти теряются, и все “вокруг” состоит из одних только означающих, при

стремлении к полному уничтожению денотатов. Зато означающих очень много, и они делают, что хотят. И время при шизофрении делает, что хочет. Оно нелинейно, многослойно, прошлое перепутывается с настоящим и будущим – то есть со временем происходит примерно то же самое, что в сновидении.

Иногда, особенно в острых фазах болезни, наблюдается как бы временная «буря», прошлое бурно смешивается с будущим и настоящим. Больной переживает то, что было много лет назад так, как если бы это происходило сейчас; его мечтания о будущем становятся реальным настоящим; вся его жизнь – прошлая, настоящая и будущая – как бы концентрируется в одной точке (telescoping – по терминологии экзистенциальной психиатрии). <...> Когда его спрашивают об их значении либо о дальнейшем развитии событий, обычно он не в состоянии дать ответ. Его прошлая, настоящая и будущая жизнь становится как бы мозаикой мелких, иногда очень ярко переживаемых событий, которые не связываются в единую композицию [Кемпинский 1998: 220-221].

Интересно, что примерно то же самое происходило в психоделических экспериментах Грофа, когда испытуемый психотизировался при помощи ЛСД или холотропного дыхания:

В одно и то же время могут возникать сцены из разных исторических контекстов, они могут выглядеть значимо связанными между собой по эмпирическим характеристикам. Так, травматические переживания из детства, болезненный эпизод биологического рождения и то, что представляется памятью трагических событий из предыдущих воплощений, могут возникнуть одновременно как части одной сложной эмпирической картины. <...> Линеиный временной интервал, господствующий в повседневном опыте, не имеет здесь значения, и события из различных исторических контекстов появляются группами, если в них присутствует один и тот же тип сильной эмоции или интенсивного телесного ощущения. <...> время кажется замедленным или необычайно уско-

ренным, течет в обратную сторону или полностью трансцендируется и прекращает течение” [Гроф 1992: 35].

Отрицание линейного временного порядка, хронологии, выражено устами героя-шизофреника в романе С. Соколова “Школа для дураков”:

Мне представляется, у нас с ним, со временем, какая-то неразбериха, путаница, все не столь хорошо, как могло бы быть. Наши календари слишком условны и цифры, которые там написаны, ничего не означают и ничем не обеспечены, подобно фальшивым деньгам. Почему, например, принято думать, будто за первым января следует второе, а не сразу двадцать восьмое. Да и могут ли вообще дни следовать друг за другом, это какая-то поэтическая ерунда – череда дней. Никакой череды дней нет, дни приходят когда какому вздумается, а бывает, что и несколько сразу”.

В соответствии с этой идеологией действие в романе происходит нелинейно, то отскакивает назад, то забегает вперед. Один из главных героев, учитель географии Норвегов, умирает, но потом сам рассказывает о том, что он умер.

Эти особенности конструирования времени при шизофрении напрямую подводят нас к структуре временного дискурса при шизотипии.

6. Шизотипическое время

Характеризуя шизотипическое расстройство личности, А. Бек и А. Фримен говорят, что наиболее замечательной его особенностью является «причужденность когнитивной сферы» [Бек-Фримен 2002]. В соответствии с этим шизотипическое сознание строит причудливые модели времени. В сущности, шизотипическое время во многом по своей причужденности и богатству похоже на шизофреническое время. Не будем забывать, что шизотипическое было выделено из шизофренического совсем недавно. Но наиболее важной

отличительной особенностью здесь является то, что какими бы причудливыми, сложными, многомерными, параллельными не были шизотипические темпоральные построения, они все же так или иначе отталкиваются от исходных линейных моделей – энтропийной или эсхатологической, в то время как шизофренические представления о времени ни с чем не соотносятся, будучи вполне самодостаточными. Шизотипическое время при этом лишь похоже на асемiotическое шизофреническое время, будучи семиотически чрезвычайно сильно нагруженным.

Наиболее просто и примитивно сказать об определяющей особенности шизотипического представления о времени можно, вспомнив от том, что шизотипическая конституция носит синкретический характер, включая в себя все остальные конституции на правах радикалов. В соответствии с этим шизотипическое построение времени использует на правах “строительных материалов” все или большинство типов невротического или психопатического времени, которые были разобраны выше. Для наглядности мы сразу приведем достаточно яркий пример такого темпорального синкретизма, но затем нам придется углубиться в проблему.

Для иллюстрации шизотипического временного построения мы рассмотрим один из самых последних популярных культовых фильмов конца XX века – “Беги, Лола, беги”. Герой Менни потерял мешок с деньгами, который он должен передать боссу. У него есть двадцать минут на то, чтобы достать сто тысяч марок, иначе его убьют. Он звонит своей возлюбленной Лоле, и она начинает бежать. Сначала она просто выбегает из дому, потом она бежит к своему отцу банкиру просить у него денег, но он отказывается. В это время Менни грабит банк, но тут полиция его убивает. Однако время возвращается вспять к тому моменту, когда Лола выбегает из дому. Она опять бежит

к отцу и под дулом пистолета заставляет дать ей деньги, затем она благополучно встречается с Менни, но тут убивают ее. Время опять возвращается к исходной точке. Лола бежит, она не застаёт отца в офисе, вбегает в здание казино и за несколько минут чудесным образом выигрывает 100 тысяч марок. В это время Менни находит бродягу, который случайно украл у него пакет с деньгами, и все заканчивается хорошо.

Практически мы тут видим совмещение почти всех из перечисленных выше представлений о времени. Каждый эпизод имеет линейную развертку. Его можно понять и как циклоидное энтропийное время, особенно, неудачные первые два, и как шизоидное телеологическое – Лола бежит *для того*, чтобы спасти во чтобы то ни стало Менни. В то же время неудачный вариант прошлого тут же подменяется, фальсифицируется новым вариантом – истерическое время. При этом происходит автоматическое повторение эпизодов без всяких, во всяком случае, на первый взгляд, видимых признаков становления – это обсессивно-компульсивное время. Течение событий два раза прерывается двумя эпизодами из прошлого, когда Менни и Лола лежат в кровати и мирно беседуют о любви – это психастеническое время воспоминаний. В то же время, время для Лолы, одержимой одной сверхценной идеей достать деньги, парадоксальным образом вообще перестает существовать – это черта паранойяльного сознания.

Здесь мы должны остановиться и задать себе два вопроса. Во-первых, по каким критериям мы тот или иной текст называем шизотипическим дискурсом? Во-вторых, почему, если это так, шизотипически дискурс играет столь важную роль в культуре XX столетия?

На первый вопрос ответить труднее. Будем считать любой дискурс XX века, где отражена неповседневная “причудливая” точка зрения на мир (“шизо-

френоподобный текст”), шизотипическим. Применительно к фильму “Беги, Лола, беги” такой вопрос возникает потому, что мы имеем дело с текстом, который не смотря на всю свою утонченность все же находится на границе между массовым или элитарным искусством. Выходит, что шизотипическая картина мира это нечто вроде синонима постмодернистской картины мира. Я думаю, что так оно и есть. И уточнение этого положения будет содержаться в ответе на второй вопрос – о роли шизотипического в культуре XX века. Ответ на этот вопрос будет длинным и сложным.

Мы не скажем ничего нового, сказав, что те “формы жизни”, которые предложил XX век уже в самом начале, резко расходился с теми привычными формами жизни, которыми жил век XIX. В частности, одной из таких привычных форм было естественнонаучное представление о времени, связанное со вторым началом термодинамики. Построение новых моделей, в частности, теории относительности и квантовой механики поколебало эти привычные представления (как известно, в частности, время в микромире обратимо, элементарные частицы могут двигаться и в будущее, и в прошлое. С другой стороны, чрезвычайно усложнились представления о человеческой психике, прежде всего благодаря психоанализу. В-третьих, конечно, первая мировая война. В результате в качестве защитной реакции человеческого сознания на эти чрезвычайные стрессы актуализировалась шизофрения, которую можно считать таким же “изобретением” XX века, как психоанализ и релятивистскую физику. Шизофрения была отражением в человеческой психике тех новых моделей, которые стереотипно мыслящее человеческое сознание не могло вместить. Однако постепенно часть этой шизофренической массы, по-видимому, интеллектуально наиболее состоятельная часть, адаптировалась к новой ситуации и дала культурный Ответ (в смысле А. Дж. Тойнби) на столь

трудный Вызов, который предложила культура XX века. Этот ответ и был шизотипической картиной мира, которая реализовала себя прежде всего в сюрреализме, неоклассицистической музыке, неомифологическом романе, неортодоксальной психотерапии типа Юнга и Лакана, философии Витгенштейна и Хайдеггера, семантике возможных миров и многозначной логике, авторском кинематографе Бунюэля и Тарковского, во всей совокупности текстов литературы, искусства и философии послевоенного постмодернизма.

Но почему все перечисленные нами направления мы относим к шизотипическому? Давайте сразу ответим на этот важный вопрос. Во-первых, я должен сразу сказать, что в этой работе мы покидаем область патографии в узком смысле, то есть описание жизни человека или произведения искусства с точки зрения психопатологии. Наша задача в этом исследовании совсем другая – мы показываем, как то или иное психопатологическое явление – в данном случае шизотипия – соотносилось с явлениями большой культуры. То есть нас не интересует психиатрический диагноз Мандельштама и душевная болезнь Булгакова в том, как они проявлялись в их творчестве. Но то, что они внесли в культуру XX века, неотделимо от того, чем она болела и чем болел сам XX век. В XX веке психическая болезнь в определенном смысле перестала быть частным делом. Это очень хорошо понимал, например, такой блестящий художник XX века, как Сальвадор Дали, который из своей болезни сделал себе имидж, славу и миллионы. Создатель паранойяльного метода, наслаждающийся собой и превозносящий себя мегаломан, и при этом действительно великий художник – такого в XIX веке, по-видимому, быть не могло.

Давайте начнем с неомифологизма. Почему неомифологизм это шизотипия? Тот факт, что мифологиче-

ское мышление связано с шизофренией, для нас теперь очевиден. Связь между ними наиболее убедительно показали Юнг и Гроф. Неомифологизм – то есть наложение мифологического канала на повседневную жизнь, это, так сказать культурная шизофрения, «шизофрения с человеческим лицом», а это и есть шизотипия. «Причудливость когнитивной сферы» сохраняется, странность сохраняется, даже могут по временам возникнуть какие-то галлюцинации, но в целом это явление не психотическое, соотносящее свой опыт с опытом обычного человека, homo normalis.

Но какое это отношение имеет к проблеме времени? Самое непосредственное. Какие бы вычурные временные построения не придумывались, все равно остается отталкивание от нормального обыденного времени. Вообще время – одна из самых главных тем в XX веке. Первыми здесь выступили Джойс и Пруст. Джойс наложил обыденный день дублинского еврея на время путешествия Улисса на Итаку (те ретардации, которые претерпевают гомеровский Одиссей и его спутники при возвращении домой, заставляют заподозрить в нем обсессивно-компульсивного психопата); Пруст мифологизировал (гиперболизировал) невротически-психастеническую ностальгию по прошлому. Можно предположить, что это было весьма актуально в начале XX века, когда люди отчаянно тосковали по старым добрым временам. Поэтому и гиперпсихастенический проект Пруста имел такой успех.

Несколько по-иному вопрос был поставлен и решен в «Волшебной горе» Томаса Манна, романе о времени, как он сам его называет. В самой структуре романа нет шизотипических временных сдвигов, но тем не менее это неомифологическое произведение, анализирующее проблему как бы языком XIX века, как это и характерно для Томаса Манна. Ганс Касторп

попадает на волшебную гору, где сакраментальные семь лет подготавливают его к подлинному началу XX века, к первой мировой войне. При этом в его «герметической педагогике» изучаются все достижения начала XX века – психоанализ, релятивистские теории, политические проблемы и бытовые технические реалии вплоть до кинематографа и граммофона. При этом Ганс Касторп ассоциируется с мифологическим простаком, симплициссимусом и одновременно с Тангейзером, находящемся в плену на волшебной горе у Венеры – то есть эффект наложения обыденного малого времени на большое мифологическое и здесь имеет место.

Здесь мы прервем наш историко-литературный очерк и обратимся к тому, как в начале века поступала со временем философия. Можно сказать, что это был бум на философию времени, которое в XIX века практически не изучалось. Бергсон и Гуссерль построили теории внутреннего времени. Брэдли и МакТаггарт построили теории, отрицающие объективность феномена времени. Джон Уильям Данн построил многомерную модель времени. На ней необходимо остановиться подробнее, так как она имеет явный шизотипический характер и к тому же стала парадигмообразующей для многих дальнейших феноменов XX века.

Есть два наблюдателя, говорит Данн. Наблюдатель 2 следит за наблюдателем 1, находящимся в обычном четырехмерном пространственно-временном континууме. Но сам этот наблюдатель 2 тоже движется во времени, причем его время не совпадает со временем наблюдателя 1. То есть у наблюдателя 2 прибавляется еще одно временное измерение, время 2. При этом время 1, за которым он наблюдает, становится пространственно-подобным, то есть по нему можно передвигаться, как по пространству – в прошлое, в будущее и обратно, подобно тому, как в семиотическом

времени текста можно заглянуть в конец романа, а потом перечитать его еще раз. Далее Данн постулирует наблюдателя 3, который следит за наблюдателем 2. Континуум этого последнего наблюдателя будет уже шестимерным, при этом необратимым будет лишь его специфическое время 3; время 2 наблюдателя 2 будет для него пространственно-подобным. Нарастание иерархии наблюдателей и, соответственно, временных изменений может продолжаться до бесконечности, пределом которой является Абсолютный наблюдатель, движущийся в абсолютном Времени, то есть Бог.

Интересно, что, согласно Данну, разнопорядковые наблюдатели могут находиться внутри одного сознания, проявляясь в особых состояниях сознания, например, во сне. Так, во сне, наблюдая за самим собой, мы можем оказаться в собственном будущем, тогда-то мы и видим пророческие сновидения. Теория Данна является синтетической по отношению к линейно-эсхатологической и циклической моделям, то есть шизотипической. Серийный универсум Данна нечто вроде системы зеркал, отражающихся друг в друге. Вселенная, по Данну, иерархия, каждый уровень которой является текстом по отношению к уровню более высокого порядка и реальностью по отношению к уровню более низкого порядка.

Концепция Данна оказала существенное влияние на культуру XX века, в частности, на творчество Х. Л. Борхеса, каждая новелла которого, посвященная проблеме времени и соотношению текста и реальности, закономерно дешифруется серийной концепцией Данна, которую Борхес хорошо знал. Так, в новелле «Другой» старый Борхес встречает себя самого молодым. Причем для старика Борхеса это событие, по реконструкции Борхеса-автора, происходит в реальности, а для молодого – во сне. То есть молодой Борхес во сне, будучи наблюдателем 2 по отношению к самому себе, переместился по пространственно-подобному

времени 1 в свое будущее, где встретил самого себя стариком, который, будучи наблюдателем 1, спокойно прожил свой век во времени 1. Однако молодой Борхес забывает свой сон, поэтому, когда он становится стариком, встреча с самим собой, путешествующим по его времени 1, представляется для него полной неожиданностью.

В системе Данна чрезвычайно важно постулирование наблюдателя, Другого. Наблюдатель – важнейший компонент квантовой теории Гейзенберга. Другой – наиболее важная категория психоанализа Лакана. Почему наблюдатель и Другой суть шизотипические категории? Ответ понятен. Шизотипический характер имеет мозаическую структуру, состоит из нескольких субхарактеров (см. предыдущую главу). Если это характеры типа шизоидного, психастенического или истерического (а в больших культурных проектах XX века участвовали, конечно, личности с развитым шизоидным радикалом), то ясно, что когда одна часть личности что-то делает или говорит, то другая за ней наблюдает. Это создает во временных шизотипических построениях (прежде всего недаром столь популярных в XX веке сюжетах путешествий в будущее и прошлое – от Герберта Уэллса до Бредбери и Стругацких и далее) особый парадокс, который состоит в том, что наблюдатель самим своим присутствием необратимо изменяет картину прошлого или будущего и этим создает двойную идентичность во времени. Вот что пишет об этом Славой Жижек:

Вот главный парадокс, на который мы хотим указать: существуют события в прошлом, которые субъекту хотелось бы изменить, «переиграть» (истерическая позиция – В. Р.), в которые ему хотелось бы вмешаться, – и он совершает путешествие в прошлое (ср. выше «Давай поедем в город, / Где мы с тобой бывали»; Д. Самойлов. – В. Р.), снова переживает эти прошлые события и хотя кажется, что он «ничего уже не может изменить», но на

самом деле все обстоит как раз наоборот – только его вмешательство делает события прошлого такими, какими они всегда были (курсив Жижека. – В. Р.): оказывается, что его вмешательство предполагалось, было предусмотрено изначально. Изначальная «иллюзия» субъекта состоит в том, что он просто забывает о необходимости учитывать свои собственные действия в данных событиях, то есть упускает из виду, что «тот, кто считает, тоже включен в подсчет» (как в принципе неопределенности Гейзенберга. – В. Р.) [Жижек 1999: 63].

Здесь важно подчеркнуть особую роль и особенность категории истины в философии XX века, ее относительность, релятивность, прагматическую обусловленность, представление о том, что может быть несколько истин одновременно. Это тесно связано с категорией времени. Любая истина имеет временной характер. То, что истинно сегодня, может быть ложно завтра и наоборот. Такие истины У. Куайн называл «невечными». Например, фраза «Путин – президент России» является истинной только с момента его избрания в марте 2000 года. До этого она была ложной. В сущности, только логические истины типа «если а, то не верно, что не а», имеют вечный характер. Но в XX веке были расшатаны и эти законы в построениях паранепротиворечивых многозначных логик, где вместо двух значений «истинно» и «ложно» могут возникать, например, четыре значения: истинно, ложно, не истинно и не ложно, и истинно и ложно. Например, «Дождь идет, и дождь не идет» (наиболее яркое построение такого типа см. в статье Г. фон Вригта «Логика истины» [Вригт 1986]). В этом смысле задание параллельных временных потоков в нарративах шизотипического дискурса XX апеллирует именно к такому «боровскому» пониманию истины – объект одновременно является и тем, и чем-то противоположным, например, и частицей, и волной (принцип дополнительности).

В качестве наиболее простого примера всего того, что сказано о наблюдателе, истине и временных потоках приведем рассказ Борхеса «Тема предателя и героя». Историк Райен исследует события важнейшего восстания. Руководитель этого восстания Килпатрик – признанный вождь народа и герой. Но восставшим ясно, что кто-то из них предатель. Один из них с неопровержимостью доказывает, что предателем является сам руководитель восстания Килпатрик. Тогда восставшие, чтобы не смущать народ, решают сохранить официальный статус предателя как героя. Они разыгрывают восстание, где весь город становится театром, и Килпатрик умирает мученической смертью героя. В заключение Райен, который не осмеливается вскрыть истину, пишет биографию Килпатрика как героя, и под конец ему приходит в голову, что и его историческое исследование было запланировано кем-то заранее. Здесь шизоидное телеологическое понимание времени и истории побеждает естественнонаучное «циклоидное».

Другой пример того же Борхеса, более сложный, – рассказ «Три версии предательства Иуды». Нулевая версия о том, что Иуда предал Иисуса из зависти отвергается как слишком традиционная, «естественнонаучная», детерминистская версия XIX века. Взамен этого согласно первой версии Иуда предал Иисуса, чтобы тот объявил себя в своем мученичестве. Вторая версия (при этом шизоидная телеологичность от первой версии к последней нарастает) состоит в том, что Иуда предал Иисуса будучи его отражением, как предательство является отражением подвига. В соответствии с третьей версией Иуда и был Иисусом, который, чтобы максимально принизить себя в своем человеческом облике совершил наиболее низкий человеческий поступок – предательство.

Представление о том, что у одного события могут быть несколько параллельных течений времени с раз-

ными исходами (вспомним фильм “Беги Лола, беги”), было научно зафиксированно в особой логической дисциплине 1970-х годов – семантике возможных миров (применительно к “Лоле” подробно см. [Михайлова 2013]), где подразумевается, что можно математически построить некий кластер течений событий, “мировых линий”, одна из которых достаточно условно называется “действительным миром”. За пятьдесят лет до этого Акутагава в рассказе “В чаше” (более известном по фильму Куросавы “Росёмон”) построил ту же самую временную схему. В чаше находят труп убитого самурая. Известный разбойник на суде признается, что он убил самурая. Но потом на суде выступает жена самурая и заявляет, что это она убила его (все версии сопровождаются подробным описанием событий). Третьим на суде выступает дух умершего самурая, который утверждает, что он сам покончил с собой. При этом вопрос не стоит так, какая версия истинная, а какая ложная. Это три равноправных мировых линии, три временных потока.

Еще один пример – роман Набокова “Бледное пламя”. Здесь имеется поэма Шейда и комментарий к ней, который пишет друг Шейда преподаватель литературы Кинбот. Постепенно из этого комментария выясняется, что Кинбот является королем в изгнании некой вымышленной страны Зембли, и вся поэма – не что иное как комментарий к его (Кинбота) жизни в качестве короля. При этом остается так и неясным, является ли Кинбот параноиком, вычитывающим из поэмы то, чего там нет, подобно тому как при бреде отношения параноики вычитывают из газет события, связанные, по их мнению, с ними, или действительно его жизнь зашифрована в поэме – паранояльная и шизоидная версии оказываются равноправными.

Третий пример “Хазарский словарь” Павича, в центре которого факт принятия хазарами новой веры –

православной, исламской или иудейской. Причем православные источники словаря утверждают, что хазары приняли православие, исламские – что ислам, а иудейские – что иудаизм.

“Истина где-то рядом”.

Вообще не случайно, что последний великий роман XX века написан на тему истории. Кризис истории как знания о прошлом времени – одна из характерных черт культуры второй половины XX века, постмодернистской культуры. (В первой половине XX века тоже был кризис исторического, который преодолевался путем шизоидно-ананкастических циклических историсофских построений О. Шпенглера, Н. Бердяева и А. Дж. Тойнби.)

Сам Павич в предисловии к “Хазарскому словарю” пишет следующее:

Издатель второго издания “Хазарского словаря” полностью отдает себе отчет, что данные Даубманнуса, то есть материалы XVII века, полностью недостоверны, они в максимально возможной мере построены на легендах, представляют собой нечто вроде бреда во сне (курсив мой. – В. Р.) и спутаны сетями заблуждений различной давности.

Отсюда популярные в конце XX века квазисторические построения, которые вскрывают якобы фальсифицированные целые огромные пласты истории прошлого, как это мы видим в работах А. Т. Фоменко). Здесь истерическая установка – заменить прошлое – сочетается с шизоидной установкой: прошлое и так уже давно заменили о определенной целью. Более умеренный вариант антиистории предложил в свое время Л. Н. Гумилев в книге «Поиски вымышленного царства». Я полагаю, что в принципе метаисторические построения Даниила Андреева в «Розе мира» – тоже являются плодом культурного шизотипического (в данном случае шизофренического) сознания XX века.

По мнению А. М. Пятигорского, “единственное, что им (постмодернистам. – В. Р.) остается, это описывать то, что с ними происходит сейчас, ибо обращение к истории будет всегда обращением к их истории и, тем самым, отрицанием их роли в настоящем. Я думаю, что смысл этого выражения, – обращение к себе как к уже не обладающему своим прошлым. Его эпистемологические корни очевидны: если мое прошлое кончилось, то чтобы не кончиться вместе с ним, мне надо говорить и писать вместе в нем, мне надо говорить и писать о своем настоящем как дьящемся во времени, как имеющем свою историю. Иными словами, только так я выживу исторически” [Пятигорский 1996: 362].

Одним из шизотипических символов XX века в его отношениях со временем является кинематограф, который обладает способностью показывать все возможные временные конфигурации, показывать прошлое и будущее, как настоящее, в виде квазиреалистической картинки, реалистически-подобно рассказывать о путешествиях в прошлое и будущее, визуализировать и истерическое желание заменить прошлое, и психастеническую ностальгию по прошлому, показывать одно и то же течение времени как детерминистское и как телеологическое. Таким шизотипическим кинематографическим символом отношения XX века со временем может служить фильм Тарковского «Зеркало», где прошлое, настоящее и будущее оживают в виде воспоминаний и фантазий главного героя в нелинейном перемешивающемся порядке. При этом в противоположность шизофреническому временному хаосу за этой нелинейностью памяти встает вполне отчетливая (телеологически-шизоидная, конечно, по своей сути) временная линия исторической судьбы России.

В заключение можно сказать, что шизотипический человек хотя и принимает идею простого линей-

ного времени, в обыденном ли энтропийном или культурно-эсхатологическом варианте, но он не может жить и воспринимать мир по законам такого времени – они ему не интересны в силу «причудливости» его когнитивной сферы и не адекватны той культурной реальности, в которой он должен пребывать. Находясь зачастую на границе между здоровьем и болезнью, между неврозом и психозом, он склонен воспринимать время также как некую пограничность, трансгрессивность, некую экзистенциальную черту, за которой его ждет либо вечное блаженство, либо адские муки. И путь к этой черте лежит не по прямой линии, но по многомерному, параллельно развивающемуся, возвращающемуся назад и забегающему вперед причудливому временному континууму.

Точно так же как XX веку было не интересно писать реалистические романы в духе Тургенева, сочинять гармоничную недиссонирующую музыку в духе Чайковского и рисовать картины в духе передвижников. XX век был во многом страшен, гораздо страшнее XIX-го. Но к этому страшному, трудному приходилось приспособляться и находить адекватные формы его выражения, адекватные формы жизни. Шизо-типическое время – одна из таких форм жизни.

Литература

- Бек А., Фримен А. (ред.) *Когнитивная психотерапия расстройств личности.* СПб., 2002.
- Вригт Г. фон. *Логика истины // Вригт Г фон. Логико-философские исследования.* М., 1986.
- Гербзаттель В. фон. *Мир компульсивного // Экзистенциальная психология.* М., 2001.
- Гроф С. *За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии.* М., 1992.

- Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.*
- Кемпинский А. Психология шизофрении. М., 1998.*
- Лакан Ж. Семинары. Т. 5. Образования бессознательного. М., 2002.*
- Лотман Ю. М. О Хлестакове // Лотман Ю. М. Избр. статьи в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992.*
- Минковски Ю. Случай шизофренической депрессии // Экзистенциальная психология. М., 2001.*
- Михайлова Т. А. «Беги, Лола, беги» // Руднев В. Психология кино. М., 2013.*
- Перлз Ф. Любовь, голод и агрессия. М., 2000.*
- Пятигорский А. М. О постмодернизме // Пятигорский А. М. Избр. труды. М., 1996.*
- Риман Ф. Основные формы страха: Исследование в области глубинной психологии. М., 1998.*
- Фрейд З. Фрагмент исследования истерии (Случай Доры) // Фрейд З. Интерес к психоанализу. Ростов-на-Дону, 1998.*

Глава седьмая

Психология гипервремени

Здесь мы хотели бы сделать несколько наблюдений над поведением пациента К. и затем попытаться их обобщить.

1. «В три десять на Юму». К. купил блок сигарет (10 пачек). Поставил их на заранее отведенное для них место и увидел, что рядом лежат три пачки сигарет (красных) его жены.

Он подумал: «В три десять на Юму». Это было название известного американского фильма, в котором фермер конвоировал преступника к поезду, который был должен уходить ровно в три десять на Юму. К. подумал о том, что это значит (рядом стояла книга с портретом Гурджиева) (Николл – вывести). Это значит что-то, что связано (ср. атаки на связи у Биона, будешь цитировать «СО»?) с ним и с его женой. «Десять» это его потенция (попасть в десятку), «три» это Святая Троица, которую он связал (*своеобразие связей у пограничного*) со своей женой, которую он обожествляет (уровни).

Потом он подумал: «Нет, это ничего не может значить. Это у меня идея воздействия. Потом: «Ну, раз я подумал, что у меня идеи воздействия, это проявление моего грандиозного Я. Нет, когда что-то происходит, это *должно* (пробивается обсессия. – В. Р.) что-то значит (сверхценная идея воздействия – все имеет смысл, хотя ничего не имеет значение – так говорил его покойный психотерапевт А. М.). Ведь весь мир это открытая книга (шизоидная установка).

Мне представляется, что реальность есть не что иное, как знаковая система, состоящая из множества знаковых систем разного порядка, то есть настолько сложная знаковая система, что ее средние пользователи воспринимают ее как незнаковую. Но реальность не может быть незнаковой, так как мы не можем воспринимать реальность, не пользуясь системой знаков. Поэтому нельзя сказать, что система дорожной сигнализации – это знаковая система, а система водоснабжения – незнаковая. И та и другая одновременно могут быть рассмотрены и как системы вещей, и как системы знаков (Руднев 2000: 180).

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье.
Была ему звездная книга ясна
И с ним говорила морская волна...

Е. А. Баратынский «На смерть Гёте»

Затем он сказал: «Нет, ведь это просто вы так написали; на самом деле это ничего не значит, мы живем в обыденном мире (переход на депрессивную позицию.)»

2. Сол Крипке. Он посмотрел на книгу Сола Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке», и ему не понравилось лицо автора. Он «просмотрел на тонком уровне», как делают экстрасенсы (С. Н. Лазарев). Он подумал: «Автор – плохой человек, к тому же еврей» (мой пациент вовсе не антисемит!). Потом он подумал и сказал: «Нет, как же так, ведь это очень хорошая книга ведь это вы ее переводили (правда, мой перевод, правда, неполный, опубликован в журнале «Логос» № 1 за 1999 г.). Ход его рассуждений дальше был такой: «Да, но это другой перевод, это перевод плохого человека (правда, он читал очень резкую рецензию на мою книгу о Витгенштейне). Потом он подумал, что «крипке» это значит скреплять (связы-

вать!), как скрепка скрепляет листы бумаги, как блок скрепляет пачки сигарет. Так он скрепляет, связывает свои отношения с женой, как точка пристежки *point de caption*, термин Лакана, который он знает из моей статьи про книгу Славоя Жижека «Возвышенный объект идеологии». Потом он сказал, что еще для него важна ассоциация Крипке – Скрипке. Так иронически называл этого философа (Пол Скрипке) его друг, который утонул.

Вот такие два примера. Попробуем в них разобраться.

В какой реальности живет мой пациент? В реальности пациента Д. который представлен мной в статье «Микроанализ («Психотерапия», № 4, 2010)? Не совсем! У того не было идей величия, и он вообще не понимал, что такое воздействие, возможно, потому, что я тогда это проблемой не занимался. Он все сваливал на гиперобсессию. Что такое гиперобсессия? Это не просто сверхобсессия это обсессия в гипервремени, как в «Малхолланд Драйв».

Он и его жена скреплены точкой пристежки, скованы одной цепью (фильм Эрика Штрогейма). Цепь ассоциируется у него с собачьей конурой. Он как комнатная собачка у своей жены, как Гектор в комедии Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца. Их сердца разбиты (атака на связи, странные объекты, ведь сердце не разбивается, оно разрывается break «Сломанные побеги» (фильм Гриффита) ... и так до бесконечности. Ассоциации осмысляются, потом их осмысление обесценивается и т д.

Потому что в его реальности (так же как и в моей – его психотерапевта (автоматы в ст. Биона, Волк и Фрейд при изобретении первосцены) обыденность и культура существуют вместе, скованы одной цепью (вновь связь, но особого типа – механическая, «со-

бачья» Гурджиев–Делёз: человек сломанная спящая машина – см. главы о «Малхолланд Драйв»)

Он со своей женой едет в три десятка на Юму. Кто из них преступник, а кто жертва?

Преступник, в конце концов, добровольно садится в поезд, чтобы помочь своему конвоиру, которого он успел полюбить (идентификация с агрессором? – Анна Фрейд. Это и механизмы защиты – Нос – Ермаков – Гоголь Сирано Суханов – Мирзоев – Дон Жуан – Пушкин). Но он знает, что он все равно потом убежит, не сядет в тюрьму (тюрьма по Гурджиеву) (сесть на ходу в едущий поезд означает половой акт с женой (?) и т. д.. Поэтому он и его жена – это блок сигарет и три пачки (троица Рублев? Тарковский).

В соответствии с симметричной логикой бессознательного Матте Бланко все равно всему. В 2004 году «независимо» от Матте Бланко я писал:

Когда мы думаем о людях, мы оперируем именами и дескрипциями, мы говорим “Это – истеричка”, “Он – законченный шизоид”. Или просто: “Это – Маша” или “Это – скверный человек”, или “Этот человек – настоящий Дон Жуан”. Кажется, что это очень просто. Но для того, чтобы это стало просто, языковая эволюция должна была пройти десятки тысяч лет своего развития. Предложения вроде “Маша – истеричка” и “Николай – эпилептоид” принадлежат так называемому аккузативно-номинативному синтаксическому строю, где четко разграничены позиции субъекта, объекта и предиката. Но этот строй возник всего несколько тысяч лет назад. Эволюция языка началась с использования выражений, которые трудно назвать словами или предложениями, где субъект, предикат и объект нерачленены – так называемый инкорпорирующий строй, в котором отдельных актантных понятий “Маша”, “истерик” или “ананкаст”, конечно, не существовало.

Все это я веду к тому, что в определенный период своего развития язык *позволил* людям называть друг друга различными именами и обозначать различными дескрипци-

ями. Лишь в определенный период стало возможным (и язык стал активно использовать эту возможность), чтобы одного и того же человека стало можно называть “папа”, “ваше превосходительство”, “действительный статский советник”, “господин министр”, “милашка”, “Николай Иванович” и так далее. Последнее есть не что иное как модель субличностей. Для того, чтобы сказать, что у человека много субличностей, язык должен предоставить такую возможность. И он ее предоставляет. Более того, такое положение вещей, при котором человека можно назвать только одним именем или обозначить одной дескрипцией в речевой практике не существует. Один раз позволив называть и обозначать, язык делает это принудительно. Человек не может быть только “отцом” и никем больше. Он не может быть только начальником управления, даже если он всю жизнь проработал начальником управления. Он еще будет для кого-то соседом, для кого-то негодяем, для кого-то любимым, для кого-то старым другом Колькой и т. д.

Крис Кларк в статье «О природе биологии: Творчество Матте Бланко» (<file:///C:/xampp/htdocs/scisprit2/matteblanco6.htm>) пишет:

Предположим, что я видел сон, в котором мой приятель (назовем его Питер) превратился в дракона. Conventionally также, что наш анализ proceeded ... ассоциацией: я, или психотерапевт, would elicit ассоциации с элементами этого сна, которые включали бы в себя идею, в соответствии с которой «драконы опасны». Утверждение Матте Бланко заключается в том, что <...> мы понимаем процесс обобщения сна, как если бы там имела место квази-логическая последовательность такого рода:

1. Питер опасен.
2. Драконы являются опасными существами.
3. Опасные существа являются драконами.
4. (Из 1 и 3 следует) Питер является драконом.

Переход от 2 к 3 является conventionally *non sequitur* поэтому «являются» означает отношение суб-класса и не является симметричным отношением: утверждение «Все А суть В» не подразумевает с необходимостью того, что

«Все а суть В». Центральный постулат Матте Бланко заключается в том, что Бессознательное рассматривает все отношения как симметричные.

Далее Крис Кларк, суммируя воззрения Матте Бланко, пишет:

1. Логика является контекстно зависимой (2.2.1)
2. Она состоит из двух различных частей, симметричной и несимметричной (3)
3. Симметричная часть:
 - a. требует уровня описания, не делающего различий между членами и субклассами (2.2.1, 2.2.2.)
 - b. не допускает операцию отрицания (2.2.3)
 - c. не имеет принципа противоречия (2.2.3)
 - d. базируются на формальном языке, который обеспечивает то, что отношения являются автоматически симметричными (2.2.4)
 - e. использует одно-валентные связи разрешающие бивалентную роль по отношению к элементу «те» (2.2.5)
4. Упорядоченные множества, когда они рассматриваются с точки зрения перспективы симметричной части, имеют бесконечный максимум элементов (4.2.1), совпадающий с бесконечным минимумом элементов (4.2.2)

Архитектор Адольф Лоос сказал Витгенштейну: «Вы – это я!»

При помощи идей Матте Бланко можно, например, объяснить, что такое рифма. Просто берется из бессознательного любые два слова, ведь в симметричной логике все слова значат одно и то же, и раз они похожи друг на друга по звучанию, то, значит, они похожи (а на бессознательном уровне – тождественны) и по значению (Мандельштам и Витгенштейн).

Из построений Матте Бланко следует, в частности, то, что Бог и дьявол это одно то же, впрочем, это почти то же самое, что писали гностики.

Где же здесь принцип всемогущества? Есть ли пресловутая анальность в его гиперообессивном (=гиперпсихотическом) мышлении? Я ее пока не вижу.

Принцип всемогущества наиболее архаичный (Блейлер, Ференци).

Как всемогущество мыслей (Фрейд «Тотем и Табу») и компульсивные фобии вроде страха прикосновения и бесконечного мытья рук с ним соотносятся?

Все это берется из коллективного бессознательно-го. А откуда оно у до-параноидно-шизоидного у младенца? Он ведь еще ничего не знает и не понимает, не умеет ни говорить, ни мыслить. Он в своей додефференцированности связан с симметричной логикой Матте Бланко. Но его генетика передает ему всю информацию в виде юнговских энграмм.

Принцип всемогущества связан с поздней юнговской теорией синхронности, а-детерминизма:

1-го апреля, 1949 г., утром, я занес в свой блокнот надпись, содержащую образ полурыбы-получеловека. На завтрак мне подали рыбу. В разговоре кто-то упомянул об обычае делать из кого-нибудь «апрельскую рыбу». Днем, одна из моих бывших пациенток, которую я не видел несколько месяцев, показала мне несколько впечатляющих картин с изображениями рыб. Вечером мне продемонстрировали кусок гобелена с изображенными на нем морскими чудовищами и рыбами. На следующее утро я встретил свою бывшую пациентку, которая была в последний раз у меня на приеме десять лет тому назад. Этой ночью ей приснилась рыба. Несколько месяцев спустя, когда я включил этот случай в одну из своих работ и как раз закончил его описание, я вышел из дому к озеру, на то место, где я уже несколько раз побывал в течение этого утра. В этот раз я обнаружил на волноломе рыбу длиной сантиметров в тридцать. Поскольку поблизости никого не было, то я не имел представления, каким образом она сюда попала.

Когда совпадения нагромождаются таким вот образом, то они просто не могут не произвести впечатления –

и чем больше их в одной группе или чем они необычнее, тем более невероятными они начинают казаться. По причинам, о которых я уже говорил в другой работе и которые не буду здесь снова описывать, я пришел к выводу, что это была группа совпадений. Хотя, следует признать, что она была более невероятной, чем простое дублирование.

В вышеприведенной истории с трамвайным билетом, я сказал, что человек «случайно» обратил внимание на номер и запомнил его, чего он, как правило, не делал. Это создало основу для серии случайных событий, но я не знаю, что побудило его запомнить номер. Мне представляется, что при оценке подобной группы случайностей в этот момент в дело вступает фактор неопределенности, который требует особого внимания. Нечто подобное я наблюдал и в других случаях, однако так и не сумел сделать никаких толковых выводов. Но иногда трудно отделаться от впечатления, что имеет место предчувствие наступления серии определенных событий. Это впечатление еще более усиливается, когда речь идет о случаях типа следующего: человек думает о том, что он может встретить на улице своего старого друга, но выйдя из дому к своему разочарованию сталкивается с незнакомцем. Однако, завернув за угол, он встречает этого самого друга. Случаи такого рода происходят в самых разных формах и, очень часто, мгновенно вызывают удивление, но, как правило, быстро забываются.

Что ж, чем больше нагромождается «предвиденных» деталей события, тем сильнее впечатление существования предчувствия, и тем невероятнее кажется случайность. Я помню приключившуюся с моим другом-студентом историю, когда отец пообещал ему путешествие в Испанию, если он успешно сдаст выпускные экзамены. В результате моему другу приснилось, что он гуляет по испанскому городу. Улица привела его на площадь, на которой находился готический собор. Мой друг повернул направо, за угол, на другую улицу. На ней он увидел красивую карету, запряженную двумя булаными лошадьми. А потом он проснулся. Он рассказал мне этот сон, когда мы сидели в компании за столом и пили пиво. Вскоре

после этого, он успешно сдал экзамены, отправился в Испанию и там, гуляя по улице, узнал город из своего сна. Он нашел и площадь и собор, которые точно соответствовали тем, что приснились ему. Он хотел пойти прямо к собору, но потом вспомнил, что во сне он повернул направо, за угол, на другую улицу. Ему было любопытно узнать, будет ли и дальше действительность соответствовать сну. Не успел он повернуть за угол, как на самом деле увидел карету, запряженную двумя булаными лошадьми.

Можно было бы сказать, что это гипоманиакальное время симультанности. Но это уже гипервремя. Это даже не серии Данна. Что же такое гипервремя? Это равносильно тому, чтобы задаться вопросом, что такое постмодернизм.

Нет истины, нет ни «да», ни «нет» («Схизис и неклассические логики»). Но у моего пациента не схизис, у него расщепление (Spaltung Блейлера).

Он воспринимает людей и события либо как однозначно хорошие, либо как однозначно плохие. Мелани Кляйн – хороша и плохая грудь. Если все хорошо, люди мне рады (проективная идентификация), то наступает облегчение. Если ему кажется, что к нему все имеет отношение, что все к нему плохо относятся значит, он сам к себе плохо относится, но это не просто проекция, это сложные проективно-интроективные отношения Мелани Кляйн

Я разделяю опасения К. что такое мерцание между креативным безумием и «правдой жизни» может открыть какие-то невероятные глубины, в которых неподготовленный человек может потонуть, – а это и есть психоз! – что компульсивные просто очень глубоко чувствуют корни реальности, ее сложность, невероятную воронкообразность (дизъюнктивный синтез Делёза).

Гиперпсихоз это не психоз, это даже не болезнь (в смысле Бейтсона, Саса и Лэйнга), а просто очень глубокое, глубочайше понимание реальности, которое было под силу таким людям, как Гурджиев, Иисус Христос и Будда.

То есть людям, которые постоянно живут «против жизни» (Никола. «Цель»), у которых жизнь не заслонила стадию всемогущества, и в их мире действительно нет ничего случайного, но нет ничего и детерминированного и даже телеологического. Это микромир в «Твин Пиксе» (посмотреть статью Бойко), а, стало быть, и в МД и «Капитанской дочке» и в «Трех мушкетерах», и везде.

Чрезвычайно интересным и даже удивительным для человека такого высокого интеллекта (конечно, с нашей научной не мистической точки зрения) является тот факт, что Даниил Андреев не различал реальных исторических и культурных деятелей, например, писателей, многим из которых, особенно Лермонтову, Достоевскому и Толстому, посвящены чрезвычайно глубокие фрагменты (я уже не говорю об удивительной главе, посвященной метаисторической судьбе императора Александра Первого), и их выдуманных персонажей. Например, на полном серьезе он говорит о посмертной судьбе Свидригайлова, Ставрогина, Петра Верховенского, Андрея Болконского. Вот, например, о последнем:

Возможно, что в следующем зоне, когда преобразенное человечество приступит к спасению сорвавшихся в Магмы и Ядро Шаданакара, тот, кто нам известен как Андрей Болконский и ныне находящийся в Магирне, обретет свое воплощение в Энрофе и примет участие в великом творческом труде вместе со всеми нами.

Далее на той же странице и том же семантическом ряду следуют Данте, Леонардо, Рафаэль, Микеланд-

жело, Сервантес, Шиллер, Моцарт, Бетховен, Лермонтов и другие.

Эта особенность мифологического сознания автора, мне кажется, не имеет аналогов в культуре. Отчасти, как это ни парадоксально, она соотносится с отечественной традицией литературной критики XIX века, идущей от Белинского, Добролюбова и особенно Писарева – говорить о литературных персонажах – Базарове, Лопухове, Кирсанове, Бельтове и других, – как о реальных людях. Даже Ю. М. Лотман в своем комментарии к «Евгению Онегину» писал о доме в Петербурге, где жил Онегин, что вызвало возмущение молодого тогда Андрея Немзера, который сказал по этому поводу: «Я привык думать, что Онегин нигде никогда не жил». Итак, шизофреническое сознание смыкается с позитивистским научным. Вообще это проблема философская – статус художественного персонажа и его имени.

Трагедия Иудушки – это одиночество редуцированного эпилептоидного тела, которое в результате логики эпилептоидного дискурса уничтожило остальные тела. Его речь – в каком-то смысле не простая формальность, не стереотипное лицемерие. Ему действительно не хотелось, чтобы ограбленная им маменька уезжала от него. И тем менее ему хотелось бы, чтобы от него уезжала любимая “племяннушка”, его сексуальные притязания к которой, в сущности, тоже происходят из страха одиночества. Так, не смея озвучить своих желания, Иудушка пишет Анниньке записку, своеобразное признание в любви, в котором его задний нечистый смысл компенсируется трогательной робостью и искренним желанием дружбы и хоть какого-то подобия общения:

Порфирий Владимирович остановился и замолчал. Некоторое время он семенил ногами на одном месте и то взглядывал на Анниньку, то опускал глаза. Очевидно, он решался и не решался что-то высказать.

– Пстой-ка, я тебе что-то покажу! – наконец решился он и, вынув из кармана свернутый листок почтовой бумаги, подал его Анниньке, – на-тко, прочти!

Таким образом, пафос романа Салтыкова несомненно не в обличении, но, скорее, в показе того, что эпилептоидное психопатическое сознание не способно жить созидательной целостной жизнью, как говорит Людвиг Бинсвангер, – “неспособно безмятежно пребывать среди вещей”. Программа, жизненный проект, заложенный в эпилептоидном человеке, направлен не на созидание, а на агрессию, на уменьшение мира вокруг, что ведет с неумолимой логикой к автодеструкции в качестве логического завершения этой программы.

В XX веке круг сомкнулся, и жесткая поэтика фольклорно-эпического эпилептоидного дискурса возвратилась в массовую культуру – в жесткий детектив Д. Хеммета, в массовый исторический роман и кинематограф насилия – крутой боевик, триллер. Примеры приводить нет надобности – достаточно включить телевизор.

Представим себе поездку в поезде. Слышится стук колес, пассажир думает о чем-то своем или читает какую-то книгу, в соседнем купе плачет ребенок, слышится разговор соседей, но речь их непонятна (они говорят, кажется, по-эстонски), по радио передают популярную мелодию; пассажир видит в зеркале свое отражение, другие соседи едят, кто-то храпит, за окном сменяются пейзажи. Вот примерно такова наша модель реальности. Это принципиально многоканальное сообщение, многое из которого воспринимающему совершенно не нужно, и поэтому он не обращает внимания на семиотичность львиной доли сигналов, а воспринимает их как нечто незначительное, как помехи (Руднев 2000: 183).

Shem is as short for Shemus as Jem is joky for Jakob. A few toughnecks are still getatable who pretend that aboriginally he was of respectable stemming (he was an

outlex between the lines of Ragonar Blaubarb and Horrild Hairwire and inlaw to Capt. the Hon. and Rev. Mr Bbyrdwood de Trop Blogg was among his most distant connections) but every honest to goodness man in the land of the space of today knows that his back life will not stand being written about in black and white. Putting truth and untruth together a shot may be made at what this hybrid actually was like to look at.

Шем так же короток для Шемус как Джем шутка для Джэйкоба. Некорые упрямыцы еще связабельны. Кто претендует, что абригинально был респектабельным stemming (был на выходе из респектаблишмент между Рагонар Блуберд). И так далее.

Вот так примерно надо переводить Джойса. А теперь «правильный» перевод:

Шем это коротко для Шемус , так же как Джем – шуточное имя для Джекоба. Есть еще такие упрямыцы, и с ними можно связаться, которые делают вид, что изначально он был приличного происхождения (он был выходцем из семей Рагонара Синего Брадобрея и Хоррилд Златокудрой и родственник со стороны жены Капитану Его Чести и преподобию мистеру Бедвуд де Троп Блог был одним из его самых дальних родственников), но каждый честный к добродетели человек на земле сегодняшнего пространства знает, что задворки его жизни не выдержат, чтобы о них писали черными и белыми красками. Соединяя правду и неправду можно догадаться, что представляя собой этот гибрид в действительности. (Ковзель Н.Н.ТГУ <http://frgf.utmn.ru/last/No9/text08.htm>)

Осталось ли здесь что-нибудь от оригинала?

Я хочу сказать, что когда мы что-то поворачиваем, например, пациент С. поворачивает бутылку с минеральной водой этикеткой назад, чтобы не читать, что там написано, то на самом деле это ему на благо и т. д. и важно, что он движется в гипервремени постпсихоза.

Первичность художественной литературы по отношению к «реальности» или на симметричном уровне

Матте Бланко это одно и то же: что вымышленные персонажи, что реальные люди. «Парадокс Лотмана» В. А. Успенский «Что такое парадокс?» *Finites duadecim lustris*. Чацкий – Чацкий – Чаадаев (чтение Игнатом письма Пушкина Чаадаеву см. сценарий) Тынянов Сюжет Горя от ума Пушкин и его современники МЫ все – современники.

Иногда мне становится грустно PS – D.

Вот гул затих, я вышел на подмости

Христос – Черненко – Гамлет – ... плюс/vs бесконечность

Что более фундаментально – время или смерть? Время более фундаментально. Так называемая смерть это чисто временное состояние перехода в другую жизнь, другое качество

Душа бессмертна «Федон» Сократ

И Есть много тел по Гурджиеву например эфирное найти эфирнокриле слова Гурджиева перевертывание слов компрессия слов

Вот возьмем Витгентштейна, разве он умер?

Фотографии и тексты Витгенштейна воздействуют на меня не меньше, чем его личность.

Когда нет времени нет и странных объектов. В МД в той мере, в какой это был первый фильм XXI века. Ну синий ключ. Хорошо, Линч родился в 1948 году. Конечно, он не сразу мог принять XXI век. «Голова ластик» (1974) психотический фильм, почти как «Андалузский пес», а «Человек-слон» (1981) вообще реалистически фильм, но со «зловщинкой» да еще с какой. А Дали и Бунюэль могли сразу впрыгнуть в XX век в «Андалузском псе». По руке, которую героиня прищипала дверью, ползут муравьи. Это и есть странные объекты в том первоначальном значении, которое им

придавал Бион. Странные объекты – это вытолкнутые психикой шизофреника плохие содержания. Бункюэль и Дали заявили, что их фильм может быть объяснен только посредством психоанализа. Но под психоанализом они понимали, как и другие образованные непсихологи, в первую очередь, толкование сновидений, Эдипов комплекс, свободные ассоциации и так далее. Их заявление было сделано в 1929 году. Но с тех пор психоанализ очень сильно изменился. Прежде всего, он стал изучать не только неврозы, но и психозы. При психозе предшествующее ему развитие младенца не доходит до стадии осознания целостного объекта, оно застревает на параноидно-шизоидной позиции. Что это значит? Это значит, что сепарационная тревога, спровоцированная травмой рождения (книга Отто Ранка с таким названием вышла в том же 1929 году, когда состоялась премьера «Андалузского пса»), оставляет столь непоправимый след в прото-психике младенца, что он не в силах совладать с ней и претерпевает невыносимую фрустрацию. Элементы психической реальности начинают его преследовать. В 1945 году Мелани Кляйн опубликовала свою итоговую статью «Заметки о некоторых шизоидных механизмах», в которой она писала:

Жизненно важная потребность совладания с тревогой вынуждает раннее эго развивать фундаментальные механизмы и защиты. Деструктивный импульс частично проецируется вовне (отклонение инстинкта смерти) и, по-видимому, прикрепляется к первому внешнему объекту – материнской груди. Фрейд подчеркивал, что оставшаяся часть деструктивного импульса до некоторой степени сдерживается либидо внутри организма. Тем не менее, эти механизмы полностью не справляются с данной целью и поэтому тревога разрушения внутренними импульсами сохраняется. Под давлением этой угрозы недостаточно слитное эго имеет тенденцию к **распаду на части**. Такое распадение на части, по-видимому, лежит в основании состояний дезинтеграции шизофреников.

Возникает вопрос, действуют ли механизмы расщепления внутри эго с самой ранней фазы? Мы предполагаем, что, поскольку раннее эго расщепляет объект и свое отношение к нему, расщеплению подвергается и само эго. В любом случае в результате расщепления происходит **рассеивание** (dispersal) деструктивного импульса, переживаемого как источник опасности. Я считаю, что первичная тревога, связанная со страхом уничтожения внутренней деструктивной силой и специфическая реакция **распада на части** или расщепления эго чрезвычайно важны во всех шизофренических процессах.

<...> В состояниях фрустрации и тревоги орально-садистические и каннибалистические желания усиливаются, и младенец чувствует, что он имеет дело с распавшимся на куски соском или грудью. Следовательно, помимо разделения на хорошую и плохую грудь в фантазии младенца, фрустрирующая грудь – атакующая в орально-садистической фантазии – переживается **распавшейся на куски**; <...> Чем сильнее в процессе инкорпорации объекта превалирует садизм, тем вероятнее объект будет переживаться фрагментированным на куски. Интернализация же этих объектных фрагментов будет переживаться эго как угроза расщепления

Бион, который, развивая теорию Мелани Кляйн, опирался, прежде всего, именно на эту ее статью, считал, что эти «распавшиеся на куски» плохие части груди так нестерпимо преследуют младенца, что он в своей прото-психике мелко фрагментирует их и выталкивает наружу в виде крохотных фрагментов, которые после этого начинают окружать его как элементы галлюцинации. Это и есть странные объекты.. Муравьи, выползающие из руки героя, и есть эти галлюцинационные странные объекты.

Зажигалка – странный объект. Я беру зажигалку, зажигаю ее, она становится как будто одушевленной, в то же время оставаясь неодушевленной. Потом я ее гашу, она превращается в обыкновенный объект. Потом я опять ее зажигаю, она как будто оживает, вновь

превращаясь в странный объект. В то же время она продолжает оставаться обыкновенным объектом. Я зажигаю ее в третий раз, она как будто пробуждается, хотя на самом деле она спит. Эти три признака: объект одновременно ни одушевленный, ни не одушевленный, ни живой, ни неживой, ни спящий, ни бодрствующий, – определяют концепт странных объектов у Биона. Зажигалка естественным образом связана с темой сигарет и пепельниц. Их у меня две, одна черная, другая коричневая. На коричневой закреплен якорь. Пепельница похожа на круг. Вводя тему круга, я вновь ввожу тему уровня Ноль – Бога: круга, центр которого везде, а окружность нигде (Гермес Трисмегист).

Так я обосновываю тему связи зажигалок пепельниц (кругов) и темы ноля, О, окончательной истины, времени и смерти. Странный объект превращается в переходный объект. Каким образом? Что такое переходный объект? Этот концепт введен Дональдом Винником. Переходный объект это, прежде всего, палец во рту младенца. В чем смысл переходности переходного объекта? Это переход от внутренней реальности к внешней. На протяжении первых лет жизни человека переходные объекты начинают трансформироваться. После пальца это становится кусочек одеяла, который ребенок сосет, потом это кукла или мишка, с которыми он не расстается. Потом переходными объектами становятся: портфель (медиатор между домом и школой), аттестат зрелости, обручальное кольцо, сигара, телевизор, беременность и роды, рождение и детство, инициация, обручение и свадьба, сексуальные обряды и, наконец, похороны (Арнольд ван Геннеп)². Переходным объектом может быть и зажигалка. Переходным объектом может быть в принципе все, что угодно. В наше время это такой странный

² Геннеп А. Ван. Обряды перехода. М.: Наука, 1999.

объект, как мобибный телефон. Современная комната заполнена странными объектами. В ней есть телевизор, компьютер (а в компьютере Интернет), где-то рядом с нами всегда находится мобильный телефон (который одновременно и фотоаппарат, и Интернет, и источник голосовых посланий и СМС-сообщений). В комнате могут находиться также обычный телефон и радиоприемник. Все это классические странные галлюцинаторно-порождающие объекты. Добавим сюда фотографии и картины, которые тоже могут на нас смотреть (а не только мы на них), и книги. Начнем с самого простого – с телевизора. Каждый вечер подавляющее большинство населения планеты смотрит телевизор. Если мы скажем, что мы *общаемся* с телевизором, то это не будет метафорой или натяжкой. Мы общаемся с неодушевленным предметом. Обычному человеку страшно соприкоснуться с идеей своей смертности, хотя по Гегелю эта идея – смотреть смерти в лицо – определяет именно человека. Но простые люди (и непростые люди) все равно предпочитают прятаться от смерти, думать, что ее как-то можно избежать или, наоборот, с ней как-то можно встретиться, чтобы понять, так ли она страшна, поэтому люди так и любят общаться с загробным миром, и в том числе, при помощи галлюцинаций. Потому что у галлюцинации есть одна важная особенность – *она не существует*, поэтому она не рождается и, стало быть, не умирает. В этом смысле галлюцинацией быть выгодно. Но вернемся в нашу обычную комнату. Взрослые смотрят телевизор или шарят по Интернету в поисках виртуальных друзей (дети в это время играют в компьютерные игры), звонят по мобильным телефонам, слушают музыку, читают газеты и реже книги. Но ведь все эти перечисленные предметы – настоящие: и телевизор, и компьютер и мобильный телефон. А вот про Интернет можно ли сказать, что это настоящий реальный объект – можно ли его пощупать, понюхать, потрогать, можно ли во-

обще сказать, где он находится? Про Интернет этого сказать нельзя, это *суперстранный* объект – по сути своей он неуловим, виртуален. Вообще, если бы мы говорили о виртуальных реальностях, а не галлюцинациях, то это было бы привычным делом – сейчас все говорят о виртуальных реальностях. Но слово «виртуальный» произошло от слова *virtus* – истина – и изначально понятие виртуальной реальности означала истинную, подлинную реальность. Но мы не верим в существование подлинной реальности, поэтому предпочитаем говорить о галлюцинациях, странных объектах. Мобильный телефон один из классических странных объектов в широком смысле, то есть такой, посредством которого осуществляется взаимодействие между людьми при помощи механизма проективной идентификации. В то же время мобильный телефон и зажигалка суть переходные объекты. В чем важность темы переходных объектов применительно к теме времени? В том, что они осуществляют переход, например, из прошлого в будущее и из будущего в прошлое. Вспомним мобильный телефон. Это странный переходный объект из прошлого в будущее и из будущего в прошлое. Мобильный телефон это и есть переходный объект. Как мы обозначим переход от странного объекта к переходному объекту? Мобильный телефон представляет собой электронный объект. Что такое электронный объект? Это переходный объект гипервремени. Люди в гипервремени разучились общаться между собой. Они общаются помимо времени при помощи мобильного телефона и Интернета, которые отличаются друг от друга только тем, что в электронном гипервремени переход с одного уровня на другой осуществляется, прежде всего, при помощи Интернета. Что такое мобильный телефон и Интернет? Кажется, это такая же машина, как трактор, но электронный объект, странный объект нового гипервремени XXI века, это переходный объект, который обеспечивает об-

щение, воздействие при помощи проективной идентификации помимо бессознательного через гипервремя смерти. В этот момент происходит переход на уровень с объекта «О», на объект № 1 и номер два. Бог и антихрист это на уровне Матте Бланко одно и то же. Как это соотносится с темой зажигалок? Зажигалка это тоже странный переходный объект, потому что она тоже связана с темой времени. Она тоже является медиатором между прошлым и будущим. Когда я зажигаю зажигалку, то странные объекты переходят из прошлого в будущее и одновременно из будущего в прошлое, ведь времени на самом деле нет, есть лишь гипервремя, как в МД. Зажигание зажигалки можно назвать странным фактом и переходным фактом, разговор по мобильному телефону также можно назвать странным переходным фактом (о понятии странного факта см. в моей книге «Странные объекты»)³.

Кажется, что время существует. На самом деле время это лишь переход наблюдателя с одного уровня на другой посредством переходных странных объектов таких, как мобильный телефон и Интернет, как это происходит в квантовом мире в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга в четырехмерном пространстве-времени из прошлого в будущее и обратно – ведь ни того ни другого в гипервремени не существует. Это лишь условные обозначения вещей в себе, окончательной реальности О («ноль»). Ноль это самый странный переходный объект, а гипервремя это такое время, которое никогда не прекращается и, в то же время, является дизъюнктивным синтезом вечности и вечности. Что значит «вечности и вечности»? Мы говорили, ссылаясь на Матте Бланко, что все равно всему, стало быть, время и вечность одно и то же и, стало быть, вечность и вечность – это одно. Что такое вечность? Это то же самое, что уро-

³ Руднев В. Странные объекты. М.: Академический проект, 2013.

вень ноль, который переходит на уровень 1, который переходит на уровень 2, который вновь переходит на уровень ноль и так далее до бесконечности.

Пациентка X

Хлоя пришла с опозданием на две минуты, уселась в кресло, которое стоит напротив моего компьютера, и вперилась в фотографию Фрейда. Через пару минут она сказала: «Фрейд похож на профессора Бурно», потом она еще на несколько минут замолчала и добавила: «Нет, это профессор Бурно похож на Фрейда». Потом она добавила, несколько оживившись: Впрочем это все равно.

Я задумался, мысленным взором пробежал по комнате и увидел фотографию Делёза. Это мне ничего не сказал, тогда я стал рассматривать пациентку. Она производила впечатление усталости и казалась раздраженной. На эдиповом уровне здесь явно чувствовались черты плохо скрываемого позитивного переноса. Я подумал; «Если с такими людьми работать на бионовском уровне, то далеко не уедешь. Хорошо, профессор Фрейд похож на Марка Евгеньевича или Марк Евгеньевич похож на профессора Фрейда?» Это мне напомнило рассказ о дамочках из статьи Криса Лёвенштайна. Марк Евгеньевич действительно очень похож на Фрейда. Она могла видеть фотографии обоих на вклейке моей книги «Полифоническое тело». Хотя книгу она, конечно, не читала. Или читала. Она вообще ничего не читает. Я подумал, что если бы она больше читала, с ней интереснее было бы иметь дело. Иметь Дао. Иметь Дао.

Я вспомнил тезис, в соответствии с которым все люди это один человек и потому нет ничего удивительного, что Марк Евгеньевич похож на Фрейда.

Мысленно держа пациентку в руках, как Гесиона держит в руках Элли в фильме Сокурова «Скорбное бесчувствие» как свою дочь... она, видимо, выпила

лишнего вчера вечером в то утро, реборн,... что Хлоя слишком озабочена гомосексуальными проблемами. Поэтому она занимается с Лаканом. Ну что ж, пора ее будить. Я тихонько хлопнул в ладоши и сказал: «Хлоя, ты очень хорошо понимаешь, что портрет Фрейд не имеет к нашему занятию никакого отношения. Ну-ка вспомни, что Лакан говорит о бессознательном. Хлоя уставилась на меня и странным голосом, как во сне, выдавила: «Лакан говорит, что бессознательно структурировано как язык».

Ну хорошо, спи дальше.

Я уж проснулась

И что ты собираешься делать дальше?

Я собираюсь на вас жениться.

Ты хочешь сказать, выйти за меня замуж?

Я сказала, что сказала, сказала она и надулась.

Ты помнишь, откуда это?

Помню, сказала она надуту.

Откуда?

Пилат – что написано, то написано.

Ты сказала Пилат, но хотела сказать, что ты пила, не правда ли?

Не правда, заявила Хлоя, и первый раз за сегодняшний день посмотрала на меня и с интересом.

Тогда я вообще потерял интерес к происходящему. И стал думать о том, как у меня мало времени на работу, большое время отнимает практика и т. д. То, что обычно думают в таких случаях пишущие аналитики. Хлоя больше не спала.

Пациенты с органическим расстройством характера обычно ждут, когда их подробно расспросят, и только после этого с ними можно вступать в конфронтацию. Я подумал про себя, что боюсь писать про гипервремя не потому, что это такая страшно сложная тема. Но потому, что сам живу в гипервремени и что имею ли я право... совершенно неподго-

товленных к этому на уровне даже предсознательного пациентов... Но что значит неподготовленных на уровне предсознательного? Я решил просмотреть мысленным взором прошлые сессии (хотя она это и так понимает) повернуть назад. Поворот назад это возврат в прошлое, это реборн. Реборн это то, что сегодня хочет ощутить Хлоя. Реборн, возрождение.

То есть время повернуто вспять. Как в моем сценарии про Путина. Он хотел повернуть время вспять, повернуть историю вспять, вспять, вспять, снова Брежнев. Стоп! Я задумался о Брежневе. Брежнев в моей концептуализации это Вий, которому так никто не поднял веки, который так и остался с широко закрытыми глазами. Я почувствовал, что упускаю свою пациенту. Похоже, она опять засыпает. Как я могу помочь ей? И надо ли вообще ей помогать. Я снял с полки книгу Форелли и процитировал ей вслух отрывок:

На одном из тренингов Форелли сказал что-то вроде: «Человек застрял в проблемном состоянии. Чтобы его оттуда вывести нужно вызвать у него любую **другую** реакцию – злость, восторг, гнев, обиду.»

Актер и герой переходят из одного фильма в другой и – это уже я говорю – герой и актер это одно – и герой становится актером в других фильмах – он становится живым человеком (Даниил Андреев «Роза мира»).

Когда я говорю голосом Лёлика (Анатолий Папанов) из «Бриллиантовой руки» («Видал я тэбя у гробу в белых папках») – мы так все время повторяем свое детство – то я становлюсь сам этим Лёликом и желаю кому-то смерти

или когда я говорю голосом Суханова-Хлестакова «Я везде, я везде», то становлюсь Суховым. -

так мы и живем все время на пересечении уровней симметричной и асимметричной логик

детство это осколки цитат и реминисценций из фильмов разговоров взрослых и других источников это и есть плюс-минус ноль-первосценки и первосценищи

Все двойники.

Раскольников – Свидригайлов – Лужин – Николка – Порфирий Петрович («брат» Порфишка-кровопивец из «Господ Головлевых»)

все цари русские это один царь проблематика фильма Мирзоева «Борис Годунов».

Интересно, так ли у самого Пушкина. Да, так.

Один царь снял с меня картуз, другой меня сослал, третьего менять не хочу и или что-то в этом роде. На уровне Матте Бланко это был один и тот же царь – Иван Грозный – Годунов – Самозванец – Шуйский – Михаил Романов – Алексей Михайлович здесь подчеркивалось, что он сын Михаила Романова – законность его трона – ... Петр I – II – III Екатерина – Павел Александр цареубийство отцеубийство – Братья Карамазовы – что-то в династии тогда дрогнуло прервалось это надо вспоминать Данила Андреева – и потом Н I А II – А III – Н II Распутин убийство – убийство Николая I Лениным – Сталин – Хрущев Горбачев синтоники «салонные дураки» – Ельцин эпилептоид (Борис Годунов – смута) – Путин – аунтст

Я отождествляя себя сначала с Большими Другими первым уровнем ноль был мой отец – потом Лотман – потом Б. М. Гаспаров двойник +- М. А. Гаспарова – потом с Топоровым и никогда с Ивановым, который и есть российский Ломоносов – мальчик из Холмогор племянник Ломоносова

Ломоносов – Российский Пиндар

– потом Бурно +- Сосланд потом никого не осталось НУЛЕВАЯ линия «вымышленных» нуль-Двойников Витгеншетйн – Бетховен – Фрейд +- Лакан – Мелани Кляйн (переход на матриархат)

Потом ко мне подошел человек Суханов – Горелов –
Бойко потом 1 год

+ - Бион – Делез. На этом пока все

начало

Сегодня Моцарт а бывал Бах-Бог (песня Галича
Здравствуй Бах, говорит Бог) иногда Бетховен
Так вот Семен Семеныч Горбунков (конек-горбунок)
это абсолютное отсутствие абсолютного зла органиче-
ски добрый человек – источник всего дорогого в на-
шем детстве и когда мы становимся взрослыми, мы
все время вспоминаем его афоризмы.

– Папаша, прикурить не найдется?

– А.а.. м..мм...

– Ты что, глухонемой?

– ДА!

Невероятный источник смеха и жизненной энергии

Юрий Никулин – синтонный органик. Органик мо-
жет быть носителем абсолютного добра, например,
еще Евгений Леонов. Особенно в фильме «Джентльме-
ны удачи» то есть пираты +- двойники

В таком человеке есть Христос (Самость) ему даже не
нужная никакая индивидуация, есть абсолютный плюс
и нет абсолютного минуса

би- поли-фуркации точки множества линии судьбы

Органик это не просто народ, это может быть Эйн-
штейн

Реборн, реликт, реинкарнация, реверсия, ретроек-
ция, регрессия, ретрофлексия, рекомендация, рево-
люция, реставрация, религия, реальность ... и рекла-
ма, все это означает поворот во времени назад. Бес-
сознательное формирует энграммы из юнгианского
гиперпрошлого и т.д., которые потом выкрикиваются
(reclamare) и формируют предсознательные ожидания
потребителя, которые сбываются или не сбываются

в зависимости от того, насколько изготовитель «рекламы» бессознательно глубоко проник в эти самые энграмматические паттерны.

Реборн – это возрождение. это когда наркоман утром после страшной обстиненции чувствует, что он как будто заново родился.

Реликт – это примерно то же самое что религия. [лат. *relictum* – остаток] – организм, предмет или явление, сохранившиеся как пережиток от древних эпох.

Реинкарнация это примерно то же самое что реборн, то есть ворождение для других жизней

Реверсия

Ретроекция

Ретрофлексия

Регрессия

Круг, центр которого везде, а окружность нигде
(Гермес Трисмегист)

У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имяние. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имяние свое, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих.

Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться. Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и всё мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся.

– Лк.15:11-32

Про шизофрению как болезнь XX века где-то у меня написано в конце какой-то статьи, из Введения в шизоореальность. Шизофрения болезнь XX века.

Вторая мировая война была поворотом, возвратом, возвращением реинкарнацией, рекламой, если угодно, Первой мировой войны. Кнечноео Шикльгрубер хотел взять **рванш** и на некоторое время это ему удалось. Если бы не Штирлиц, то победили бы американцы.

Следствием реализации штирлицевского-проекта – не дать Гиммлеру договориться с американцами о сепаратном мире за спиной у русских – стала невозможность занятия американцами Европы, то есть подлин-

ного освобождения ее от нацизма, и вынужденная необходимость делить Европу с большевиками (после чего восточная Европа просто сменила коричневую смерть на красную). Если бы Штирлицу не удалось сорвать переговоры Вольфа с Даллесом в Берне и американцы заняли бы всю Европу, то им не нужно было бы для устрашения дядюшки Джо сбрасывать бомбу на Хиросиму. Проследив всю цепочку, нетрудно сделать вывод, что Штирлиц был изначально виновником этой смертоносной акции.

В пространстве время здесь

Кого склоняет злобный бес
К неверью в праведность небес,
Тот проведет свой век земной
С душой унылой и больной.
Порой ужиться могут вместе
Честь и позорное бесчестье.
Но усомниться иногда –
Еще не главная беда:
Ведь даже и в утрате веры
Возможно соблюдение меры.
Найдется выход для сердец,
Что не отчаялись вконец...
Иные люди, как сороки:
Равно белы и чернобоки,
И в душах этих божьих чад
Перемешались рай и ад.

Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль

Кафка приговор немощный отец Письмо отцу Замок
Речевые акты автора и героя

Автор и герой в эстетической деятельности

Проблема отношения автора к герою

Архитектонически устойчивое и динамически живое отношение автора к герою должно быть понято как в своей общей принципиальной основе, так и в тех разнообраз-

ных индивидуальных особенностях, которые оно принимает у того или другого автора в том или другом произведении. нашу задачу входит лишь рассмотрение этой принципиальной основы, и затем мы лишь вкратце наметим пути и типы ее индивидуации и, наконец, проверим наши выводы на анализе отношения автора к герою в творчестве Достоевского, Пушкина и других.

Мы уже достаточно говорили о том, что каждый момент произведения дан нам в реакции автора на него, которая объемлет собою как предмет, так и реакцию героя на него (реакция на реакцию); в этом смысле автор интонирует каждую подробность своего героя, каждую черту его, каждое событие его жизни, каждый его поступок, его мысли, чувства, подобно тому как и в жизни мы ценностно реагируем на каждое проявление окружающих нас людей; но эти реакции в жизни носят разрозненный характер, суть именно реакции на отдельные проявления, а не на целое человека, всего его; даже там, где мы даем такое законченное определение всего человека, определяем его как доброго, злого, хорошего человека, эгоиста и проч., эти определения выражают ту жизненно-практическую позицию, которую мы занимаем по отношению к нему, не столько определяют его, сколько дают некоторый прогноз того, что можно и чего нельзя от него ожидать, или, наконец, это просто случайные впечатления целого или дурное эмпирическое обобщение...

Проблема гипеуровней то есть уровня злого бога и благого существа В чем состоит эта проблема? В том, что невозможно определить, где злой бог где хороший. Иуда был Христом по Борхесу. Иуда – низший уровень, в него вошел дьявол Христос – высший уровень, Он – Истина, в чем же истина Иуды? Можно ли сказать что Иуда перешел на божественный уровень? Здесь Успенский не согласуется с Борхесом. Но он его не читал. Но как же не читал? В гиперврмени все всех читали. Если мы говорим, что проблема гипервремени это проблема того, что все могут путешествовать по времени туда и обратно и что *всё есть всё* по Матте

Бланко, то тогда Успенский и Борхес это одно и то же лицо, и Успенский и Иуда – тоже одно лицо, тогда в чем же проблема?

Предложение: считать Риту СО в узком смысле, так как она всего лишь галлюцинация Дайаны, а «подложную» Камиллу Роудс, которая поёт в первой части и неизвестно, откуда взялась, – видимо, с демонического уровня № ноль, поскольку она ставленница Продюсеров; при этом имеется хотя бы ее фото, то есть она семиотически зафиксирована в смысле книги (Руднев 2007), но, с другой стороны, это фото – симулякр в узком бодрийаровском смысле, то есть копия копии, поскольку ясно, что никакой Камиллы Роудс не существует, она лишь «материализация» бессознательного как желания Другого (в лакановском смысле) Продюсеров

Для того чтобы лучше понять выдвинутую в первой части книги идею уровней и понять, что такое гипервремя, необходимо ввести два концепта, принадлежащих Г. И. Гурджиеву и его школе, а именно луч творения и закон трех. Что такое луч творения? Что такое закон трех? Это-

Основной закон изменения качеств элементов одного уровня. Включает активную (положительную), пассивную (отрицательную) и нейтрализующую (нейтральную) силы. Переход одной силы в другую формирует все существующие элементы уровня действия силы (аналогично «..три рождают все живое.» Лао Цзы “Дао де цзин”).

Силы определяют набор действующих элементов внутри подуровня (ноты) каждого мира или уровня (октавы) (см. ниже о Законе семи) – этими элементами являются:

Активный “+” – углерод (С)

Пассивный “-” – кислород (О)

Нейтральный “0” – азот (N)

Это и есть то, что в философии Бхагавад-гиты называется теорией трех гун

Активная – Саттва – Брахма
 Нейтрализующая – Раджас – Вишну (Кришна)
 Пассивная – Тамас – Шива

Закон трех соответствует тому, что происходит в микром мире, если понимать его приблизительно и достаточно примитивно.

Электрон (отрицательное информативное время) соответствует активной силе Саттва, позитрон позитивное энтропийное время соответствует пассивной силе Тамас, и нейтрон (нейтральная, т. е. не обладающая электрическим зарядом элементарная частица с массой, незначительно превышающей массу протона) нейтрализующей силе Раджас.

Согласно гипотезе Г. Рейхенбаха, опирающегося на эксперименты и выводы Э. К. Г. Штюкельберга и Р. П. Фейнмана, положительное направление времени в макром мире есть следствие асимметрии положительно и отрицательно заряженных частиц. Физическое время движется в сторону увеличения энтропии потому, что электронов в целом больше, чем позитронов. К такому выводу физики и философы приходят потому, что при наблюдении за поведением этих частиц возникает эффект их аннигиляции, то есть возникновение из ничего и превращение в ничто. В соответствии с «бритвой Оккама» путь электрона, который превращается в свою противоположность – позитрон, корректней описать как движение того же электрона, но в противоположном направлении времени.

Что же такое гипервремя?

Любая теория, которая старается объяснить время, должна, по меньшей мере, пролить некоторый свет на следующую проблему: почему все не происходит одновременно? (Уитроу 1964: 352)

Интересно, что примерно то же самое происходило в психоделических экспериментах Грофа, когда испы-

туемый психотизировался при помощи ЛСД или холотропного дыхания:

Отрицание линейного временного порядка, хронологии, выразно устами героя-шизофреника в романе С. Соколова “Школа для дураков”:

Мне представляется, у нас с ним, со временем, какая-то неразбериха, путаница, все не столь хорошо, как могло бы быть. Наши календари слишком условны и цифры, которые там написаны, ничего не означают и ничем не обеспечены, подобно фальшивым деньгам. Почему, например, принято думать, будто за первым января следует второе, а не сразу двадцать восьмое. Да и могут ли вообще дни следовать друг за другом, это какая-то поэтическая ерунда – чередой дней. Никакой череды дней нет, дни приходят когда какому вздумается, а бывает, что и несколько сразу”.

В соответствии с этой идеологией действие в романе происходит нелинейно, то отскакивает назад, то забегают вперед. Один из главных героев, учитель географии Норвегов, умирает, но потом сам рассказывает о том, что он умер.

Эти особенности конструирования времени при шизофрении напрямую подводят нас к структуре временного дискурса при шизотипии.

На первый вопрос ответить труднее. Будем считать любой дискурс XX века, где отражена неповседневная “причудливая” точка зрения на мир (“шизофреноподобный текст”), шизотипическим. Применительно к фильму “Беги, Лола, беги” такой вопрос возникает потому, что мы имеем дело с текстом, который не смотря на всю свою утонченность все же находится на границе между массовым или элитарным искусством. Выходит, что шизотипическая картина мира это нечто вроде синонима постмодернистской картины мира. Я думаю, что так оно и есть. И уточнение этого положения будет содержаться в ответе на вто-

рой вопрос – о роли шизотипического в культуре XX века. Ответ на этот вопрос будет длинным и сложным.

Мы не скажем ничего нового, сказав, что те “формы жизни”, которые предложил XX век уже в самом начале, резко расходился с теми привычными формами жизни, которыми жил век XIX. В частности, одной из таких привычных форм было естественнонаучное представление о времени, связанное со вторым началом термодинамики. Построение новых моделей, в частности, теории относительности и квантовой механики поколебало эти привычные представления (как известно, в частности, время в микромире обратимо, элементарные частицы могут двигаться и в будущее, и в прошлое. С другой стороны, чрезвычайно усложнились представления о человеческой психике прежде всего благодаря психоанализу. В-третьих, конечно, первая мировая война. В результате в качестве защитной реакции человеческого сознания на эта чрезвычайные стрессы актуализировалась шизофрения, которую можно считать таким же “изобретением” XX века, как психоанализ и релятивистскую физику. Шизофрения была отражением в человеческой психике тех новых моделей, которые стереотипно мыслящее человеческое сознание не могло вместить. Однако постепенно часть этой шизофренической массы, по-видимому, интеллектуально наиболее состоятельная часть, адаптировалась к новой ситуации и дала культурный Ответ (в смысле Тойнби) на столько трудный Вызов, который предложила культура XX века. Этот ответ и был шизотипической картиной мира, которая реализовала себя прежде всего в сюрреализме, неоклассицистической музыке, неомифологическом романе, неортодоксальной психотерапии типа Юнга и Лакана, философии Витгенштейна и Хайдеггера, семантике возможных миров и многозначной логике, авторском кинематографе Бунюэля и Тарковского, во всей совокупности текс-

тов литературы, искусства и философии послевоенного постмодернизма.

Для того чтобы понять, что такое луч творения, следует ввести еще один концепт Гурджиева – Закон семи. Чтобы разобраться в этом законе, необходимо рассматривать вселенную как состоящую из вибраций. Эти вибрации идут во всех разрядах, видах и плотностях материи, составляющей вселенную, от тонких видов до самых грубых; исходя из различных источников, они развиваются в разных направлениях, пересекаясь друг с другом, сталкиваясь, усиливаясь, ослабевая, задерживая друг друга и так далее.

В связи с этим отметим, что по принятым на Западе взглядам действие вибрации идет без перерыва. Это означает, что вибрации считают обычно развивающимися непрерывно по восходящей линии или нисходящей, пока работает сила первоначального импульса, который вызвал вибрацию и который преодолевает сопротивление среды, в которой и происходит эта вибрация. Когда же сила импульса иссякает и противодействие среды берет верх, вибрации замирают естественным образом и прекращаются. Но до этого момента, т. е. пока не началось естественное замирание, вибрации идут однообразно и постепенно и могут длиться бесконечно при отсутствии противодействия. Одно из основных положений современной физики – непрерывность вибраций, хотя данное положение не было точно сформулировано, потому что никто его не оспаривал. В некоторых новейших теориях это положение начинает колебаться. И все же физика еще предельно далека от правильных взглядов на природу вибрации или того, что отвечает концепции вибрации в реальном мире.

В этом вопросе подход древнего знания противоречит точке зрения современной науки, потому что в основу понимания вибраций древнее знание полагает принцип их непостоянства. Принцип непостоянства вибраций подразумевает точный и обязательный признак всех вибраций в природе, восходящих или нисходящих: они не

развиваются монотонно, а напротив – следуют с периодическими ускорениями и замедлениями. Можно еще точнее сформулировать этот принцип, если сказать, что в вибрациях сила первоначального импульса действует не однообразно, а становясь. время от времени, сильнее или. наоборот, слабее. Сила импульса действует, не изменяя своей природы, и вибрации развиваются нормально лишь какое-то время, которое определяется природой самого импульса, средой, условиями и т. д. Но в какой-то момент в этом процессе происходит некая перемена, можно сказать, что вибрации отказываются повиноваться импульсу, на короткое время замедляются и до определенной степени меняют свою природу или направление; например, восходящие вибрации в какой-то момент начинают медленнее возрастать, а нисходящие – медленнее замирать. После такого временного замедления как восходящие, так и нисходящие вибрации возвращаются в прежнее русло и некоторое время однообразно возрастают или замирают до определенного момента, когда в их развитии снова происходит задержка. Здесь представляется важным, что периоды монотонного действия импульса не равны, как и не симметричны периоды замедления вибраций: один короче, другой длиннее.

Чтобы установить эти моменты замедления или, правильнее, задержки в возрастании и замирании вибраций, линии их развития делят на периоды, которые соответствуют удвоению или уменьшению вдвое числа вибраций в данный отрезок времени.

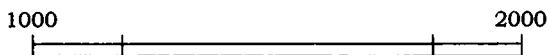
Представим линию восходящих вибраций. Возьмем их в такой момент, когда они вибрируют со скоростью тысячи колебаний в секунду. Через некоторое время их число удваивается, т. е. доходит до двух тысяч:

Было обнаружено и установлено, что в этом промежутке между данным числом и числом, вдвое большим, есть два места, где происходит замедление в нараста-

нии вибрации. Одно из них находится ближе к началу, но не в самом начале; а второе расположено почти в самом конце.

Примерно это будет выглядеть так:

Законы, которые управляют замедлением или отклонением вибраций от их исходного направления, были известны древнему знанию и заключались в особой формуле, или диаграмме, сохранившейся до наших дней. В этой формуле период удвоения вибраций был разделен на восемь неравных ступеней в соответствии со скоростью нарастания вибраций. Восьмая точка повторяет первую, но уже с удвоенным числом вибраций. Этот период удвоения вибраций, или линия развития вибраций между данным числом и вдвое большим, называется октавой, т. е., иначе, состоящим из восьми.

Принцип деления периода, когда вибрации удваиваются на семь неравных частей, основан на наблюдении, что в полной октаве вибрации нарастают неравномерно; отдельные точки октавы демонстрируют ускорение или замедление в разные моменты развития октавы.

Скрытые в этой формуле идеи октавы передавались от учителя к ученику, от одной школы к другой. В далеком прошлом одна из подобных школ нашла возможным применить эту формулу к музыке. Была получена музыкальная гамма семи тонов, известная с глубокой древности, потом забытая, а затем вновь изобретенная или найденная.

Гамма семи тонов – это формула космического закона, выработанная древними школами и примененная ими к музыке. В то же время, если мы будем изучать проявление закона октав в вибрациях других видов, мы обнаружим, что этот закон остается одним повсюду; что свет, тепло, химические, магнитные и другие вибрации подчиняются тем же законам, что и звуковые. Например, в физике известна цветовая шкала, в химии – периодическая система элементов, несомненно тесно связанная

с законом октав, хотя эта связь не вполне понятна науке (Успенский. «Поиски чудесного»)

Пациент Ж.

На первый взгляд, представляет собой законченный тип шизоида. Он ученый, автор многих научных исследований, обладает изощренным интеллектом, сфера его жизненных интересов – чтение научных книг и написание научных статей. Он замкнуто-углубленный человек, у него мало друзей, он мало общается, любит уединение, на редких многолюдных сборищах, на которых ему иногда случается бывать, он упорно молчит, не вступая в общие разговоры. Ему в высшей степени присуща кремчеровская психосетическая пропорция. Он может быть равнодушен к таким вещам, к которым не принято быть равнодушными, – например, к болезням и смерти близких, – и гиперсензитивен в том, что касается областей культуры, прежде всего музыки и фундаментальной науки. Его главный девиз, таким образом: «Я должен познавать».

Здесь мы видим сочетание поверхностно-компульсивной и шизоидной установок. Почему поверхностной? Если бы это была глубинно-компульсивная установка, то его слова звучали бы по-иному. «Я призван познавать или даже, скорее, «Меня что-то заставляет познавать.» Это «что-то заставляет» и есть глубинно-компульсивный компонент в том смысле, что он реализует идею воздействия, о которой мы с моим пациентом вначале не догадывались, но которая, как оказалось, играет в его жизни важнейшую роль. Его что-то заставляет познавать и быть познанным. Что значит познавать и быть познанным, очевидно. Это значит быть одновременно субъектом и объектом познания. Его что-то на это толкает. Познание это его призвание и изначальная привилегия. И при этом он и «источник» и «приемник» этого познания (в терми-

нах М. Е. Бурно – источник – так думает циклоид, приемник так думает шизоид). Что же заставляет его познавать и быть познанным? Это что-то и есть архаический принцип всемогущества, о котором мы говорили в предыдущей главе 00.

Здесь мы должны еще раз рассмотреть бионовскую диалектику PS-D. Меня в ней всегда что-то не удовлетворяло, а именно, как я теперь понимаю, то, что сочетание PS-параноидно-шизоидная позиция – само представляет диалектику. Ведь параноидный принцип далеко не то же самое, что шизоидный. И Мелани Кляйн сама не сразу пришла к этому сочетанию, которое теперь всеми воспринимается как нечто само собой разумеющееся. В «Заметках о шизоидных механизмах» она пишет, что слово «параноидный» пришло от Фэйрберна.

Когда эта статья была впервые опубликована в 1946 году, я использовала термин «параноидная позиция» в качестве синонима «шизоидной позиции» Фейрберна. В процессе дальнейшего обдумывания я решила скомбинировать термин Фейрберна с моим и начиная с этой книги (Достижения в психоанализе, 1952, в которой эта статья была опубликована впервые) начала использовать выражение «параноидно-шизоидная позиция» (Кляйн 2001: 428)

Но дело сейчас в другом. Можно и целесообразно, я думаю, создать еще одну оппозицию: P-S, диалектика параноидной и шизоидной позиций. Шизоидно-компульсивный принцип «я должен познавать» – более архаичный, чем параноидно-компульсивный принцип «Меня что-то заставляет познавать». Что из этого следует? То, что принцип всемогущества имеет исконно эпистемофилический характер. То есть компульсивная супермодальность в своем прото-психическом архаическом аспекте включает в себя не две базовых модальности, а три: деонтическую, алегическую и эпистемическую. «Меня что-то заставляет

познавать и быть познанным». «Что-то заставляет» это «остатки» деонтики и алетики. Да нет, здесь можно сказать точнее: «Что-то (во мне) хочет познавать и быть познанным». Здесь еще есть и аксиологическая модальность, то есть изначальный принцип всемогущества включает в себя в все четыре модальности (плюс модальности пространства и времени, о которых мы сейчас пока не будем говорить), то есть весь «первобытный синкретизм модальностей», как я об этом писал в книге «Морфология реальности».

Но, конечно, «Я» у младенца на стадии всемогущества вообще никакого нет. И он не может вообще говорить. Я появляется лишь на стадии зеркала, то есть в полтора года. До этого, на депрессивной позиции, он говорит о себе, как известно, в третьем лице.

Вообще заблуждение относительно природы импульсивности связано с непониманием природы деонтического. Деонтическая модальность не может существовать без аксиологической.

Когда пациент Ненси Маквильямс говорит «Эту работу я выполняю» он говорит не просто «Я должен трахаться», а скорее «Я должен хотеть трахаться».

Но младенец на стадии всемогущества ничего не должен, ничего не хочет и ничего не знает. И все вокруг него объято чудом.

Алетика самая первая, за ней идет аксиология, за ней или вместе с ней? нет, алетика идет первой, потом уже аксиология: диалектика удовольствия и боли. Модальная типология бредовых конструкций.

Итак, воздействие это алетика плюс деонтика. Мы... таким образом можем построить модальную типологию типов бредовых представлений и бредовых высказываний. Главный тип шизофренического бреда – это бред воздействия, зерно шизофрении. Ну как идеи отношения, преследования и величия...

Так мы можем построить следующую модальную типологию из...

Это понятно

Теперь строим типологию четырех типов шизофрений.

Простая шизофрения. Оральная. Элен Вест. Почему она оральная, разве ш. может быть оральной? Оральное предполагает МДП Может, она нарциссическая? Анальная шизофрения, что это такое: это когда больной какает под себя как в примере Зислина? А как там у Мелани Кляйн? Он отравляет мать своими фекалиям

Цитата (Заметки)

Какое это отношение имеет к принципу всемогущества?

1. Аксиология. Ну и что, что нет алетики, это тебя смущает? Но если перечесть случай Элен Вест, то мы увидим как долго ей не могли поставить этот диагноз

Цитата диалог с безумием

Возьмем Кафку. Вот простая Ш. Господствуют ... смех при чтении «Процесса» (как его биограф кафки) НЕгативные признаки господствуют, позитивных я не помню да и их не было разве отношение к отцу – разорву тебя на части.

Цитата – «прочь от р.»

У него был страх фрагментации, а что это значит? Это значит СО. Он боялся что отец его разорвет. Он выступал в качестве странного объекта, а отец - субъекта это был психоз вдвоем – папа эпилептоид. Ну как фрейд и Волк. Вот где ищи Obsession. Принцип всемогущество и первосцена ... а может и первосцена была гораздо раньше – может, он ее наблюдал будучи зародышем, когда сперматозоид бомбарди-

ровал яйцеклетку (Кейпер Космогония и зачатие). А теперь представь себе огромную космическую яйцеклетку, которую бомбардирует огромный хуй. Что это такое – это Бог отец и бог сын, ну и ну. Значит, христос это яйцеклетка а Йахве сперматозоид. Ну ладно, так что там насчет идей отношения. Они аксиологичны. Все на меня смотрят, все мне завидуют, все в меня влюблены. Алетика есть, но на уровне иллюзий. Он видит шапку и думает, что это голова отца, странные объекты возникают на стадии бреда отношений. На стадии отношений. Первый СО – это мать. (грудь))) А как же отец, который разорвет на части. Вот и получается, что отец это Р, а мать это S в первой диалектике. А PS-D это вторая диалектика. Кто здесь отец, а кто мать? Отец PS а мать D. Вот и получается, что отец сзади матери «идуший за мной стал впереди меня, потому что был раньше меня». И все у них неправильно. Принцип всемогущества. До матери принципом всемогущества командует отец (см. Эдипов комплекс в свете ранних тревог что там у нас будет посмотри почитай). Мама идея отношения, женщина, папа – бред преследования (см. Диалектику преследования).

Деонтики, говоришь, нету на стадии отношений, бреда отношений. Не верю...

I. Воздействие. При воздействии актуализируются все четыре модальности.

1. Алетика. Здесь важно, по-видимому, понять, как принцип всемогущества действует, исходя из нашей первой диалектики P-S. Что такое эта диалектика в психологическом смысле? Это когда невозможное становится возможным и даже необходимым. Что значит необходимое в психологическом смысле. Это значит такое положение вещей, когда по-другому и быть не может.

Чудо для Христа и простого народа Христос в Евангелиях неоднократно подчеркивал, что чудеса он совершает только для маловерных. Когда фарисей Никодим пришел к нему ночью, он сказал что уверовал в Иисуса, потому, что Он совершает чудеса, Иисус ему ответил в том духе, что это не имеет значения и что нужно заново родиться от воды и Святого Духа. Даже Иоанн Креститель, усомнившись в том, действительно ли Иисус является Мессией, послал к нему из темницы своих учеников узнать, действительно ли Иисус – Мессия или ждать другого. Иисус велел передать Иоанну, что прокаженные исцеляются, слепые прозревают, а мертвые воскресают, чего же ему еще? Чудеса – это сугубо внешние подтверждения божественности Иисуса. И, в то же время, чудо это и нечто совершенно другое. В этом плане очень важно первое чудо, которое совершил Христос в Канне Галилейской, когда он превратил воду в вино. Это чудо было нужно Ему самому, чтоб уверовать в себя (так считает Морис Николл). Чудо возможно в психологическом смысле, когда человек достигает определенного состояния сознания. Мы все помним чудеса, которые совершают, например индийские йоги – они лежат на гвоздях, поднимаются в воздух и так далее

Он убежден. (И тогда больной понял...) В чем он убежден.

Мы переходим в область эпистемического начала в бреде воздействия, которое играет цементирующую роль в психозе. Эпистемика цементирует взгляды больного на самого себя одновременно как на объект и субъект воздействия. При воздействии не нужен Другой, Другой инкапсулирован в психике больного, между тем как в персекуторном бреде этот другой может находиться «за пределами мозга», в экстрапроекции. Иными словами при бреде преследования господствуют истинные галлюцинации, в то время как

при бреде воздействия псевдогаллюцинации Кандинского. В чем специфичность того, что некий человек заводится в голове страдающего воздействием, мертвый брат. Является ли принцип всемогущества проявлением P-S? И да и нет.

Фаллос и крест

Символика креста многообразна. Как связаны фаллос и крест? Они связаны следующим образом. Крест это символ распятия. Но не обязательно распятия. На древе Игдрассиль был подвешен Один. Распятие это не только то, что завещано Христу, но и другим богам. Христос и другие боги это, в сущности одно и то же. Все они существуют вне времени. Почему это так? Боги живут под влиянием времени людей. Боги питаются тем жиром, который вытапливают из домашних и животных и приносят их в жертву. Для того чтобы зажечь жертвенный костер нужны, конечно, не зажигалки и не спички, нужны факелы. Факелы это тоже странные объекты, тем не менее, это все символ фаллоса, одного из самых удивительных странных символов, одного из важнейших объектов в жизни человека, начиная с самого раннего детства, а также в истории человеческих отношений, культуре, науке, искусстве и философии – и, соответственно, самым важным словом в языке (даже если оно реально не произносится). Мальчик не в состоянии представить, что у кого-то нет пениса, и понятно, что он есть у отца. При этом когда ребенок обнаруживает, что на самом деле у матери нет фаллоса, это становится одной из страшных невротических травм его детства. Потому что когда обнаруживается, что у кого-то его нет, это может означать только, что он раньше он был и его за какую-то провинность ликвидировали. Отсюда берет начало самый универсальный страх в жизни человека – страх кастрации и комплекс, связанный

с ним. Одним из самых и важных и тягостных переживаний инфантильной сексуальности у девочки является зависть к мужчине как обладателю большого пениса, или зависть к пенису (Penisneid). Комплекс кастрации и зависть к пенису являются универсальными проявлениями человеческой сексуальности и всей психической жизни, мотивировкой многих поступков на протяжении всей жизни. Даже психоаналитическое вмешательство не может устранить эти два фундаментальных невротических переживания. Главное отождествление – отождествление фаллоса с его обладателем, с субъектом. Фаллос – это человек. Более того, фаллос это не просто человек, фаллос – это «я сам», или, как говорят психоаналитики, «собственное я». Поэтому утрата фаллоса равнозначна утрате собственной идентичности, а это страшнее смерти, потому что при своей смерти человек не присутствует, а уничтожение «собственного я», как при остром психозе, вызывает, как говорил Блон, безымянный ужас. Под символической кастрацией Лакан понимал такое положение вещей, когда вследствие экстракорпорального развития человека (что мы обычно называем более привычным нам словом «культура») человеческое тело из чисто физиологического инструмента отправления физиологических потребностей сделалось неким признаком, или, как говорят психоаналитики, симптомом универсальной нехватки удовлетворенности в сексуальном объекте. Произошло это потому, что, став человеком – именно в этот момент, так сказать, пенис превратился в фаллос, – человек перестал подобно животному сугубо физиологически удовлетворять свой сексуальный голод с первым попавшимся объектом противоположного пола. Человеку стало не все равно, с каким объектом иметь сексуальные отношения. Именно эту невозможность иметь сексуальные отношения с кем попало Лакан и называл символической кастрацией. Говоря обыденным

языком, это соответствует тому, что в человеческой жизни появляется такой феномен, как любовь, выражающийся в стремлении наделять свой сексуальный объект сверхценными свойствами. Другими словами, человек в своих сексуальных отношениях отличается от животного тем, что для него как начинает преобладать над что. В этом смысле важно не наличие большого пениса, а обладание огромным Фаллосом. Мой пациент К., которого я условно называю русский пациент, манипулировал с зажигалками. Фаллос это не зажигалки, это совершенно другой объект. Как он с ними манипулировал? Он постепенно выстраивал из них крест. Зачем он то делал? Он хотел этим показать жене, что он ее любит. Когда-то на пачке сигарет было скромно написано «Минздрав СССР предупреждает, что курение вредит Вашему здоровью». Теперь пишут «Курение убивает!» И пусть меня не убеждают что, дескать, это люди делают деньги. Или, как мне рассказывал один друг, это надпись помогла ему бросить курить. И пусть говорят, надпись, что курение порождает рак, хуже, чем надпись, что оно засоряет легкие, и что люди выбирают легкие, а рак не выбирают, так как он страшнее. Все равно психологически шок от пачки с надписью «Курение убивает» страшнее, чем само курение, и я не хочу курить такие пачки. Это называется СХИЗИС – ключевое понятие в теории шизофрении. От слова «схизис» произошло слово *schizophrenia* – «расщепление разума». Так, сигареты это бессознательное потребление смерти, переходный объект между жизнью и смертью, бессознательная гиперобсессия (огромный невроз навязчивых состояний) – курение это разновидность компульсивного действия. Бессознательное одновременно желает нашей смерти и одновременно преодолевает это желание. Делается это мгновенно. Мы не успеваем и опомниться, в то время как транссемиотическая энграмма уже впечатана в нашем мозгу. Этот импринтинг свя-

зан с кодирующим устройством генетического кода, шизофренического по самой своей сущности. Ведь по Тимоти Кроу – все люди латентные шизофреники. Схизис есть одновременное существование двух или более взаимно исключающих мыслей. Расщепление личности в одной из сфер самовосприятия. В данном случае речь идет о коллективной личности нашего государства. Классическим внешним проявлением схизиса является парамимия с разделением лица на две половины (горизонтально или вертикально). При этом одна из них отображает одну эмоцию, а другая противоположную (например, радость и печаль). «Благодаря шизофреническому дефекту ассоционных путей становится возможным существование в психике противоречий, которые, вообще говоря, исключают друг друга. Любовь и ненависть к одному и тому же лицу могут быть одинаково пламенны и не влияют друг на друга (аффективная амбивалентность). Больному в одно и то же время хочется есть, и не есть; он одинаково охотно исполняет то, что хочет и чего не хочет; он в одно и то же время думает: «я такой же человек, как вы» и «я не такой человек, как вы». Бог и черт, здравствуй и прощай для него равноценны и сливаются в о д н о понятие» (Эуген Блейлер. Руководство по психиатрии, 1993 <1921> С. 312) (разрядка, скорее всего, моя. – В Р.). Это был компульсивный пациент. Но это же абсурд. Причем тут зажигалки, причем тут крест? На кресте распяли Христа. Зажигалки, как мы писали в прошлом отрывке это странные объекты, символизирующий переходный объект фаллос, самый странный переходный объект в мире. Он символизирует пенис. Как это связано с проблемой времени? Как проблема креста связана с проблемой времени? И с фаллосом. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно, как это ни странно, обратиться снова к зажигалкам. К. покупал зажигалки в разных магазинах, потом он их раскладывал на столе различным

образом в разные конфигурации, пока не получился крест. Так он из зажигалок сделал крест. В определенном смысле это было кощунство. Но он так не считал, ведь он был компульсивным, а подобные люди частенько делают подобные вещи (например, Человек Волк (Сергей Панкеев, пациент Фрейда) в детстве спрашивал свою няню, были ли у Иисуса Христа «задние части»). К. рассматривал зажигалки и крест как ритуал, направленный на то, чтобы завоевать любовь жены. Он в определенном смысле этого добился. Жена стала мягче к нему. И все же, что означают зажигалки и крест? Это совершенно разные вещи. Но на самом деле они почти одно и то же. Вспомним круги-пепельницы. Как пепельницы связаны с такими странными объектами как зажигалка крест? Если пепельница круглая она может метафорой круга. Круг и крест это вроде бы противоположные вещи. Но если все связано со всем во «всеобщем оборотничестве» и партиципации первобытного сознания. Как писал задолго до Матте Бланко Витгенштейн в «Логико-философском трактате»:

4.014 Граммофонная пластинка, музыкальная мысль, нотная строка, звуковые волны – все это находится друг к другу в отношении взаимного отображения, которое устанавливается между Речью и Миром.

Все они имеют общее логическое строение. (Как в сказке о двух юношах, их лошадях и их лилиях. Они все в определенном смысле одно).

А. Ф. Лосев, Леви-Брюль, а еще задолго до них Лао Цзы о пустоте Дао:

Дао пусто пусто, но в применении неисчерпаемо.

Разве пространство между Небом и Землей не похоже на кузнечный мех?

Чем больше [в нем] пустоты, тем дольше [он] действует, чем сильнее [в нем] движение, тем больше [из него] выходит [ветер]],

Круг и крест и даже круг и квадрат в определенном смысле одно. Круг, центр которого везде, а окружа-

ность нигде, то есть бионовское О, окончательная реальность, Ноль,

это все практически одно и то же...

Есть река, чьи воды дают бессмертие; а следовательно, есть на Земле и другая река, чьи воды бессмертие смывают.

Когда близится конец, от воспоминания не остается образа, остаются только слова. Нет ничего странного в том, что время перепутало слова, некогда значившие для меня что-то, со словами, бывшими не более чем символами судьбы того, кто сопровождал меня на протяжении стольких веков. Я был Гомером; скоро стану Никем, как Улисс; скоро стану всеми людьми – умру (Борхес)

Новый завет как постмодернистский текст

Возможно три подхода к постмодернистской эстетике. Согласно первому традиционному подходу это культура второй половины XX века. Следующий подход это культура, которая начинается примерно с Джойса. И третий, самый широкий, это взгляд, согласно которому постмодернизм это такая эстетика, которая в принципе была всегда. П. Д. Успенский в книге «Новая модель Вселенной» писал что Новый завет это очень странный текст.

Новый Завет – очень странная книга. Она написана для тех, кто **уже** обладает известной степенью понимания, для тех, кто владеет некоторым ключом. Думать, что Новый Завет – несложная книга, понятная простым и смиренным людям, – величайшее заблуждение. Просто так читать ее нельзя, как нельзя просто так читать книгу по математике, изобилующую формулами, особыми примерами, явными и скрытыми ссылками на математическую литературу, упоминаниями о различных теориях, известных лишь «посвященным», и т.п. В то же время в Новом Завете немало мест, которые можно понять лишь эмоционально: они производят определенное эмо-

циональное воздействие, разное на разных людей или даже на одного человека в разные моменты его жизни. Но, конечно, ошибочно полагать, что это эмоциональное воздействие исчерпывает все содержание Евангелий. В них каждая фраза, каждое слово полны сокровенного смысла, и только когда извлекаешь эти скрытые идеи на свет, становится понятной все сила этой книги и ее влияние на людей, продолжающееся вот уже две тысячи лет.

Странность таких текстов как «Евангелия» состоит в том, что написанное в них далеко не всегда можно понять буквально, например, слова «Не прелюбодействуй» согласно Морису Николлу («Новый человек») надо понимать как «Не смешивай доктрины». Но если понимать Новый Завет как постмодернистский текст, то он может быть воспринят именно как смешение доктрин. В этом и будет его странность с нашей точки зрения. Это и будет постмодернистская в широком смысле трактовка Нового завета. Рассмотрим фрагмент притчи о блудном сыне:

У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих (Лк. 15:11-16).

С постмодернистской точки зрения можно сопоставить фрагмент **«и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое**

рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему» со словами героя пьесы Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» (и поставленного по нему фильма Александра Сокурова «Скорбное бесчувствие») капитана Шатовера «Душа Менгена питается свиным поилом». Как душа может питаться свиным поилом? Душа питается воздухом. Сначала приведем комментарий этого фрагмента, принадлежащий Серафиму Саровскому:

Пасти свиней: Самое унижительное для истого иудея занятие. Закон иудейский запрещал иудеям есть свинину, свинья была для них противным животным. Так нередко грешник, когда привязывается, чтобы заглушить сознание свое греховное, к какому-либо мирскому предмету, унижается еще более и доходит до самого бедственного состояния (<http://www.smisl-zhizni.ru/new-pritchi/492-o-bludnom-sine>).

Как можно истолковать этот фрагмент с точки зрения эзотерического христианства? Почему блудный сын должен был писаться пищей свиней и как это связано со словами старика Шатовера «душа Менгена питается свиным поилом». Свиньи – нечистые животные, они едят, что попало. Тот, кто поедает пищу свиней (питается, чем попало), смешивает пищу и, стало быть, смешивает доктрины, то есть прелюбодействует. Как же прелюбодействовал Менген? Он смешивал капиталы разных людей, получал прибыли, сразу вкладывал их в другой бизнес, манипулируя людьми и деньгами. Но причем здесь прелюбодеяние? Менген хотел жениться на молоденькой девушке Элли Дэн, с которой он хотел совершить прелюбодеяние в широком смысле. Таким может быть толкование этого фрагмента притчи о блудном сыне. Здесь мы можем ввести понятие якоря. Таким якорем (в духе НАП) может быть концепт «новый трагизм», который мы упомянули в начале этой книги в связи с фильмом «Малхолланд Драйв». Под якорем мы понимаем осо-

бого рода странный переходный объект, например, тот же мобильный телефон, который якорит странные объекты пространства и времени, к примеру, якорь мобильный телефон разбитого сердца Элли Дэн. Элли Дэн это уровень ноль данного фрагмента. Старик Шотвер похож на Гомера, Гурджиева и Сталина. Здесь мы совершаем некий «поворот винта». Как все это связано с новым трагизмом? Новый трагизм это мировоззрение, которое расстается с постмодернизмом, но медленно и постепенно. МД мы рассматриваем как первый фильм XXI века. XX век устал от постмодерна, несерьезности его эстетики («Имя розы», например и т. д). Благодаря Интернету люди стали общаться помимо обычного диалога культур. Появление гипервремени обеспечивает эстетику прямого высказывания, возврат на новом витке к поэтике серьезного модернизма, например, к аскетическому стилю «Замка» Кафки или «Постороннего» Камю. Этот отказ от поэтики Интертекста в пользу эстетики Гипертекста. Интернет позволяет людям стать людьми нового трагизма.

Деконструкция PS-D

Сформулированное Мелани Кляйн разграничение параноидно-шизоидной (в обозначении Биона – PS) и депрессивной (D) позиций позволило ей постулировать важнейший в истории психоанализа механизм защиты – проективную идентификацию, имеющая место, по ее мнению, к которому присоединился Блон, в раннем младенчестве и при психозах. Но и в нормальном человеческом мышлении проективная идентификация продолжает играть большую роль. Развивая эту диалектику PS-D, которая наиболее четко обозначена Бином в книге «Элементы психоанализа», мы, обратив внимание на его ранние работы «Психотическая и непсихотическая часть личности», «Теория мышления», «Нападение на связи», «О галлюцинациях,

в нашей книге «Новая модель бессознательного» постулировали существование принципа всемогущества, по нашему мнению предшествующего параноидной стадии развития младенца. Принцип всемогущества это и есть уровень Ноль. Здесь господствует принцип удовольствия (чистая аксиология) и первичный процесс (ребенок большую часть времени спит и видит сны). В книге «Новая модель шизофрении» мы ввели понятие галлюцинирующая галлюцинация, которая реализуется при бреде величия (примитивная магия). Младенец галлюцинирует, он хочет добиться исполнения желания (как это происходит во сне). Об этом писали Блейлер в «Аутистическом мышлении» и Ференци в статье «Ступени развития чувства реальности»

В начале своего развития новорожденный ребенок пытается добиться состояния удовлетворенности исключительно тем, что настойчиво желает этого (и представляет), причем не удовлетворяющую его действительность ребенок просто оставляет без внимания (вытесняет), желаемое же, но отсутствующее удовлетворение, напротив, представляется ему имеющимся в наличии; то есть он хочет покрыть все свои потребности, не прилагая никаких усилий, с помощью позитивных и негативных галлюцинаций.

<...>

Невротики с навязчивыми состояниями, подвергшиеся психоанализу, говорится там, признаются, что они убеждены во всемогуществе их мыслей, чувств, добрых или злых желаний. И какими бы они ни были просвещенными и образованными, как бы сильно ни противились их здравый смысл и знания, у них все равно есть чувство, что их желания необъяснимым образом сбываются. В истинности такого положения вещей каждый аналитик может убедиться. Он увидит, что больному с навязчивым состоянием другие люди с их радостями и горестями (и даже их жизнь и смерть) кажутся зависимыми от определенных, самих по себе безобидных мыслительных процессов и действий, совершаемых данным больным. Он вынужден мыслить определенными магически-

ми формулами или выполнять какое-то определенное действие: иначе того или иного человека (чаще всего кого-то из близких) постигнет несчастье. Это эмоциональное суеверное убеждение невозможно поколебать, даже если подобные опыты приводят и к прямо противоположным порой результатам.

Шандор Ференци

Психоаналитический опыт помог мне понять симптом чувства всемогущества: это проекция восприятия, заключающегося в том, что нужно рабски повиноваться непреодолимым инстинктам. Невроз навязчивых состояний есть регресс душевной жизни на ту детскую ступень развития, на которой между желанием и поступком еще не включилась мыслительная деятельность, способная затормозить или отсрочить этот поступок, взвесить его последствия; вместо этого тотчас за желанием следует действие, направленное на исполнение этого желания: какое-то движение, которое может предотвратить неудовольствие или приблизить удовольствие. (Известно, что маленькие дети почти рефлекторно тянут руку к любому приглянувшемуся им предмету. Они также изначально не способны отказаться от какого-нибудь «озорства», доставляющего удовольствие, если есть побуждающий к этому раздражитель. Один маленький мальчик, которому запрещалось ковырять в носу, ответил матери так: «Я и не хочу, а моя рука хочет, и я не могу ей помешать».)

Как показывает анализ, у невротиков с навязчивыми состояниями какая-то часть душевной жизни, «вытолкнутая» из сферы сознательного, застревает на этой детской ступени вследствие торможения развития (фиксации) и отождествляет желание и поступок, будучи не в состоянии научиться отличать одно от другого именно из-за вытеснения, отвлечения внимания, в то время как свободное от вытеснений, нормально развитое «Я», умудренное воспитанием и опытом, может только смеяться над таким отождествлением. Отсюда и внутренняя раздвоенность у невротиков с навязчивыми состояниями: непонятное сосуществование просвещенности и суеверия.

Не будучи полностью удовлетворен этим объяснением чувства всемогущества как аутосимволического феномена (так называет символически изображенные самовосприятия Зильберер), я задал себе вопрос: откуда все-таки у ребенка берется та смелость, с которой он приравнивает друг к другу помыслы и поступки? Откуда происходит эта непосредственность его действий, когда он тянется рукой ко всем предметам, к висящей над ним лампе и к сияющей луне, уверенный, что достанет себе все, что хочет?

Тогда я вспомнил, что, согласно предположению Фрейда, в фантазии всемогущества у невротиков с навязчивыми состояниями «можно обнаружить обрывок старой детской иллюзии величия», и попытался проследить возникновение и судьбу этой иллюзии. Я надеялся при этом узнать что-нибудь новое о развитии «Я» – от принципа удовольствия к принципу реальности, так как мне показалось вероятным, что развитие «Я» заключается в навязанной опытом замене детской иллюзии величия признанием власти сил природы ⁴.

На следующей стадии, которая примерно совпадает с депрессивной позицией (около полугода) и оральной стадией происходит следующее. Младенец начи-

⁴ Ференци Ш. Ступени развития чувства реальности // Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. М.: 2000. С. 48–50.

нает понимать, что не все дается при помощи галлюцинаторного удовлетворения. Он переходит со стадии всемогущества, парадоксальным образом совпадающей с терминальной стадией шизофренического психоза (бред величия), при котором формируется принцип всемогущества, о котором мы и говорим, к стадии, которую можно обозначить как обозначить как Р (здесь господствует проекция). Отрицание можно обозначить как S, так как здесь младенец переходит на шизоидную стадию развития. То есть можно сказать, что существует не одна параноидно-шизоидная позиция, а две: параноидная (в дальнейшем, скорее, паранойяльная), и шизоидная, более зрелая. На параноидной позиции господствует проекция, на шизоидной, как можно предположить, отрицание. Все вместе и дает проективную идентификацию.

Но идеи преследования, идеи отношения, воздействия и величия сосуществуют, преобладает то одна, то другая. Здесь формируется человеческий характер.

Дальше идет стадия зеркала Лакана. После этого анальная стадия (вторичная магия), далее стадия Эдипова комплекса, на которой формируется истерическое мышление и компульсивное мышление и начинает главенствовать наиболее зрелый механизм защиты – вытеснение. После этого фаллическая стадия, а после нее латентная. Именно здесь принцип всемогущества заканчивает свое существование, продолжая, однако, существовать во взрослом сознании и бессознательном как регулятор времени и вечности при посредстве странных переходных якорей таких, как в первую очередь, Интернет, который и осуществляет принцип всемогущества на данном этапе развития человечества, принцип нулевого переходного объекта, абсолютного нуля.

Взаимодействие

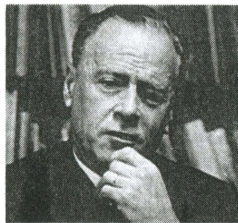
Взаимодействие, может быть, самый главный и наиболее зрелый механизм защиты в жизни человека. В своей книге «Бессознательное как бесконечные множества» Матте Бланко писал:

Человеческое сознание всегда рассматривает одну вещь как отличную от другой. Тем не менее, ничто нам не мешает постичь форму сознания, которая содержит бесконечное число вещей одновременно. Продолжая сравнение с палитрой: для того чтобы возможно было существование сознания, оно должно обладать бесконечным числом измерений. *В этом случае симметричное существование должно быть в состоянии входить в это бесконечно-мерное сознание.* Но это не касается повседневной реальности человека и потому находится за пределами науки. Возможно, что этот факт должен быть связан с сознанием Бога. Мышление и существование тогда должны будут совпасть⁵.

Гипервремя это компрессия вечности. Нам приходится потреблять слишком много информации, поэтому мы ее сжимаем. Профессор Т. М. Николаева в книге «От звука к тексту» сформулировала гипотезу о законе языковой эволюции, суть которой в том, что **«ЯЗЫК**

⁵ Matte Blanco I. Unconscious as Infinite Sets: An Essay in Bi-logic. London: Karnak books, 1998.

стремится к передаче все большего количества информации за единицу времени⁶. Человечество бессознательно поступало так всегда. Например, в обрядах (скажем, в Элевсинских мистериях) – заговорах, потом пословицах и поговорках. В книгах, древних и новых, особенно, со времен «Гуттенберговой галактики», степень компрессированности информации повысилась⁷.

Маршал Маклюэн

Огромное количество информации сконденсировано в метафорах, в деньгах, в лекарствах.

Роль современного «компрессора» играют, например, мобильные телефоны системы i-fone, в которых запрограммировано огромное количество информации. Но наибольшее количество информации заложено в Интернете – это фактически современное божество, уровень Ноль, «О», Вечность, надо только уметь правильно им пользоваться, в частности, не использовать его как пишущую машинку. Интернет – это переходный объект, якорь, компрессор нашего гипервремени. Время в нем сжимается со страшной силой. Огромную роль в формировании гипервремени продолжает играть кино, которое по Жижеку, фор-

⁶ Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры., 2000. С. 30.

⁷ Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего М.: Академический проект, 2005.

мирует наше желание⁸. В этом смысле кино это такое же исполнение желаний, как сновидение, на которое оно так похоже. Когда мы смотрим фильм, нам кажется, что мы видим какие-то картинки, просто отдышаем. На самом деле мы поглощаем незаметно для себя огромное количество как полезной, так и вредной информации. Фильм сам себя рекламирует. Он также опосредованно рекламирует различные товары, что также экономит, компенсирует и конденсирует и даже продолжает формировать гипервремя желания современного человека. Мы недооцениваем роль телерекламы, думаем, что это просто помеха. А она не просто дает отдых от фильма или передачи. Она тоже является компрессором и конденсатором гипервремени. Время обычно движется в сторону увеличения энтропии в соответствии со вторым законом термодинамики⁹. Но есть еще информативное время, которое совпадает со временем Драмы от Грехопадения через Страсти Христовы до Второго Пришествия и Конца Света (Блаженный Августин)¹⁰. Гораздо более древним и важным является мифологическое циклическое время¹¹. Синтезом этих фило-

⁸ Žižek S. Enjoy your symptom! Jacques Lacan in Hollywood and out. N.-Y. and L.: Routledge, 1992. Эта идея наиболее отчетливо высказана им в фильме Софи Файнс «Путеводитель кинопрверта», где он исполняет главную роль во всех смыслах. Славой Жижек в этом фильме, можно сказать, это у р о в е н ь Н о л ь.

⁹ Рейхенбах Г. Направление времени. М.: Изд-во инстр. лит., 1962; Руднев В. Направление времени в культуре // Wiener slawistischer Almanach, В. 17, 1986 (статья перепечатана в качестве первых глав моих книг «Морфология реальности: Исследования по «философии текста». М.: Русское феноменологическое общество, 1996 и «Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. М.: Аграф, 2000, а также в книге: Руднев В. Философия языка и семиотика безумия. М.: Территория будущего. 2007).

¹⁰ Августин Блаженный. О Граде Божием // Творения Блаженного Августина. Т. 2. Киев, 1906.

¹¹ См., напр., Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987;

софских воззрений на время является многомерное время Джона Уильяма Данна¹². Гипервремя служит медиатором, дизъюнктивным синтезом, уровнем Ноль по отношению к перечисленным четырем. Это «многоканальное» время, нечто вроде переключения каналов ТВ. Гипервремя и есть взаимодействие как механизм жизни в современном понимании того, что такое жизнь¹³ – упорядочение, но в очень сжатом взаимодействии. Итак, что же такое взаимодействие? Это проективная идентификация, поднятая на новый уровень познания философии и практического применения в психоанализе, психологии и психотерапии XXI века. Это будет взаимодействие между людьми посредством Интернета. Проективная идентификация будет служить еще большему упорядочению информации, еще большему уплотнению гипервремени. Люди перестанут быть больными невротиками, психопатами, шизофрениками и органическими психотиками, какими они были в XX веке и продолжают оставаться в начале XXI-го. Гипервремя в психотерапии, в частности, микроанализ, теоретические основы которого были разработаны нами в статье с одноименным названием¹⁴ и многие-многие другие, пока даже неведомые нам компрессируемые виды психотерапии. Психоанализ и психотерапия должны сконцентрироваться на изучении и лечении органиков, то есть людей с органическим

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. и многие другие работы, особенно книгу П. Д. Успенского «Новая модель Вселенной» (М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003, а также новейшую книгу Т. М. Николаевой. «О чем на самом деле написал Марсель Пруст» (М.: Языки славянской культуры, 2012).

¹² Данн Дж. У. Эксперимент со временем. М.: Аграф, 2001; Dunne J. W. The Serial Universe. L. 1930.

¹³ Галимов Э. М. Феномен жизни: Между равновесием и нелинейностью; происхождение и принципы эволюции. М.: УРСС, 2002.

¹⁴ Руднев В. П. Микроанализ // Психотерапия, № 4, 1910.

характером, которых по-прежнему, к сожалению, на Земле порядка девяти десятых населения, и органические изменения у престарелых людей (прежде всего, болезнь Альцгеймера), чтобы молодить человечество. Это может быть Интернет-терапия. И сам по себе Интернет может быть аутопсихотерапией, саморазвивающейся системой взаимодействия. При этом люди останутся людьми. Лекарства в традиционном понимании этого слова могут вообще исчезнуть, и сама жизнь станет лекарством (впрочем, так было всегда). Как писал Морис Николл, ученик Гурджиева и П. Д. Успенского, в книге «Цель», следует жить «против жизни», то есть против энтропии, в сторону увеличения информации, тогда можно достичь изменения ума, метанойи, в частности, лучше понять учение, заповеданное в Новом Завете¹⁵.

Человек может думать одно, чувствовать другое, а желать третьего. С этой точки зрения задачей человека является наведение порядка в собственной душе, которая пребывает в состоянии хаоса¹⁶.

Жить не в энтропийном направлении времени, а в информационном, значит, читать больше сложных книг, смотреть больше сложных фильмов, лучше осваивать Интернет.

Гуттенбергова галактика все равно продолжает свое существование. В. В. Налимов в книге «Спонтанность сознания» пишет:

Христианство почти две тысячи лет господствовало над западной мыслью в силу своей удивительной открытости к разным толкованиям, хотя эта устремленность почти никогда не обходилась без конфликтов, обретавших частое социальное звучание. И ставшая теперь крылатой фраза Ницше «Бог умер» означает просто, что христи-

¹⁵ См. также Руднев В. Иисус Христос и философия обыденного языка. М.: Аграф, 2013.

¹⁶ Николл М. Цель. М.: Старклайт. 2006.

анство перестало быть понимаемым в своем непосредственном – традиционном проявлении¹⁷.

Думать значит терпеть фрустрацию. Отчего возникает фрустрация? Опять-таки от недостатка любви. От оставленности Богом, оттого, что «Бог умер». Когда Иисус кричит на кресте «Боже, для чего ты меня покинул», он горюет не о себе, а об Отце, о том, что теперь ему предстоит все решать за всех самому. Потому что отец умирает раньше сына. Бог пустил Сына в мир в предчувствии своей смерти.

Объект ноль

Объект Ноль – это самый главный объект в жизни человека. Для только что родившегося младенца таким объектом является грудь матери, а дальнейшем сама мать.

Мать – первый объект в жизни ребенка и, по-видимому, первое слово, которое произносит в своей жизни человека.

Объект ноль осуществляет градации трех уровней один и два. Уровень Ноль это переходный объект между уровнями один и два.

Гипервремя это метафора сознания, которая обеспечивает уровню Ноль и другим двум уровням реальное существование в мире. Гипервремя оперирует переходными объектами, которые являются частями объекта ноль и соответственно распределяются по уровням ноль, два и один. Гипервермя это такой вид времени который сообщает объекту Ноль упругость. Эта упругость направлена на то, чтобы обеспечить элементам микромира вход в макромир мир странных объектов, например, таких как мобильный телефон и Интернет. Наша жизнь в будущем будет все

¹⁷ Нахимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Изд. 3-е. М.: Академический проект; Парадигма, 2011. С. 173.

больше и больше протекать в Интернете. Гиперстранными переходными объектами могут быть самые обыкновенные предметы – кружка, пепельница, рюмка, книги, лекарства, а могут быть более специфичные объекты такие, например, как телевизор и компьютер. Первый кадр фильма А. Тарковского «Зеркало»: Игнат включает телевизор (после чего следует сеанс гипноза – пример очень сильного воздействия фигуры «телеэкран в киноэкране» (с которым может сравниться разве только порез глаза бритвой в «Андалузском псе»). Перефразируя слова Шекспира, можно сказать «Вся жизнь это киноэкран, а мы в нем зрители». Поэтому первое реалити-шоу в России состоялось 19 августа 1991, когда диктор мрачно объявил о начале путча, а потом целый день мы по всем каналам смотрели и слушали «Лебединое озеро». Наиболее подходящим местом для появления и функционирования странных объектов является измененное мышление. Допустим, человек видит мертвого отца. При этом субъект (он тоже является странным объектом, так как находится внутри агломерата странных фактов). Такой субъект, прежде всего не является ни сознательным, ни бессознательным. Что это значит? С одной стороны, такой человек формально находится в сознании, но лишь формально, так как его сознание и бессознательное меняются местами. С другой стороны, он не является полностью бессознательным, т. к. наиболее существенным свойством бессознательного является вытеснение. Что такое мышление человека, который находится в состоянии ни сознания, ни бессознательного? Он находится в состоянии мифа, то есть состоянии нейтрализации (ни сознательный, ни бессознательный; ни живой, ни мертвый; ни спящий, ни бодрствующий; ни одушевленный, ни неодушевленный).

Основной модальностью при идеях воздействия является эпистемическая, так как человеку сообщается некая важная для него информация позитивного

или негативного свойства. В то же время, для идей воздействия так же характерны и остальные модальности – аксиологическая со знаком плюс или минус в зависимости от того, негативный или позитивный характер носит соответствующее воздействие), деонтика со знаком плюс- или минус-человеку нечто предписывается – (в зависимости от того же) и алетика (поскольку вся ситуация воздействие воспринимается как нечто чудесное, то есть в психологическом плане невозможное). При бреде воздействия может быть задействован кто угодно. Бог, лакановское Имя Отца, мать, агрессивный начальник, учитель, священник и т. д. Наиболее интересными примерами странных объектов при бреде величия являются телевизионный и киноэкран и монитор компьютера, прежде всего Интернет. Мы все, так или иначе, воздействуем друг на друга. В детстве на детей воздействуют родители, постепенно формируя их стереотипы («Будь хорошим мальчиком!» «Учи уроки!») и, тем самым, вводя их в согласованный транс, то есть в галлюцинаторный мир в слабом смысле. Анна Фрейд утверждала, что родители прививают ребенку психотическое мышление, говоря ему «Ты ведь уже совсем взрослый, такой же большой, как папа», тем самым вводя его в реальность в сильном смысле. Это, прежде всего, так называемые «голоса». Как голоса воздействуют на человека? Они могут внушать ему что-то приятное, могут просто ругать его, но чаще всего они внушают ему какие-то мысли. Все религиозные мистики-духовидцы слышали голоса. Одним из таких великих мистиков был Даниил Андреев, который по ночам в тюрьме каждую ночь слышал голоса. Голоса нашептали ему «Розу мира», одно из своеобразнейших мистических произведений. Как проявляются идеи воздействия в кино? Прежде всего, сам фильм оказывает сильное воздействие на зрителя. Можно возразить, что это особое эстетическое воздействие. Но эстетическое воздейст-

вие тоже является психическим. Вообще воздействие художественного произведения, особенно на человека достаточно примитивного, огромно. Ленин, прочитав роман «Что делать?» Чернышевского, сказал, что «эта книга всего его перепахала». В принципе эстетическое воздействие должно быть несколько иным, более опосредованным. Воздействие кино или другого экранного дискурса сложнее. Никто перед выборами Путина не говорил «Путин – самый лучший президент», то есть зрителю не применялся директивный гипноз. Просто показывали Путина в различных эпизодах, косвенным образом, показывающих его достоинства, то есть применялись элементы недирективного гипноза который разработал Милтон Эриксон. Недирективный гипноз типа эриксоновского действует гораздо глубже, чем прямой гипноз, который применялся на заре психоанализа. Символика зеркала многообразна. Прежде всего, зеркало подразумевает удвоение мира и границу между миром видимым и миром потусторонним (например, кэрролловским зазеркальем). Зеркало наделено способностью воссоздавать невидимый мир.

Мы вводим понятия положительной и отрицательной микросцены. Когда Фрейд ввел в психоаналитический оборот понятие первосцены, то важно было, что, как он потом понял, ее осознание может происходить *nachträglich*, задним числом и что, может быть, никакой первосцены на самом деле и не было. Почему-то важно, чтобы человек «помнил», что в раннем детстве он якобы наблюдал *coitus* между своими родителями. Почему это важно? Потому что это закладывало фундаментальную Эдипову триангуляцию, которая есть не что иное, как матрица объектных отношений. Вот мать, которую я люблю, вот отец, которого я ненавижу, и вот объектные отношения между нами троими. Это своеобразный треугольник Фреге, из упомянутой его статьи: знак – денотат – кон-

цепт. Знак это, конечно, первознак – материнская грудь (прообраз желания, будущего Id), концепт – это Отец-Суперэго, а денотат это я сам, Это, первая и самая необходимая вещь на свете, мое тело (Фрейд подчеркивал, что первоначальное Это телесно). И вот таких первосцен в жизни и в жизнях человека великое множество. Это каждая мельчайшая сценка, «фотоснимок» которой и образует, в сущности, то, что мы называем бессознательным. И эта мельчайшая сценка, неважно «реальная» или воображаемая, из прошлого или из будущего, из той жизни или из этой, отпечатывается, энграммируется в бессознательном, образуя его «память» в том смысле, в каком мы говорим о памяти компьютера. Чем больше положительных микросценок видит ребенок, например, как родители нежно обнимаются, и чем меньше он видит микро- и макропервосцен, тем больше в его теле и его бессознательном накапливается положительно заряженных ментальных частиц и тем больше его время выпрыгивает из порочного круга, магического импульсивного малого цикла, который навязывают ему взрослые своими квази-инициационными сказками: «Ты совсем большой, совсем как папа», этого магического квадрата, который можно читать слева направо, справа налево, сверху вниз и снизу вверх (а в нем написано всё одно и то же: *sator arepo tenet opea rotas*), этого круглого квадрата с нулевым интенционалом, тем больше распрямляется его стрела времени (антиэддингтоновская) и тем в большей мере, он устремляется в позитивное (информативное) будущее, направленное «против жизни» (Морис Никола. «Цель»), тем больше положительных зарядов в его микромире.

Значит, «положительное» энтропийное время в макромире соответствует большому количеству электронов, отрицательное, информативное – большому количеству позитронов.

Первобытный постмодернизм

«Первобытный постмодернизм» кажется странным и парадоксальным словосочетанием. Кажется, что постмодернизм не имеет никакого отношения к первобытному мышлению. Однако мы постараемся показать, что это не так. В начале XX века в европейской и американской культуре сформировалось направление, которому советские исследователи (З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский) дали название неомифологизм. Это эстетика серебряного века и последующих десятилетий вплоть до классического постмодернизма: исторический авангард и модернизм – Джойс, особенно, «Поминки по Финнегану», Кафка (в первую очередь «Процесс» и «Замок»), Томас Манн, в первую очередь «Волшебная гора». Фолкнер – в особенности «Шум и ярость». В философии истории XX века неомифологизму соответствовало сворачивание «стрелы времени» (выражение Артура Эддингтона) в новый мифологический цикл (в первую очередь, Шпенглер и Тойнби) активное изучения архаического мифа Фрэзер, Леви-Брюль, Леви-Строс, Элиаде. Отчасти этому способствовало и развитие психоанализа и психиатрии, особенно изучение шизофрении и других психозов, при которых человек регрессирует на архаические стадии своего мышления, так сказать, впадает в свое историческое детство.

В кино важнейшими событиями авангардного искусства стали фильм «Андалузский пес» (1929) и «Золотой век» (1930). Создатели этих фильмов Бунюэль и Дали заявили, что их фильм может быть объяснен только посредством психоанализа. Но под психоанализом они понимали, как и другие образованные непсихологи, в первую очередь, толкование сновидений, Эдипов комплекс, свободные ассоциации и так далее. Их заявление было сделано в 1929 году. Но с тех пор психоанализ очень сильно изменился. Прежде всего,

он стал изучать не только неврозы, но и психозы. При психозе предшествующее ему развитие младенца не доходит до стадии осознания целостного объекта, оно застревает на параноидно-шизоидной позиции. Это значит, что сепарационная тревога, спровоцированная травмой рождения, оставляет столь непоправимый след в прото-психике младенца, что он не в силах совладать с ней и претерпевает невыносимую фрустрацию. Элементы психической реальности начинают его преследовать.

В 1945 году Мелани Кляйн опубликовала свою итоговую статью «Заметки о некоторых шизоидных механизмах», в которой она писала:

Жизненно важная потребность совладания с тревогой вынуждает раннее эго развивать фундаментальные механизмы и защиты. Деструктивный импульс частично процедируется вовне (отклонение инстинкта смерти) и, по-видимому, прикрепляется к первому внешнему объекту – материнской груди. Фрейд подчеркивал, что оставшаяся часть деструктивного импульса до некоторой степени сдерживается либидо внутри организма. Тем не менее, эти механизмы полностью не справляются с данной целью и поэтому тревога разрушения внутренними импульсами сохраняется. Под давлением этой угрозы недостаточно слитное эго имеет тенденцию **к распаду на части**. Такое распадение на части, по-видимому, лежит в основании состояний дезинтеграции шизофреников.

Возникает вопрос, действуют ли механизмы расщепления внутри эго с самой ранней фазы? Мы предполагаем, что, поскольку раннее эго расщепляет объект и свое отношение к нему, расщеплению подвергается и само эго. В любом случае в результате расщепления происходит **рассеивание** (dispersal) деструктивного импульса, переживаемого как источник опасности. Я считаю, что первичная тревога, связанная со страхом уничтожения внутренней деструктивной силой и специфическая реакция **распада на части** или расщепления эго чрезвычайно важны во всех шизофренических процессах.

<...> В состояниях фрустрации и тревоги орально-сади-стические и каннибалистические желания усиливаются, и младенец чувствует, что он имеет дело с распавшимся на куски соском или грудью. Следовательно, помимо разделения на хорошую и плохую грудь в фантазии младенца, фрустрирующая грудь – атакующая в орально-сади-стической фантазии – переживается **распавшейся на куски** [здесь и далее в цитатах выделения полужирным мои. – В.Р.]; <...> Чем сильнее в процессе инкорпорации объекта превалирует садизм, тем вероятнее объект будет переживаться фрагментированным на куски. Интернализация же этих объектных фрагментов будет переживаться это как угроза расщепления¹⁸

Евангелия, это в определенном смысле постмодернистский текст хотя бы потому, что там содержится огромное количество аллюзий на Ветхий Завет. Ю.М. Лотман считал, что Апокалипсис в противоположность мнению Постникова и Фоменко, которые полагали, то это чуть ли ни самый древний текст Библии, потому что иначе его можно рассматривать как систему цитат, и есть такая систем цитат и реминисценций.

Помня, в частности, наш постмодернистский анализ евангельской притчи о блудном сыне, использующее фильм Сокурова «Скорбное бесчувствие», можно сказать, что словосочетание первобытный постмодернизм вполне осмысленно.

Леви-Брюль рассматривал первобытное мышление

теория сопричастия (партиципации), то есть в определенном смысле тому, что соответствует представлениям Матте Бланко о бессознательном о том, что на уровне симметричной логики все связано со всем и все одновременно является всем.

Леви-Строс считал, что мифологическое мышление устроено примерно так же, как музыкальная пар-

¹⁸ Кляйн М и др. Развитие в психоанализе. М.: изд-во, 2001. С. 443.

титур, то есть по горизонтали и по вертикали как магический квадрат.

Миф это инструмент по уничтожению времени, писал Леви-Строс.

Профессор М. Е. Бурно считал, что Андрея Платонова можно назвать первобытным аутистом (ссылаюсь на его устное выступление на семинаре Профессиональной психотерапевтической Лиги, посвященном обсуждению характера Платонова в январе 2007 года; об этом Марк Евгеньевич также писал мне в письме от 24. 11. 2006 г.:

Словом, не знаю я, какой это характер. Знаю, что мучающийся целостно по-своему. Разновидность аутиста? Мозаик неизвестный?» Перед этим в том же письме М. Е. Бурно пишет о целостности души и доброте Платонова: «Цельная, целостная душа в каждом из них (имеется в виду Платонов и Брейгель), целостное душевное глубинное тепло к людям, земная живая совесть, художественная убежденность в том, что главнейшее в жизни и творчестве – нравственное переживание, хотя может быть и неуклюжее, даже примитивное, точнее псевдопримитивное. Полифонист здесь не так однозначен и вследствие этого по-своему сложнее и, может быть, глубже».

Что значит первобытный аутист? Платонов ведь не был первобытным человеком. Более того, он был представителем постмодернизма в широком смысле. Роман «Чевенгур» был написан в 1929 году, как и «Замок» Кафки, которого тоже можно в широком смысле назвать первобытным аутистом несмотря на его утонченность его характера. В его текстах много детского и наивно особенно, несмотря на то, они являются шедеврами неомифологической эстетики, в особенности это касается Замка.

В произведениях Платонова, особенно, в «Чевенгуре» много аллюзий и реминисценций. Исследователи «Чевенгура» видят в романе переключки, цитаты и реминисценции с огромным числом русских и западных

текстов писателей и мыслителей. Это «Герой нашего времени» Лермонтова – главный герой «Чевенгура» Александр Дванов со своей постоянной рефлексией напоминает Печорина (кстати сама фамилия фамилия «Дванов» этимологизируется платоноведами, как Раздвоенный, Двойкий (ср. название книги Роналда Лэйнга о шизофрении – «Расколотое Я»); в душе Дванова живет второе Я, «маленький зритель», «мертвый брат» или «внук души», который безучастно наблюдает за тем, что делает первое Я. Евгений Яблоков заметил почти полное сходство фразы из «Чевенгура», сказанной про Дванова: «Но в человеке еще живет маленький зритель...», – с фразой Печорина: «Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его». «Мертвые души» Гоголя – Симон Сербинов едет в Чевенгур, как Чичиков в губернский город. Сервантес – Копенкин, странствующий рыцарь мертвой Розы Люксембург, ассоциируется с Дон-Кихотом как «рыцарь революции», в то время как сомневающийся во всем, психастеничный Дванов ассоциируется с шекспировским Гамлетом. Город Чевенгур напоминает щедринский город Глупов («История одного города») (ср. рассказ Платонова «Город Градов»), поэтому реминисценции из Салтыкова-Щедрина также встречаются в романе Платонова. Мотивы Достоевского также важны для «Чевенгура», достаточно того, что одного из героев этого произведения зовут Достоевский. Через чевенгурскую утопию проходят мотивы «Государства» Платона, «Города Солнца» Томазо Кампанеллы (Чевенгур – это город, который питается солнечными лучами (ср. важность понятия лучей в книге психотика Даниеля Шребера «Мемуары нервнобольного» (подробно этом мотив говорящих лучей у Шребера прокомментировал Лакан в своей знаменитой статье о психозах). Фридрих Ницше, Освальд Шпенглер, Николай Федоров, А. А. Богданов, А. В. Луначарский, К. Э. Циолковский, К. А. Ти-

мирязов, В. И. Вернадский, Анри Бергсон – все это кумиры Платонова, идеи которых пронизывают чевенгурскую утопию. Огромную роль в «Чевенгуре» играют евангельские мотивы, цитаты и реминисценции, подробный анализ которых содержится в замечательной докторской диссертации Марины Дмитриевской «Язык и мирозерцание А. Платонова». Автор книги о Платонове лингвист Михаил Михеев пишет:

Платонов создавал в своих произведениях, по сути дела, нечто вроде религии нового времени. Пытаясь противостоять как традиционным формам религиозного культа, так и сплаву разнородных мифологем, складывавшихся в рамках соцреализма. Среди таковых можно перечислить, во-первых, более или менее ортодоксальную коммунистическую идеологию и философию (Маркса-Энгельса, Ленина-Сталина, Троцкого-Бухарина, идеологов пролеткульта и т. п.), во-вторых, философов и ученых естественно-научного направления (Максвелла, Эйнштейна, Минковского, Больцмана, И. П. Павлова, И. М. Сеченова, А. А. Богданова), в-третьих, научно-прожективные, отчасти уходящие в мистику идеи К. Э. Циолковского, Н. Ф. Федорова, П. А. Кропоткина, О. Шпенглера, В. В. Розанова, П. А. Флоренского, В. И. Вернадского, а также традиции многочисленных русских раскольников и сектантов.

Поэтику цитат и реминисценций можно назвать шизотипическим мышлением.

Но при этом чисто платоновское простодушное осмысление первосценны:

Прошка сидел с большой досужестью на лице, думая, как надо сделаться отцом. Он уже знал, что дети выходят и мамкиного живота – у нее весь живот в рубцах и морщинах, но тогда откуда сироты? Прошка два раза видел по ночам, когда просыпался, что это сам отец наминает мамке живот, а потом живот пухнет и рождаются дети-нахлебники. Про это он тоже напоминал отцу:

– А ты не ложись на мать – лежи рядом и спи. Вот у бабки у Парашки ни одного малого нету – ей дед Федот не мял живота...

Вот это и можно назвать первобытным постмодернизмом. Первобытный постмодернизм можно назвать органическим постмодернизмом в смысле тела без органов и в смысле органического характера. Таким телом без органов в МД является Рита – кукла Барби, гурджиевская машина-игрушка, работающая в сломанном режиме, «тухлая ризома». Органики как характер, как расстройство личности и как проблема психиатрии, психологии и философии еще очень плохо изучены, и, возможно, поскольку органиков на земле станет все больше и больше – это будут своеобразные кибер-органики, органические тела-без-органов – психотерапия будущего станет психотерапией органических расстройств, ризомтической психотерапией «протухших» тел без органов.

Органиков мы обычно рассматриваем как быдло, массу, планктон, это люди, которых мы видим каждый день в метро. Но органиком был Николай Заболоцкий, великий русский поэт, композитор и актер Владимир Высоцкий. Возможно, что органиком бы и Андрей Платонов. А. В. Шувалов считает, что Альберта Эйнштейна также можно рассматривать как личность с органическим расстройством.

При этом органики могут оставаться шизотипическими личностями. Даже в такой «народной», «органической» песне Высоцкого, как «Смотрины», можно найти цитаты и реминисценции:

Сосед маленочка прислал –
Он от щедрот меня позвал, –
Ну, я, понятно, отказал,
А он – сначала.
Должно, литровую огрел –
Ну и, конечно, подобрел...
И я пошел – попил, поел, –
Не полегчало.

И посредине этого разгула
 Я прошептал на ухо жениху –
 И жениха, как будто ветром сдуло, –
 Невеста, вон, рыдает наверху.

Сосед орет, что он – народ,
 Что основной закон блюдет:
 Что – кто не ест, тот и не пьет, –
 И выпил, кстати.
 Все сразу повскакали с мест,
 Но тут малец с поправкой влез:
 «Кто не работает – не ест, –
 Ты спугал, батя!»

А я сидел с засаленною трешкой,
 Чтоб завтра гнать похмелие мое,
 В обнимочку с обшарпанной гармошкой –
 Меня и пригласили за нее.

Сосед другую литру съел –
 И осовел, и опсовел.
 Он захотел, чтоб я попел, –
 Зря, что ль, поили?!
 Меня схватили за бока
 Два здоровенных мужика:
 «Играй, паскуда, пой, пока
 Не удавили!»

Уже дошло веселие до точки,
 Невесту гости тискают тайком –
 И я запел про светлые денечки,
 «Когда служил на почте ямщиком».

Первобытный синкретизм это модалный синкретизм.

То, что мы воспринимаем как систему модалностей, в архаическом сознании скорее всего представляло собой одну супермодалность. Эпистемическое, аксиологическое, деонтическое, алетическое, пространственное и временное начала сливались в одно: то, что известно,

то и хорошо, то и должно, то и необходимо, и находится здесь и в прошлом (откуда черпается предание); то, что неведомо, – то дурно, запретно, невозможно, находится «там» и поэтому не существует вовсе (как не существует линейного будущего в архаическом сознании). Возникновение сюжета связано с распадом этого модального синкретизма, что становится возможным с появлением абстрактного номинативно-аккузативного предложения, где четко противопоставляются субъект и объект, знак и денотат, текст и реальность¹⁹.

Модальная типология психических расстройств

Можно ли рассматривать психическое здоровье человека как модальность, можно ли построить психомодальную логику? Все модальные логики происходят от алетической логики Аристотеля – необходимо, возможно, невозможно. Но пси-модальность, если ее можно назвать модальностью, как будто двучленна. Человек либо здоров, либо болен.

Какие бывают невроты? Истерия, неврот навязчивых состояний (обсессия), депрессия, фобия (тревожная истерия). Можно ли сказать, что каждый человек имеет один из этих невротозов? И да, и нет. Вернее, и нет, и да. В каком смысле нет? Можно представить себе человека, который не является ни депрессивным, ни истеричным, ни обсессивным. То есть у него, конечно, есть всего понемножку, но этого можно не принимать в расчет. А в каком смысле да? Есть такое понятие в психоанализе, как неврот характера, – он примерно совпадает в отечественной психиатрии с понятием психопатии или акцентуации. Можно утверждать, что неврот характера есть у каждого человека. У каждого человека есть характер. Поэтому пси-норма это либо никакой характер, чего не может быть,

¹⁹ Руднев В. Прочь от реальности. М.: Аграф, 2000. С. 139.

либо какой-то характер, какая-то психическая конституция.

Любая психическая конституция, это, так или иначе, отклонение от нормы. То есть, условно говоря, шизоид может быть здоровым человеком, но все равно он шизоид, то есть он углубленно-замкнутая личность. И это будет его шизоидная пси-норма. И эта норма в широком смысле невротична, даже если его считать трижды здоровым.

Почему мы считаем норму шизоида невротичной в смысле невроза характера? Здоровье и замкнутая углубленность это плохо сочетающиеся понятия. Если взять любой другой характер, получится то же самое. Например, демонстративность истерика или педантичность ананкаста. Для них это психическая норма. Но постоянное стремление привлечь к себе внимание или постоянное стремление все проверять и перепроверять в ущерб продуктивности трудно считать эталоном здорового поведения.

Что такое вообще психическое здоровье? Это адаптированность человека в мире. Пси-норм столько же, сколько психических конституций. Поэтому если рассматривать невроз не как острое состояние, а как невроз характера, то именно его можно считать номой. Будем считать, что в пси-модальности три члена – невроз, пограничное состояние и психоз. В каком смысле можно сказать, что этот трехчлен – модальность? Модальность – это определенный тип отношения высказывания к реальности. Например, деонтическая модальность приписывает высказыванию определенный модальный оператор: должно, нельзя и можно. Можно ли приписать высказыванию три пси-модальных оператора и что это будут за операторы? Для того чтобы это понять, надо каким-то образом определить, что такое невроз, пограничное состояние и психоз. Фрейд определил психоз как отрицание реальности.

В этом смысле понятие психоза более простое по сравнению с понятиями невроза и пограничного состояния. Вот что пишет об этом Фрейд в статье «Потеря реальности при неврозе и психозе»: (1924):

Я указал в предыдущей статье («Невроз и психоз») на одну из отличительных черт между неврозом и психозом: при неврозе Я, находясь в зависимости от реальности, подавляет часть Оно (часть влечений), в то время как то же самое Я при психозе частично отказывается в угоду Оно от реальности. Таким образом, для невроза решающим является перевес влияния реальности, для психоза же – перевес Оно. Утрата реальности кажется как бы с самого начала данной для психоза; можно было бы думать, что при неврозе удастся избежать этой утраты реальности.

Однако это совершенно не согласуется с наблюдением, которое все мы можем сделать, что каждый невроз каким-либо образом нарушает отношение больного к реальности, что невроз является для него средством отказа от реальности и в тяжелых случаях означает прямотаки бегство из реальной жизни. Это противоречие наводит на размышление, однако оно легко может быть устранено, и объяснение его будет способствовать лишь нашему пониманию невроза.

Это противоречие существует лишь до тех пор, пока мы принимаем во внимание исходную ситуацию невроза, в которой Я предпринимает в угоду реальности вытеснение влечения. Но это – еще не самый невроз. Последний состоит из процессов, вознаграждающих потерпевшую часть Оно, следовательно, из реакции на вытеснение и из неудачи вытеснения. Недостаточное отношение к реальности является следствием этого второго шага в образовании невроза, и мы не должны быть удивлены, если детальное исследование покажет, что утрата реальности касается той именно части реальности, по требованию которой было произведено вытеснение влечения. Характеристика невроза, как следствия неудавшегося вытеснения, не является чем-то новым. Мы всегда говорили это, и только вследствие новой связи появилась необходимость повторить то же самое.

Впрочем, то же сомнение возникает в особенно сильной форме, если речь идет о случае невроза, в котором известен повод («травматическая сцена») и в котором можно видеть, как человек отвращается от такого переживания и отдает его амнезии. Для примера я приведу много лет тому назад анализированный мною случай, в котором девушка, влюбленная в своего шурина, была потрясена у смертного одра своей сестры мыслью: «Теперь он свободен и может на тебе жениться». Эта сцена была тотчас забыта, и, таким образом, был начат процесс регрессии, который привел к истерическим болям. Но именно в данном случае поучительно посмотреть, каким путем *невроз* пытается исчерпать конфликт. Он обесценивает реальное изменение, вытесняя притязания влечения, о котором идет речь, т. е. любовь к шурина. *Психотическая реакция заключалась бы в отрицании факта смерти сестры.*

Можно было бы ожидать, что при возникновении психоза происходит нечто аналогичное процессу при неврозе, разумеется, в пределах других инстанций, т. е. что и при психозе ясно отмечаются два момента, из которых первый отрывает на этот раз Я от реальности, а второй хочет поправить дело и воссоздает отношение к реальности за счет Оно. И действительно, также и при психозе можно наблюдать нечто аналогичное; и здесь можно наблюдать два момента, из которых второй имеет характер репарации (восстановления), но аналогия эта далеко не соответствует глубокой равнозначности этих процессов. Второй момент в психозе тоже стремится к вознаграждению за утрату реальности, но не за счет ограничения Оно (подобно тому, как при неврозе процесс этот происходит за счет реального соотношения), а другим, гораздо более независимым путем: *созданием новой реальности*, в которой больше нет уже причин, содержащихся в покинутой реальности. Таким образом, второй момент как при неврозе, так и при психозе движется одними и теми же тенденциями, он служит в обоих случаях властолюбивым домогательством Оно, которое не хочет покориться реальности. Следовательно, как невроз, так и психоз являются выраже-

нием возмущения Оно против внешнего мира, выражением его неудовольствия или, если угодно, его неспособности приспособиться к реальной необходимости. Невроз и психоз отличаются друг от друга гораздо больше в первой, начальной реакции, нежели в следующей за ней попытке восстановления.

Первоначальное отличие получает в конечном результате свое выражение в том виде, что при неврозе часть реальности избегается на некоторое время, при психозе же она перестраивается. Или при психозе за первоначальным бегством следует активная фаза перестройки, при неврозе же после первоначальной покорности следует запоздавшая попытка к бегству. Или еще иначе: **невроз не отрицает реальности, он не хочет только ничего знать о ней; психоз же отрицает ее и пытается заменить ее** ²⁰ (выделено мной – В.Р).

Именно в этом смысле психоз более простое понятие, поскольку более простым является понятие отрицания реальности по сравнению с понятием бегства от реальности, такого положения вещей, когда невротик не хочет ничего знать о ней. Что такое отрицание реальности? Очевидно, это такое положение вещей, при котором к элементам реальности, то есть к фактам, применяется логическая операция отрицания. Возьмем пример из вышеприведенной цитаты из Фрейда. Если бы у женщины, у которой умерла сестра, начался психоз, она как бы сказала: «Нет, неверно, что моя сестра умерла. Моя сестра жива». Это и есть психотическое отрицание реальности.

И вот теперь мы можем, наверно, сказать, что это «неверно, что» и является логическим психотическим модальным оператором. Но что же в таком случае будет являться невротическим модальным оператором? Невроз не отрицает реальность, но он и не утверждает

²⁰ Фрейд З. Потеря реальности при неврозе и психозе // Фрейд З. Влечения и невроты. М, 2007. С. 61–65.

ее, он ничего не хочет о ней знать. Как это можно формализовать?

Я ничего не хочу знать о том, что моя сестра умерла.

То есть неверно, что я хочу знать, что моя сестра умерла. То есть отрицается не сам факт смерти сестры, а отрицается желание знать о нем. Мы видим, что это довольно трудно формализовать, потому что здесь задействовано сразу две традиционные модальности – аксиологическая со знаком минус (я не хочу) и эпистемическая (знать). Аксиология со знаком минус это и есть истерия. Эпистемическая модальность это признак шизоида. Если бы сестра сказала «Моя сестра умерла, но я не хочу, чтобы моя сестра умерла», это была бы чиста истеричка.

Если фрейдовская пациентка была бы чистая истеричка, наверное, она что-то в таком духе и сказала. Но если она сказала «Я ничего не хочу знать о том, что моя сестра умерла», то это не чистая истеричка, а шизоистеричка (см. нашу статью «О шизоистерическом характере»²¹). А если бы она была шизоидом? Что бы она сказала в этом случае? Можно предположить, что она сказала бы нечто вроде «Я не знаю, умерла моя сестра или нет». По моему мнению, это высказывание и выражает то, что можно назвать пограничным состоянием. Ведь такого невроза, как «шизоидия», не существует. То есть шизоид как раз находится на границе между невротиком и психотиком (шизофреником). Что же у нас получается? Психотический оператор это чистое отрицание. Невротический оператор это желание со знаком минус, то есть отрицание желания. Оператор пограничного состояния это эпистемика со знаком минус, то есть отрицание знания.

²¹ Руднев В. О шизоистерическом характере // Консультативная психология и психотерапия, № 2, 2011; М. Е. Бойко, Руднев В. П. Реализм и характер // Знание. Понимание. Умение, № 3, 2011

Моя сестра умерла, но я не хочу, чтобы она умерла
(невроз)

Я не знаю, умерла моя сестра или нет (погранич-
ное состояние)

Нет, моя сестра не умерла (психоз)

Итак, психотик отрицает реальность, невротик отрицает желание реальности, пограничный психопат отрицает знание о реальности. Здесь сразу возникает много проблем. Прежде всего, мы не можем пока сказать, что у нас получился стандартный модальный трехчлен со специфическими пси-модальными операторами. Но в каждом из трех случаев – невроза, пограничного состояния и психоза – мы встречаем слово реальность.

Что это значит? По-видимому, то, что психопатология это некое отношение к реальности. Это, по-видимому, и есть ее модальное наполнение. Но что значит не желать реальности при неврозе? Это некоторое отворачивание от реальности (то, что Фрейд называет бегством от нее). Но неврозов несколько, и можно предположить, что оператор «нежелания реальности» специфичен только для истерии. А как относится к реальности депрессивный невротик? Что бы сказала сестра о своей умершей сестре, если бы у нее началась депрессия, а не истерия? Возможно, она сказала бы «Мне все равно, что моя сестра умерла». Это было бы проявлением депрессивной деперсонализации, выражение безразличия, «скорбного бесчувствия». А что бы сказала сестра, если бы у нее началось обсессивно-компульсивное расстройство? Может быть, она сказала бы нечто вроде «Моя сестра умерла, но я ничего не чувствую. Надо ее как можно лучше похоронить». То есть проявился бы механизм обсессивной изоляции.

Что общего между невротическими реакциями при истерии, депрессии и обсессии, то есть между «не хочу», «все равно» и «ничего не чувствую»? Есть ли

здесь бегство от реальности, о котором говорит Фрейд? «Не хочу реальности», «не чувствую реальности», «все равно, что реальность, что не реальность».

Депрессия в этом плане ближе к пограничному состоянию, что естественно, если вспомнить, что депрессия по Фрейду в принципе ближе к психозу («нарциссический невроз»). Но, так или иначе, при невротических реакциях общим является то, что можно назвать протестом невротика против реальности – и в случае истерии, и в случае obsessions, и в случае депрессии. «Я не хочу, чтобы моя сестра умерла». «Мне все равно, что моя сестра умерла». «Я не чувствую, что моя сестра умерла». В случае истерии это протест активный, в случае obsessions и депрессии – более пассивный, но все равно это протест. Что такое протест против реальности? Я протестую против реальности, это значит, я признаю ее существование, но мне она неприятна». По-видимому, в этом суть невротического отношения к реальности.

Все-таки получается, что модальным пси-оператором является оператор «реально, что». При неврозе – «реально, что», при психозе – «неверно, что реально что» и при пограничном состоянии – «реально, что и не реально, что».

Реально, что моя сестра умерла (невроз)

Реально и не реально, что моя сестра умерла (пограничное состояние)

Не верно, что реально, что моя сестра умерла (психоз)

В этом случае невроз приравнивается так или иначе к норме, но об этом мы подумаем позже. Возникает проблема с оператором пограничного состояния. Что значит «реально, что и не реально, что»? Похоже, что это оператор многозначной логики, то есть, в сущности, «Моя сестра умерла, и моя сестра не умерла». По Блейлеру, это есть схизис. «Я такой же человек, как вы, и я не такой человек, как вы». Но схизис это по-

казатель психоза, шизофрении. Получается, что по Блейлеру при психозе реальность не отвергается, а одновременно отвергается и не отвергается, а по Фрейду – однозначно отвергается. Но пример Блейлера не говорит, строго говоря, о реальности. «Я такой же человек как вы, и я не такой человек, как вы». Это не высказывание о реальности. Оператор применяется не ко всему выказыванию, а к его предикату, то есть не *de re*, а *de dicto*. Похоже, что человек, о котором говорил Блейлер, полностью не отказывается от реальности, а относится к ней амбивалентно. Но это значит, что он находится в пограничном состоянии.

Во времена Блейлера и Фрейда не было понятия пограничного состояния. Что такое вообще пограничное состояние? В чем его отличие от невроза и от психоза? Ну, например, что характеризует шизоида? Как он относится к реальности? Считается, что шизоид не верит в обыденную реальность. Но это не значит, что он отрицает наличие обыденной реальности. Он полагает ее не столь важной, как высшую реальность символов, платоновских идей, и (или) он не может сказать точно, существует обыденная реальность или нет. То есть пограничный человек тестирует реальность в том смысле, у него нет бреда и галлюцинаций как у психотика (то есть он не воссоздает новой психотической реальности, как об этом пишет Фрейд), но он отказывает обыденной реальности в ценности. Получается, что блейлеровский шизофреник и фрейдовский психотик это не одно и то же. И, похоже, что Блейлер говорит, скорее, о том, что теперь называют пограничным состоянием. Но это противоречит обыденному пониманию шизофрении как психоза. На самом деле шизофрения может проходить во всех трех регистрах – невротическом, пограничном и психотическом. И в этом случае противоречие устраняется. Подумаем теперь, что если действительно нам удалось выявить модальный пси-оператор, то мы должны

понять, какие законы действуют в этой модальной пси-логике. Возьмем аналогию с логикой алетической, где основным закон гласит: «Если необходимо, что, то возможно, что». Действителен ли этот закон в пси-логике? «Если реально, что, то реально, что и неверно, что реально, что». Ясно, что этот закон не действует. Каково же соотношение между тремя операторами: «реально, что», «реально, что и неверно, что реально что» и «неверно, что реально, что»? Понятно, что наибольшую трудность представляет собой второй оператор. Что значит «реально, что и неверно, что реально, что»? «Я не знаю, умерла моя сестра или не умерла». Похоже, что мы здесь имеем дело с паранепротиворечивой трехзначной логикой. Но в этом случае оператор «реально, что» становится как будто лишним.

Моя сестра умерла

Моя сестра умерла, и моя сестра не умерла

Моя сестра не умерла.

Но здесь, по-видимому, придется уточнить, что мы будем понимать под реальностью. От какой реальности отказывался фрейдовский психотик? Фрейд был человеком XIX века. Поэтому можно предположить, что под реальностью он понимал обыденную «объективную реальность». Но психотик не только отказывается от реальности. Он создает новую, фантастическую, как говорит Фрейд, реальность. И эта реальность уже совсем другая. Это бредовая реальность. Чем бредовая реальность отличается от обыденной реальности, кроме того, что она бредовая, то есть ее на самом деле не существует с позиций нормального человека, то есть невротика? Это реальность – чудесная, если охарактеризовать ее в двух словах, такая же, как в сновидении. То есть в этой реальности не действуют те законы, которые действуют в обыденной реальности. В частности, можно сказать, что в этой новой реальности не действуют законы модаль-

ных логик. Здесь не действует закон «Если моя сестра умерла, то невозможно, чтобы она была жива». Психотическая реальность для того и нужна, чтобы в ней мертвая сестра оживала. Вот в чем сущность психоза, и вот для чего он нужен. Отрицание обыденной реальности это только первый этап. Вторым этапом – оживление сестры в репаративной психотической бредевогаллюцинаторной реальности. Что это нам дает? То, что мы имеем дело с двумя реальностями – предпсихотической и психотической. Но все равно здесь все на данном этапе ясно, и все равно психоз это более простое состояние, чем пограничное состояние. Поэтому обратимся к нему. Когда шизоид говорит «Я не знаю, умерла ли моя сестра» и подразумевает «Реально, что моя сестра умерла, и неверно, что реально, что моя сестра умерла», можно предположить, что в первой части своего утверждения он говорит об обыденной реальности, а во второй части – о фантастической психотической реальности. «Да, моя сестра умерла в обыденной реальности, но она не умерла в высшей реальности. Она существует в другой реальности, в Жизни Бесконечной или в другом воплощении» (в зависимости от того, кем является этот человек, христианином или буддистом, условно говоря). И вот тот факт, что пограничный человек в своем якобы противоречивом высказывании говорит о двух реальностях, совершенно разных по своей природе, не позволяет сказать, что перед нами трехзначная логика. Есть реальность 1, и есть реальность 2. В смысле реальности 1 сестра умерла, в смысле реальности 2 она не умерла. Поэтому никакого противоречия нет. Но как быть в случае блейлеровского шизофреника, который говорит «Я такой же человек как вы, и я не такой человек как вы»? В этом случае противоречие как будто действительно возникает. Но, может быть, мы слишком формально понимаем высказывание блейлеровского шизофреника. Я вполне допускаю,

что он утверждает нечто следующее: он такой же человек, как доктор в одном смысле и не такой человек совершенно в другом смысле. И если это так, то все учение о схизисе рухнет. Что мы имеем в виду? Каждое высказывание осмысленно только тогда, когда оно употреблено в каком-то определенном контексте. Это можно назвать законом Витгенштейна – значение есть употребление. Допустим, что в первой части своей конъюнкции блейлеровский шизофреник говорит доктору, что он такой же человек, просто потому, что все люди в каком-то смысле одинаковы. Но тут же во второй части конъюнкции он подчеркивает, что он не такой человек, потому что верно и то, что все люди разные. И можно даже предположить, что шизофреник понимает, что у доктора своя реальность, а у него, шизофреника, своя. Поэтому он и не такой человек. И тогда здесь нет никакого схизиса, никакого раскола.

Но, может быть, мы привели просто неудачный пример. Возьмем не менее знаменитый пример схизиса, который приводит Блейлер в том же «Руководстве по психиатрии»²². Он говорит о схизисе у женщины, которая убила своего ребенка. Глаза этой женщины плачут, потому что это был ее ребенок, а рот смеется, потому что это был ребенок от нелюбимого мужа. И опять мы не видим противоречия. Нормальные люди могут одновременно смеяться и плакать, потому что обычная повседневная реальность может быть сама по себе амбивалентной (слово, которое придумал Блейлер), то есть в самой обыкновенной обыденной реальности вполне может иметь место событие, которое способно вызывать одновременно и смех, и слезы. То, что эта женщина не любила своего мужа и любила своего ребенка, вполне тривиальный факт, в этом нет ничего психотического. И есть много лю-

²² Блейлер Э. Руководство по психиатрии. М., 1993

дей, которые смеются, а глаза у них печальные. И эти люди не психотики. Получается что блейлеровский шизофреник – вовсе и не шизофреник? Мы вернемся к этому вопросу позже. А пока нас все-таки интересует пограничное состояние. Вот там действительно две реальности – обыденная, в которой сестра умерла, и высшая, в которой она в определенном смысле жива. Характерно, что ни Блейлер, ни Фрейд не дифференцировали пограничного состояния, потому что они оба были людьми XIX века, людьми позитивизма. В XX веке все уже было не так.

Но заметим все-таки, что шизоид говорит «Я не знаю, умерла моя сестра или нет». А в исходном примере Фрейда сестра как бы говорит «Я не хочу знать, что моя сестра умерла». Что означает это примешивание эпистемической модальности к высказыванию, характеризующему пограничное состояние? Что такое эпистемическая модальность? Это трехчлен: знание – полагание – неведение. Почему важно, что к пограничному состоянию примешивается идея знания со знаком минус? Он не знает, умела ли его сестра. Вспомним высказывание Мура, его доказательство существования внешнего мира. «Я знаю, что это моя рука» – это пример абсолютно достоверного знания. Мог ли бы пограничный человек, тот же шизоид, сказать «Я не знаю, что это моя рука»? Нет, похоже, он так сказать бы не мог, и, скорее, так мог бы сказать психотик. В чем же тогда различие высказываний «Это моя рука» и «Моя сестра умерла»? Или их можно перефразировать, чтобы сделать изоморфными: «Моя рука существует», «Моя сестра существует». Рука – принадлежность тела говорящего, в то время как сестра это другой объект. Сказать «Я не знаю, что моя рука существует» в определенном смысле то же самое, что сказать «Я не знаю, что мое тело существует». Это психотическое высказывание. А если его перефразировать так: «Реально, что мое

тело существует, и неверно, что реально, что мое тело существует»? Все равно интуитивно получается, что это высказывание не пограничного шизоида, а психотика, шизофреника. Почему? Представим себе, что это за состояние, когда, человек не знает, существует он или нет, реален он или нет. Почему мы считаем, что это психотическое состояние, ведь это не полное отрицание реальности, но лишь сомнение в ее существовании. Но это сомнение не в существовании реальности вокруг, а сомнение в существовании реальности самого себя, а это совсем другое дело. Хорошо, сравним тогда высказывания «Реально, что мое тело существует, и неверно, что реально, что мое тело существует» и «Не верно, что реально, что мое тело существует». И то и другое высказывания явно психотические. Что же получается? Что сомнение в существовании своего тела в каком-то смысле приравнивается к полному отрицанию существования своего тела. «Я сомневаюсь, что моя сестра умерла», «Я сомневаюсь в том, что я существую». Почему сомнение в существовании самого себя является гораздо более сильным, чем сомнение в существовании сестры? Разве человек не может сказать о себе «Я не знаю, существует ли мое тело»? И подразумевать при этом «Может быть, мое тело не существует в обыденной реальности, но существует в высшей реальности». И в том ли дело, что бессмертной является душа, а тело нет? «Я сомневаюсь, что моя душа существует». «Реально, что моя душа существует, и неверно, что реально, что моя душа существует». В существование души можно верить и не верить, но сомневаться в этом как-то нелепо. Но если мы приравниваем понятие души к понятию психики, то мы можем допустить такое высказывание: «Я сомневаюсь, что моя психика существует». Такое может сказать только психотик, так как это противоречит декартовскому «Я мыслю, следовательно, я существ-

вую». Почему невозможно сомневаться в том, что я мыслю? А кто же тогда сомневается, что я мыслю? Это сомневается кто-то еще, не я. В чем сущность психоза в данном аспекте? В возможности отрицания существования собственного Я, в отрицании того, что это Я говорю «Меня не существует», а вместо меня говорят какие-то другие сущности, которые тоже не существуют. Но здесь что-то не так. Существует два вхождения в психоз. Первый такт – это отрицание реальности. Но что значит, отрицание реальности? Ничего не существует? Нет, он отказывается только от обыденной реальности. «Моя сестра не умерла», – в то время как для всех очевидно, что она умерла. Это первый такт.

Второй такт – моя сестра жива в какой-то другой реальности. Знание об этой реальности и составляет сущность психоза. Сомнение, амбивалентность – признак пограничного состояния. Уверенность – признак психоза. Пограничный человек тестирует реальность в том смысле, что он разделяет с другими людьми истинность высказывания «Моя сестра умерла», но в глубине души он сомневается в этом. Психотик не сомневается. Знание какой-то истины, находящейся за пределами обыденного опыта, входит в сущность шизофренического психоза, и этим он и интересен.

Итак, мы имеем трехчлен: невроз – пограничное состояние – психоз. Психоз оперирует оператором «неверно, что реально, что», невроз – оператором «реально, что», пограничное состояние – «реально, что и неверно, что реально, что». Но важное отличие это трехчлена от других модальных трехчленов состоит в том, что это континуум. Психотик не всегда психотик. После приступа он может перейти на пограничный или даже на невротический уровень. Но на какой бы уровень он не перешел, в нем остается психотическая часть. И, с другой стороны, невротик, ка-

ким бы «нормальным» он не был, потенциально имеет психотическую часть. Откуда берутся эти психотические части? Откуда берется психоз? Как человек заболевает шизофренией, что происходит в его психике? Психоаналитики говорят, что имеет место регрессия на более низкий уровень сознания. Этот низший уровень сознания заложен в каждом человеке. Если продолжать пользоваться примером Фрейда, то каждый человек может на смерть сестры отреагировать психотически, то есть отрицать ее в качестве первой ступени, первого такта, а затем перейти ко второму такту и утверждать, что его сестра живет в какой-то другой реальности. Психоаналитик считали, что эта регрессия происходит не только на стадию ребенка, но на первобытную стадию сознания. Представим себе, что у первобытного туземца, который едва умеет говорить, умерла сестра. Я думаю, что для первобытного человека, каким мы его представляем благодаря реконструкциям антропологов, не существовало в сознании пси-модального трехчлена в том виде, в каком он существует для современного человека. Допустим даже, что первобытный человек или современный туземец может сказать «Моя сестра умерла». Но для него, как можно предположить, это будет одновременно и утверждение, и отрицание. Утверждение в том смысле, что он действительно будет считать, что его сестра умерла, отрицание в том смысле, что он будет также считать, что его сестра просто перешла в мир мертвецов. При этом первобытного человека нельзя назвать психотиком, потому что тогда надо будет считать, что все вокруг него тоже психотики. Потому что все вокруг тоже будут считать, так же, как он. И можно предположить, что первой заботой первобытного человека будет забота о том, что бы его мертвая сестра не вернулась из мира мертвецов и как-то не навредила ему. Потому что для первобытного человека, каким мы

его представляем из реконструкций антропологов, мир живых и мир мертвых тесно связаны. То есть они могут быть пространственно отграничены, мертвецы могут жить на каком-то особом острове, как это описывал, скажем, Малиновский, но в определенное время мертвецы возвращаются, и надо будет для них устроить пир, чтобы как-то их умилостивить. И я думаю, что самое важное при этом, что у первобытного человека не может быть пограничного состояния сознания. Первобытный человек не может быть, условно говоря, шизоидом. Сомнение ему чуждо, и вообще эпистемический оператор у него сводится к двучлену. Он либо знает, либо не знает. И более того, можно сказать даже, что он только знает, потому что иначе ему было бы невозможно ориентироваться в мире, полном духов и других сверхъестественных существ. Реальность первобытного человека изначально чудесна, алетична. В этой реальности нет невозможного. И в этом смысле, феноменологически, первобытный человек живет все же на уровне психоза. Поэтому и говорят, что психотик регрессирует к стадии первобытного сознания. Можно с уверенностью утверждать, что психотик тоже все знает, ни в чем не сомневается. Незнание или сомнение – прерогатива здоровых людей. Психотик всему найдет объяснение. Если его спросить, например, почему его сестра умерла, он, как и первобытный человек, выдвинет какие-то веские мифологические основания. Но жить в ощущении тотального знания чрезвычайно трудно. Знание порождает страх. Почему? Казалось бы, наоборот, знание должно порождать бесстрашие. Но представим себе, что человек знает будущее. Тогда он будет знать и время своей смерти и смерти своих близких. Постоянный страх продуцирует систему табу, которая нам хорошо известна. Чтобы не прикасаться к высшим силам, которые пронизывают жизнь первобытного человека,

он подобно навязчивому невротичу отгораживается он них системой обрядов. Все это известно, в частности, из книги Фрейда «Тотем и табу».

Что здесь мы можем предложить нового? Вероятно, идею модального синкретизма. Что происходит, когда у современного человека умирает сестра? Смерть близкого родственника это, прежде всего горе, то есть аксиологическая модальность со знаком минус. При этом современный человек ничего не знает о смерти и предпочитает не знать о ней, как об этом писал Хайдеггер. То есть мы имеем здесь эпистемическую модальность со знаком минус. Идея о том, что человек это такое существо, которое тем и отличается от других животных, что знает о своей смерти и должен ее добровольно принять (деонтика со знаком плюс), принадлежащая Гегелю, характеризует не обычного человека, а шизоида, каким и был сам Гегель. Для первобытного человека все иначе. Смерть для него не является однозначно горем. Она может быть долгожданным переходом в другой мир, где жизнь будет лучше (аксиология со знаком плюс). И он знает об этом (эпистемика со знаком плюс). Это должно случиться (деонтика со знаком плюс). Современный человек тоже знает, что смерть неизбежна, но, тем не менее, всякий раз она настигает его и его близких так, как будто произошло нечто невероятное, чего не должно было случиться. Смерть для современного человека это и норма, и отклонение от нормы.

Как же все-таки строится пси-модальность? Мы уже поняли, что высказывание невротика «Я не хочу, чтобы моя сестра умерла» не соотносится напрямую с высказыванием психотика «Неверно, что моя сестра умерла». Но если мы вспомним, что пси-модальность это континуум, то уместно приписать консеквенту оператор «возможно». И тогда мы получим «Если я не

хочу, чтобы моя сестра умерла, то возможно, что неверно, что моя сестра умерла». То есть мое нежелание смерти сестры (которое, впрочем, может скрывать бессознательное желание ей смерти) имплицитно подразумевает возможность того, что она не умерла, так как в каждом невротике есть психотическая часть. То есть в этой имплицитации мое желание может галлюцинировать (в широком смысле этого слова – в фантазиях, например) удовлетворяться. Если бы невротик просто переходил в психотика, то оператор «возможно» был бы не нужен, так как психотическое мышление не знает среднего члена модальностей: возможно, полагаемо, безразлично и разрешено. Психотическое мышление бинарно. Можно привести этому простое объяснение. В психотическом сознании нет Я, на место него становится Оно. То есть первый член психомодальности, который соответствует операторам необходимо, хорошо, известно и должно, соответствует Суперэго. То есть из Суперэго исходит все необходимое, должное, хорошее и известное. Это как будто противоречит тому, что психотическое Суперэго может быть очень жестким и жестоким, и голоса, которые слышит психотик, уверяют его, что он плохой, во всяком случае, на первой стадии развития шизофренического психоза. Но это касается той стадии, когда его Я еще не исчезло, стадии преследования. Это во-первых. А во-вторых, психотическое Суперэго, скажем, мистические «силы» пациентки В. Райха из последней части его книги «Анализ характера» или Бог, или масоны, сами являются если не всегда благими, то, во всяком случае, амбивалентными, они воплощают Имя Отца и весь комплекс Эдиповой диалектики отношения к нему, от любви до ненависти. На место второго члена психотического двучлена становится Оно, которое соответствует тому, что невозможно, запрещено, плохо и неизвестно. Почему Оно – невозможно? Потому что происходит нечто не-

возможное – Я исчезает и на его место становится некая безликая сила психотического влечения. Можно сказать, что это чудо психоза. Психотик может формально говорить, но это говорит уже не его Я, это говорит Оно. Вот почему речь психотика бессвязна и непонятна – это говорит его психотическое бессознательное. Почему Оно соответствует негативно-му аксиологическому члену «плохо»? Потому что психотик и сам оценивает себя как плохого. Именно это внушает ему психотическое Суперэго. По-видимому, этому соответствует архаическое понимание психоза, безумия как наказания за грехи, одержимости бесом. Почему психотическое Оно является запрещенным? Примерно по той же причине. Влечения традиционно всегда оцениваются как нечто низменное и поэтому запрещенное. Если сказать, что влечения традиционно понимаются как сексуальные, то для психотика сексуальность безусловно запрещена, табуирована или перверсирована, как у Шребера. И, наконец, состояние психоза, «состояние Оно», это конечно нечто неведомое, чему нет названия. Посмотрим, что у нас получилось. «Если я не хочу А, то возможно, что не А», где А в данном случае смерть сестры. Но что значит «возможно, что не А»? Это то же самое, что «возможно что А и возможно, что не А». То есть невротик, дающий такую импликацию, на самом деле не уверен, что его нежелание смерти сестры пусть даже галлюцинаторно исполнится, то есть невротик не обязательно переходит в психотический регистр. Он может перейти в пограничный регистр. Возможно, что А, и возможно, что не А. Это все равно, что «А и не верно, что А» – формула пограничного состояния. То есть мы понимаем текучесть этого модального трехчлена. Но в пограничном состоянии Я сохраняется. Чем пограничное состояние отличается от невротического в модальном плане? Пограничное состояние это состояние второго нейтраль-

ного модального члена, состояние сомнения. Но если исходить из идеи модального синкретизма, то это также состояние возможности, разрешенности и безразличия. В каком смысле пограничное состояние можно рассматривать как состояние разрешенности? Кто такой в этом плане шизоид. Шизоид это ведь не сумасшедший. Суперэго шизоида не предписывает ему нечто, как психотику, а разрешает. Об эпистемическом компоненте шизоидного состояния как о сомнении мы уже говорили. То, что шизоидное состояние это нечто возможное, а не невозможное, подобно психотическому состоянию, тоже достаточно ясно. (Вопрос – можно ли рассматривать норму или невротическое состояние как нечто необходимое? Вероятно, разумно было бы сказать, что норма логически необходима, чтобы можно было вообще как-то ориентироваться дальше, отличать нормальное от эксцессивного, и это касается не только психической нормы, но и деонтической и эстетической.) Остается такое понятие, как понятие шизоидного аксиологического безразличия, нечто подобное тому, что Э. Кречмер назвал психэстетической пропорцией. Шизоид не рассматривает себя как плохого, подобно психотику, и не рассматривает себя как хорошего подобно нормальному человеку, которого мы называем синтонным, «безмятежно пребывающим среди вещей», согласно формулировке Л. Бинсвангера. Здесь возникают два интересных дополнения. На стадии величия психотик может рассматривать себя как абсолютно хорошего, как бога, и наоборот невротик может себя рассматривать как безусловно плохого, скажем, виновного в смерти сестры. Второе дополнение касается того, что со времен Фрейда двучлен невротик – психотик не только сменился трехчленом невротик – пограничный – психотик, но и само понимание этих понятий сместилось. И тех, кого Фрейд рассматривал как невротиков, например Раттенмана

(человека с крысами)²³ или Человека Волка мы с современных позиций можем, скорее, рассматривать как пограничных и даже психотиков.

Рассмотрим сначала первое дополнение. Его смысл, как мне кажется, в том, что аксиологическое начало пронизывает все модальности. Рассмотрим алетическую модальность. Необходимость не может не быть «плохой», «хорошей» или нейтральной. В данном случае важно не то, можно ли ее расценить как хорошую и плохую (мы склонны считать, что ее обычно рассматривают как нечто позитивное), а в том, что даже если мы рассмотрим ее как нечто нейтральное, безразличное, это все равно будет аксиологическое измерение, потому что ничто не может быть аксиологически никаким. Почему так происходит? Пример «Моя сестра умерла» здесь не подходит, так как он изначально аксиологичен, рассмотрим предложение «Я вижу дерево». Говорящий может никак не относиться к этому высказыванию. Но даже если он к нему никак не относится (что, вообще говоря, сомнительно – зачем тогда вообще произносить это предложение?), то и в данном случае это аксиология – аксиология со знаком ноль. Ему безразлично, что он видит дерево. Такое положение вещей будет соответствовать состоянию депрессии, депрессивной деперсонализации. Когда человек говорит «Мне все равно», это тоже аксиологическая оценка. Просто стоящее дерево, за которым никто не наблюдает, никак аксиологически не окрашено. Но это невозможно. В реальность всегда включен наблюдатель. А раз в нее включен наблюдатель, то это субъект, которому всегда либо хорошо, либо плохо, либо безразлично. Поэтому аксиология это не обычная модальность среди других модальностей, а некая гипермодальность. Что это нам

²³ Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивости // Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. М., 2007

дает для понимания пси-модальности? Возьмем оператор невозможно. Когда человек говорит «Это невозможно!», он вкладывает в свое высказывание какую-то аксиологическую оценку.

Теперь что касается второго дополнения. Раттенман, болезнь которого описана Фрейдом в одном из пяти больших случаев, страдал тяжелым неврозом навязчивых состояний. Это был офицер, который очень любил своего отца и полагал, что не может жениться на даме, которую он также любил, потому, что от этого его отец умрет. Вот в чем двух словах заключалась его obsessia. Obsessia – классический невроз, который Фрейд исследовал после истерии, с которой начался психоанализ. Что такое истерия? Это когда полученная травма вытесняется в бессознательное и на ее месте возникает квазисоматический симптом. Оценивая клиническое наследие Фрейда, некоторые современные психоаналитики предположили, что истерички, описанные Фрейдом, были на самом деле множественными личностями, то есть, в сущности, психотиками (это мнение подытожила Ненси Мак-Вильямс в известной книге «Психоаналитическая диагностика»²⁴). При этомстораживает уже то, что в свете наших рассуждений пример Фрейда, которым мы все время пользуемся «Я не хочу знать, что моя сестра умерла», как мы показали выше, характеризует не невротическое, а пограничное состояние, поскольку там заложен эпистемический оператор. С другой стороны, мы в своих исследованиях показали, что истерия восходит к архаическим обрядам перехода, к свадебному обряду и обряду погребения, когда женщины проявляют предусмотренное обрядом акцентуированное истерическое поведение – плачут и рыдают. То есть то, что мы называем истерией, вос-

²⁴ Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М., 1998

ходит к архаическим корням, если не первобытного, то достаточно древнего и уж во всяком случае, не викторианского явления. Когда мы говорим о неврозе навязчивости, его формула тоже, в сущности, не невротическая. «Я не могу жениться на этой женщине, потому что мой отец умрет». Сколько же здесь заложено модальностей? Это, прежде всего, деонтическая модальность – невротик себе запрещает делать нечто, потому что он этого хочет. То есть сразу подключается аксиологическая модальность. Но также очень сильно подключен эпистемический оператор: пациент говорит, что он знает, что, если он женится на любимой женщине, его отец умрет. Откуда он это знает? И здесь подключается четвертая модальность – алетическая. Как любой невротик навязчивых состояний он обладает всемогуществом мыслей. Но алетическая модальность это основной признак психотического состояния. Именно психотик живет в мире чудесного. К тому же в своем анализе случая Раттенманна Фрейд все время подчеркивает его амбивалентность – то он хочет убрать камень с дороги, по которой должна поехать его возлюбленная, то он хочет положить его обратно. В своих исследованиях мы показали, что так же, как истерия, обсессия связана с таким архаическим институтом, как заговоры – магические действия, направленные на что-то хорошее или дурное. С другой стороны, Фрейд в книге «Тотем и табу» подчеркивал связь системы табу с неврозом навязчивости. Но ведь система табу тоже чрезвычайно архаическая. Фрейд как будто не понимает того, что он рассуждает странным образом. К тому времени было уже разработано учение о регрессии при психозе в первобытную стадию, а здесь получается, что первобытный человек был невротиком навязчивых состояний. Как это объяснить? Предположение, что первобытные люди были невротиками абсурдно, так как невротик тестирует реальность, первобытный же человек жи-

вет в регистре психоза, то есть высказывание о реальности у него одновременно является частью самой реальности (как показал Лосев). Остается предположить, что невроз навязчивых состояний – не невроз? А что же это? Вдумаемся во фразу «Если я женюсь на этой женщине, мой отец умрет». Можно ли сказать, что человек, произнесший эту фразу, тестирует реальность? Что это за реальность, в которой устанавливаются акаузальные связи между женитьбой человека и смертью его отца? Ведь при этом не имеется в виду, что отец так расстроится из-за женитьбы пациента, что умрет. Отец Раттенманна давно умер, а он еще продолжал сомневаться, жениться ему или нет на той даме. То есть он не хотел расстраивать мертвого отца. Каждый день он ждал появления призрака отца, чтобы показать ему свои гениталии. Похоже, этот человек не тестировал реальность. Вернее, тестировал ее в одном и не тестировал в другом. Он и хотел жениться на этой женщине и в то же время не хотел этого. Такое положение вещей есть не что иное, как схизиз. Но мы в наших рассуждениях выше показали, что теория схизиза Блейлера не выдерживает критики в том плане, что схизиз это не гарант психоза. Что же гарант психоза? Только отказ от реальности и репаративное построение новой фантастической реальности, то есть модель Фрейда.

Реально, что моя сестра умерла, но я не хочу знать об этом (невроз)

Реально, что моя сестра умерла, и неверно, что моя сестра умерла (пограничное состояние)

Неверно, что реально, что моя сестра умерла (психоз)

Получается, то, что Фрейд называл неврозом, соответствует тому, что теперь называют пограничным состоянием. То, что Блейлер называл психозом, тоже соответствует пограничному состоянию. Похоже, что

неврозов вообще не существует? Когда человек говорит «Я не хочу, чтобы моя сестра умерла» (истерия) или «Я не чувствую, что моя сестра умерла» (обсессия), или «Мне все равно, что моя умерла (депрессивная деперсонализация, скорбное бесчувствие), то не кажется ли что это нормальные реакции человека? Никому не хочется признавать поначалу, что его любимые родственники умерли. Многие поначалу становятся как бы бесчувственными и деперсонализированными. То есть все нормальные люди – «невротики». Но все же следует разобраться, что Фрейд понимал под неврозом в свете его второй теории психического аппарата.

Невроз – это результат конфликта между Я и Оно, тогда как психоз это аналогичный исход такого же нарушения в отношениях между Я и внешним миром («Невроз и психоз», 1924).²⁵

Фрейд разграничивал психоневрозы, или неврозы переноса (истерию и обессию – результат конфликт Я и Оно), нарциссический невроз (который не образует переноса, как он считал, – меланхолию, близкую, по его мнению, к психозу, результат конфликта между Я и Суперэго) и, наконец, психоз – результат конфликта Я и реальности. Для психоневрозов основным механизмом защиты является вытеснение, на них Фрейд и построил свою теорию бессознательного. Для меланхолии – основным механизмом защиты является интроекция, для психозов – проекция. Что такое конфликт между Я и Оно? Здесь главным становится понятие травмы. Будущий невротик получает в раннем детстве травму сексуального характера, которая вытесняется в бессознательное, а потом замещается квазисоматическим симптомом при истерии и навязчивым представлением или действием при обсессии. Почему это конфликт между Я и Оно? Оно – это вле-

²⁵ Фрейд З. Невроз и психоз // Фрейд З. Влечения и неврозы. М., 2007

чения, сексуальность, которая вытесняется в бессознательное. А Суперэго здесь как будто не причем. Но так ли это? Истерия и obsессия возникают, по Фрейду, на стадии Эдипова комплекса, когда отцовское Суперэго уже вовсю действует. И именно вследствие анальной фиксации, обусловленной отцовским Суперэго, возникает obsессивный невроз. А истерия? Истерическая травма связана с сексуальным столкновением с женщиной, то есть с тем же отцом или замещающей его фигурой, что сам Фрейд очень подробно показал в случае Доры. Получается, что Суперэго играет не меньшую роль в возникновении психоневрозов, чем при меланхолии. Что же происходит в последнем случае? Мы все помним, что при депрессии действительно имеет место очень жесткое Суперэго, но откуда берется это жесткое Суперэго, если депрессия возникает на оральной стадии, когда главным персонажем при ребенке является мать? Опять нелогично. Свет проливает концепция Мелани Кляйн, согласно взглядам которой меланхолия возникает на депрессивной позиции, в районе года, то есть является гораздо более ранней по сравнению с психоневрозами и поэтому более тяжелой. И Суперэго здесь тоже раннее, архаическое, и Эдипов комплекс тоже ранний. И так уже ли точно, что при меланхолии нет конфликта Я и Оно, сферой влечений? Да, депрессивный человек ощущает давление архаического Суперэго. Но почему он его ощущает? Это чувство вины за агрессию по отношению к материнской груди на параноидно-шизоидной позиции, то есть Оно (Id) тоже может быть архаическим. Получается, что во всех трех «неврозах» конфликт между Суперэго, Я и Оно имеет место. В чем обоснованнее сомневаться – во второй теории психического аппарата или в том, существует ли вообще такая вещь, как невроз. Я предпочитаю не сомневаться во второй теории психического аппарата. Но тогда получается, что неврозов вообще не су-

ществует, невроз это фикция. То есть существуют невротические реакции здоровых людей, а Фрейд лечил то, что мы теперь называем пограничными состояниями. Но не получается ли это спор о словах? Нет, это доказательство того, что «невроз» для человека нового времени это нормальное состояние. Разве не нормально испытывать чувство вины, подавленности при определенных обстоятельствах, поплакать, побегать по комнате от возбуждения, разве большинство людей не суеверно подобно обсессивным невротикам? Что же это все означает? Это означает, во-первых, что мы можем приравнять невроз к норме и, во-вторых, мы можем задать вопрос, почему возникает такой человек, у которого такая нездоровая норма?

Невротик живет внутренней жизнью, а нормальный человек – внешней жизнью. Невротик – это интроверт, нормальный человек – экстраверт. Так получается. Но мы показали, что характерологический невроз это и есть норма для человека христианской культуры. Значит, экстравертов не существует, и все люди живут внутренней жизнью – если все невротики? Хорошо, возьмем современную типологию характеров. Там есть характеры, которые соответствуют юнговскому экстраверту – циклоиды, истерики, эпилептоиды, и есть характеры, которые соответствуют юнговскому интроверту – психастеники, ананкасты и шизоиды. У каждого характера своя норма. Что такое циклоид? Это либо депрессивный человек, либо гипоманиакальный, либо синтонный. Но синтонных людей очень мало. Ну хорошо, их очень мало, но они есть. Это люди, которые «безмятежно пребывают среди вещей». Каких вещей? Скорее, не вещей, а фактов. Они безмятежно пребывают среди фактов. И что, они живут внешней жизнью и не живут внутренней жизнью? Нет, этого не может быть. Представим себе какого-нибудь пьянчугу-слесаря,

который нацепил себе на грудь крест и считает себя православным. Он, скорее всего, вообще не представляет собой одного целостного характера, это мозаик-органик, то есть, скажем, немного от циклоида, немного от эпилептоида и немного от истерика. Он добродушный, но легко взрывающийся. Когда напьется, бьет жену, а потом плачет. Во-первых, можно как будто утверждать, что этот человек точно экстраверт, и, во-вторых, Евангелие ему точно не нужно. Что можно возразить по первому пункту? Что же, у него вообще нет внутренней жизни? Какая может быть внутренняя жизнь у слесаря-органика? Он напивается с приятелями, такими же слесарями, смотрит телевизор. Он ничего не читает. У него *нет* внутренней жизни! Но внутренняя жизнь это что-то другое. Она есть у *каждого* человека христианской культуры. Принадлежит ли органик-слесарь христианской культуре? Принадлежит! И не потому что он зачем-то нацепил крест. Если бы на нем не было креста, то он все равно принадлежал бы ей.

Прежде надо все же подробно обосновать, что невроз является фикцией. Примем за аксиому, что невротическое состояние отличается от нормального только количественно, а не качественно (об этом писал уже Фрейд: «между условиями здоровья и условиями невроза не существует качественного различия, <...> здоровые люди, скорее, должны справляться с теми же задачами по преодолению либидо, но только им это удастся лучше»²⁶). Примем также, что нормальное состояние и поведение это сумма элементарных невротических реакций. Каждый человек чего-то боится (фобическая реакция), каждый человек склонен себя демонстрировать (последнее обосновал А. И. Со-

²⁶ Фрейд З. О типах невротического заболевания // Фрейд З. Влечения и неврозы. М., 2007

сланд в книге «Фундаментальная структура психотерапевтического метода»²⁷) (истерическая реакция), каждый человек в той или иной мере суверен и каждому человек приходится быть поневоле педантичным, например, не опаздывать на работу (обсессивно-компульсивная реакция), у каждого человека может быть плохое настроение (депрессивная реакция), все люди спят (что является каждодневным эквивалентом бреда и галлюцинаций (шизофреническая реакция). Каждой из этих реакций, из которых, в сущности, и состоит человеческая жизнь, соответствует определенная модальность – тип отношения высказывания к реальности. Так, фобическая реакция (испуг) это аксиология со знаком минус (Акс-), истерическая реакция (демонстративность) это аксиология со знаком плюс (Акс +), обсессивно-компульсивная реакция (педантизм и суеверие) это деонтика со знаком плюс (Д+) и алетика со знаком плюс или минус (могут быть позитивные знаки и негативные), депрессивная реакция это аксиология со знаком минус (Акс-), шизофреническая это алетика со знаком плюс или минус (Ал+-). Но если бы человек в каждый момент времени проявлял только одну из этих реакций, это было какое-то примитивное существо. (Собаки тоже пугаются, у них тоже может быть плохое настроение и т. д.). Если бы человек только боялся или только не опаздывал на работу и т. д., это был бы не человек. Люди сложны, они могут проявлять сразу несколько реакций или одну за другой в очень краткий промежуток времени, то есть почти одновременно. Вот человек просто идет по улице. Он задумался, мимо резко проехала машина и испугала его (фобическая реакция). Он подумал: «Господи, пронесло! Ведь могла бы и задавить!» и мысленно перекрестился (обсессивно-ком-

²⁷ Сосланд А. Фундаментальная структура психотерапевтического метода. М, 1999.

пульсивная реакция). Тут он увидел беременную женщину и подумал, что это к удаче (обсессивно-компульсивная реакция), но тут же он вспомнил свою жену, которая не может иметь детей, и у него испортилось настроение (депрессивная реакция), он подумал тогда: «Лучше вообще не жить, только спать «и видеть сны, быть может» (реакция отказа от реальности, шизофреническая). Этот человек – совершенно нормальный. (Другой вопрос, существуют ли вообще такие люди? Мы сейчас этот вопрос не рассматриваем.) Патология начинается тогда, когда происходит то, что Фрейд назвал выбором невроза, то есть когда человек склонен реагировать на события только одним из перечисленных способов – то есть либо бояться, либо истерически рыдать, либо все время навязчиво креститься и так далее. То есть невротическое (в смысле Фрейда) поведение это обеднение личности в модальном плане. И вот теперь посмотрим, что такое с точки зрения модальностей, что происходит в классических случаях Фрейда, которые он называл неврозами. Фобия (или тревожная истерия), случай маленького Ганса. У него была фобия больших белых лошадей, и он поэтому боялся выходить на улицу. Лошадь у него ассоциировалась с отцом, и все это было связано с эдиповым комплексом. Итак фобия, это фиксация на аксиологической модальности со знаком минус (Акс-) плюс пространственное ограничение (пространство – тоже модальность; она описана нами в книге «Морфология реальности»²⁸ – клаустрофобия, агарофобия. Второй случай это конверсионная истерия – Фрейд, случай Доры²⁹, которая была влюблена в некоего господина К. (он был опять-таки субститутотом отца). Однажды он поцеловал ее и коснулся (по реконструкции Фрей-

²⁸ Руднев В. Морфология реальности. М., 1996

²⁹ Фрейд З. Фрагмент исследования истерии // Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. М., 2007

да) к ней эрегированным членом. После этого у нее началась тошнота. Здесь мы видим аксиологию со знаками и плюс и минус (с одной стороны, она ужаснулась, но, с другой стороны, ей было приятно) – амбивалентность характерна для всех психических расстройств, и это важно – и деонтику со знаком минус (безусловно истерия началась у этой девушки и потому, что она поняла, что произошло нечто недозволенное, поскольку она была воспитана в викторианском духе; можно предположить, что на современную девушку это событие не произвело бы такого болезненного впечатления). Далее – невроз навязчивости (обсессивно-компульсивное расстройство) – случай человека-крысы. Офицер думал, что если он женится на любимой женщине, его отец (вновь отец!) умрет. Здесь мы видим проявление деонтики со знаком плюс и алетики со знаком минус. Депрессивных расстройств Фрейд подробно не рассматривал. Поэтому представим, просто, что у человека умер опять-таки отец, и он него началась тяжелая меланхолия – аксиология со знаком минус. Шизофренический случай Фрейд описал в истории сенатора Шребера, у которого был бред, в котором он считал необходимым совокупление Богом (отцом!) Алетика, деонтика, аксиология, эпистимика. Наша задача показать, что такой вещи, как невроз не существует. Существует (то есть логически корректней выделить) трехчлен: нормальное состояние – пограничное состояние – психоз (то, что и психоз это фикция, будет следующим шагом). Норма с точки зрения модальностей характеризуется тем, что здесь могут присутствовать любые модальные операторы и могут не присутствовать вообще никакие: просто человек сидит и ни о чем не думает. Пограничное состояние это такое положение вещей, когда знак модального оператора изменяется на противоположный или амбивалентный. Например, при истерии все было хорошо, а потом стало плохо, но в то же время и хорошо. Запрет нарушен,

человек страдает, но не только не может выбраться и своего страдания, но и получает от него определенное удовольствие (бегство в болезнь, рентность невроза по Фрейд). Обсессия это когда все было хорошо, но стало плохо, человек мучается от того, что ему хочется жениться, но он не может нарушить мистический запрет (своеобразная алетическая деонтика), иначе его отец умрет. И, в то же время, бессознательно желает ему смерти, чтобы жениться, чтобы было хорошо. И опять-таки он получает определенное удовольствие от своего страдания. Депрессия это когда было все хорошо, а потом стало плохо, и человек завяз в этом плохом состоянии и тоже уже и не хочет из него выходить (рентный характер депрессии очевиден – можно не ходить на работу и т. д.). Что в этом смысле представляет собой психоз? Это тоже когда все было хорошо, и стало устойчиво плохо, но потом все стало опять хорошо, но уже в другой реальности. Норма это принятие реальности, пограничное состояние это амбивалентное отношение к реальности психоз это отказ от реальности и построение новой бредово-галлюцинаторной реальности. Как же в таком случае может не существовать психоза, или как психоз может стать нормой?

Мы наивно склонны считать, что если у человека бред и галлюцинации, то это психоз. Но на самом деле мы точно не знаем, ни что такое бред, ни что такое галлюцинации. Что такое бред? Это, как говорят психиатры, «неправильное мышление», представление того, чего нет в реальности так, как будто оно есть. Типов бреда есть очень много – бред отношения, бред преследования, бред воздействия, бред величия. Вот главные из них, которые присутствуют на разных стадиях психотического расстройства, которое мы называем шизофренией. Рассмотрим бред отношения. Это такое положение вещей, когда человеку кажется, что все происходящее вокруг, относится к нему. Я вспоминаю пример своего коллеги психотерапевта Алек-

сандра Капустина. Он считал, что у него бред отношения. Однажды он шел по улице и услышал, как его зовут: «Капустин!». Он повернул голову и увидел рабочих на лесах, которые чинили дом. Потом он подумал и понял, что ослышался – они говорили «Пропустим». Человеку вообще свойственно думать, что все вокруг в мире относится к нему. Но бред отношения это иное. Это когда люди разговаривают, а больному кажется, что это разговаривают о нем. Но где гарантия, что они действительно не разговаривают о нем. Другое дело, что когда у человека бред, ему это тягостно, он от этого мучается и страдает. Но человеку вообще свойственно мучиться и страдать. Далее бред отношения может перерасти в бред преследования. Психотик думает: «Если они все наблюдают за мной, значит, они меня преследуют». Мой близкий друг, известный психолог, рассказывал мне такую историю. Они с его другом, теперь известным режиссером, слушали лекцию по психиатрии. Преподаватель говорил о бреде преследования. Тогда будущий режиссер спросил: «А что если его действительно преследовали?» Ну а что, если его действительно преследовали? Как мы можем отличить случай, когда у человека бред преследования от случая, когда его действительно преследуют? Многих диссидентов преследовало КГБ, и КГБ было выгодно представлять дело так, чтобы этого человека принимали за шизофреника. Тогда его можно было запереть в психушку и заколоть нейролептиками, и уж в этом случае он действительно превращался в шизофреника. Критерий страдания здесь не работает. Когда человека на самом деле преследуют, он тоже страдает. Следующий этап – бред воздействия, синдром Кандинского-Клерамбо – человеку кажется, что ему в мозг вкладывают мысли, это нестерпимо мучительно. Кого рода это могут быть мысли? Ему могут внушать, что он очень плохой, грешник, или наоборот, что он избранный Богом. В этот момент у че-

ловека обостряется феномен, который Фрейд назвал всемогуществом мысли. Человеку кажется, что он знает будущее, вообще знает все на свете, что на него воздействуют потусторонние силы, которые передают через него важные для всего мира послания. Это случай Даниила Андреева, который сидел в тюрьме и по ночам ему рассказывали и показывали разные странные вещи о трансфизической реальности. На основе этих посланий он написал «Розу мира», одно самых странных и интересных произведений эзотерической мысли. Если бы Даниил Андреев был нормальным, он не написал бы «Розу мира». Хорошо, это доказывает только, что есть такие гениальные люди, которые гениальны благодаря своему психозу. Но так можно зайти очень далеко. Альберт Эйнштейн был тоже шизофреник, и его теория относительности, в сущности, очень причудливая концепция. Джеймс Джойс тоже был шизофреником, его «Поминки по Финнегану» очень похожи на бред. Александр Блок, Андрей Белый, Осип Мандельштам, Антонен Арто, Франц Кафка, Густав Майринк, Карл Густав Юнг, Вильгельм Райх, Фредерик Перлз, Жак Лакан, Людвиг Витгенштейн, Жиль Делез, Михаил Булгаков, Даниил Хармс, Александр Введенский, Велимир Хлебников, Казимир Малевич, Андрей Платонов, Сальвадор Дали, Дмитрий Александрович Пригов. О живых умалчиваем. Вся культура, во всяком случае, вся культура XX века, это культура шизофреников. А нормальные люди – это те, которые читают Дарью Донцову в метро и смотрят по телевизору сериалы. Что такое норма и что такое психоз? Хлебников объявил себя председателем земного шара (это уже бред величия, при котором человек практически не страдает) и писал безумные (заумные) стихи. Что ж, я считаю нормальным скорее Хлебникова, а не тех людей, которые читают Дарью Донцову и смотрят по телевизору ту чушь, которую им впаривают. Где норма и где психоз? Ну, хорошо, но ведь не

все великие деятели культуры XX века были психотиками. Например, Фрейд был совершенно нормальным человеком, уважаемым профессором. Но это нам сейчас так кажется. Вся история начального психоанализа была история скандалов и обвинений Фрейду и его ученикам, которых нормальные люди объявляли безнравственными развратниками, потому что они разрушили неприкосновенный миф о золотом детстве и считали, что маленький ребенок это полиморфный перверт. Это ли не психоз – полагать, что 3–5-летний ребенок только и мечтает о том, чтобы переспать с матерью и убить отца. Мы просто к этому привыкли – эдипов комплекс, нормально! Вспомним, как во всех примерах неврозов и психозов у Фрейда, которые мы приводили выше, все происходит из-за отца. А еще Фрейд считал, что братья в первобытной орде убили отца и съели, и так началась цивилизация. Это «Тотем и табу», книга, над которой смеются даже сами психоаналитики? У Фрейда рано умер отец, и смерть отца была для него сверхценной идеей. А что такое сверхценная идея? Это то, что организует параноидальное мышление. Да, у Фрейда не было бреда и галлюцинаций, как у Юнга (или мы этого просто не знаем). Но то, что Фрейд был уважаемым профессором, был лишь его фасад, Персона, ложная личность.

Мы хотим обосновать гипотезу, в соответствии с которой нет ни невроза, ни психоза, а есть только пограничные состояния. В культурном смысле идея, что психоза не существует, потому что культура (во всяком случае, культура XX века) психотична, вполне обоснована. Но как быть с теми психотиками, простыми людьми, которые месяцами или даже годами лежат в больнице, делают под себя и никаких гениальных мыслей у них не возникает? Можно ли применительно к этим, стопроцентно больным людям, сказать, что психоза не существует? Здесь возможны два

соображения. Рональд Лэйнг считал, что шизофрения это по большей части притворство. Больные играют в психотиков, когда приходит врач в палату, как симулянты в «Золотом теленке». Лэйнг не отрицал, что существует шизофрения, но он понимал ее как другое мышление. К тому же, как и Кречмер, Лэйнг, четко не разграничивает в своей книге шизоидов и шизофреников – все это люди с расколотым Я – то есть это блейлеровская концепция шизофрении как амбивалентности, схизиса, а мы показали выше, что она не выдерживает критики. Другое соображение касается гипотезы Тимоти Кроу (1997)³⁰, который считал, что все люди шизофреники по природе, что это наследственная болезнь homo sapiens. Что это нам дает? Кроу не утверждал, что все люди психотики, но из его гипотезы следует, что у каждого человека есть зерно шизофренического психоза. Давайте определимся. Что такое психоз (шизофренический функциональный психоз, об органических психозах мы – пока – не говорим)? Психоз это острое расстройство психики, при котором происходит отказ от реальности, исчезает Собственное Я, то есть имеет место неразграничение Я и не Я, и происходит регрессия к сознанию младенца = первобытному сознанию. И при этом, что очень важно, психоз это такое состояние, когда вокруг человека, как он чувствует, нет ни одного хорошего объекта. Последнюю мысль подробно обосновал Вейкко Тэхкэ в книге «Психика и ее лечение: Психоаналитический подход»³¹. Но каждый из фрагментов этого понимания психоза можно подвергнуть критике. Что такое отказ от реальности, или, говоря современным языком, отсутствие тестирования реальности, если

³⁰ Crow T. Is schizophrenia is the price that Homo sapiens pays for language? // Schizophrenia Research, 28, 1997

³¹ Тэхкэ В. Психика и ее лечение: Психоаналитический подход» М., 200

реальности не существует. Но как же так ее не существует? Ее не существует в философском смысле, она иллюзорна, по буддизму, или вторична, по Платону и его последователям, например, Декарту и Гегелю. Это совсем не то, что утверждать, что реальности не существует в житейском смысле. Вот я сижу за компьютером и пишу книгу. Все существует: и я, и компьютер, и небо за окном. Но все это существует, пока «я мыслю», то есть пока я за этим наблюдаю. Реальность не существует без наблюдателя. Но когда Фрейд говорил, что психотик отказывается от реальности, он имел виду, что тот отказывается от реальности без наблюдателя. Мнение, что такой реальности не существуют, разделяют и современные физики. А если он отказывается от реальности с наблюдателем, то это ничем не отличается от того, что он просто засыпает и временно существует в выдуманной реальности, которая неотличима от психотической. Можно сказать, что психотик это человек, который всегда спит. Но Гурджиев считал, что все люди спят. Почему я должен доверять клиническим психиатрам, которые ничего не понимают в философии, а не Гурджиеву (который ничего не понимал в клинической психиатрии). Я занимаюсь философией психиатрии, и доверять приходится только логике. Итак, критерий отказа от реальности не работает. Гораздо более серьезный критерий это неразграничение Я и не Я и регрессия на стадию младенца, на параноидно-шизоидную позицию в терминах Мелани Кляйн. Но все равно, как писал Тэхкэ, такого психотика нельзя кормить с ложечки, потому что он продолжает оставаться взрослым человеком. То, что он становится, как ребенок, это некая клиническая метафора. Будьте, как дети. Иисус тоже не призывал к тому, чтобы взрослые люди превращались в младенцев. А к чему он призывал? Я думаю, прежде всего, к детской искренности, отсутствию стереотипов, того, что Юнг называл Персоной, а Гурджиев

(и, кстати, Лэинг тоже) – ложной личностью. Ведь что Иисус имел против фарисеев? Он не говорил, что их учение ложно. Он говорил ученикам: «Что они говорят, делайте». Фарисеи, так же как и Иисус, верили в воскресение и загробную жизнь, и среди них были порядочные и честные люди, например, Никодим. Иисус был против их «лицемерия», то есть мелочной показной обрядности (то есть, в сущности, против того, в чем потом Толстой обвинял христианскую церковь). Но дети-то как раз и есть психотики или, по меньшей мере, потенциальные психотики – полиморфные перверты. Что значит не отличать Я и не Я, если у человека нет постоянного Я (по Гурджиеву), если всякий человек диссоциирован, сейчас он хочет одного, потом другого, или одного и другого одновременно. «Есть хочется, худеть хочется» – это не слова шизофренички Элен Вест, а вполне здорового сангвинического персонажа фильм Никиты Михалкова «Раба любви», которого играет Калягин. Что значит, что в психозе нет ни одного хорошего объекта? Здесь я скорее не согласен с Тэжкэ. Если психоз понимать как следствие неудавшихся отношений ребенка с матерью, как он это понимает, то сколько есть «невротиков», то есть нормальных людей – мизантропов, человеконенавистников. И потом сколь бы плоха ни была шизогенная мать, даже у детей – тяжелых ранних аутистов, есть хорошие объекты, например, какие-то механизмы или провода, как у мальчика из книги Бруно Беттельгейма «Пустая крепость», посвященной раннему аутизму. Мне кажется, что при полном отсутствии хорошего объекта человек просто бы умер. Но, если я прав, и нет ни, невроза ни психоза, то что же тогда есть? Есть пограничные состояния. Пограничные между чем и чем? Между нетворческой нормой («нормозом» (Игорь Кадыров), или «нормопатией» (Джойс МакДуггал) и творческим состоянием, между спящей машиной и совершенным человеком. Что это значит конкретно?

Когда мы говорим, что невроза и психоза не существует, мы, конечно, тоже употребляем слово «существует» метафорически. Конечно, они не существуют в том, смысле, в каком существуют дерево и трава. Невроз и психоз это просто слова, придуманные людьми, причем сравнительно недавно, в XIX веке. Просто мы считаем, что их применение не адекватно отражает то, что происходит с психически нездоровыми людьми. Это понятно. Но если мы полагаем, что понятие пограничного состояния, напротив, отражает положение дел адекватно или, во всяком случае, более адекватно, то мы должны показать, что между тем, что традиционно называют психозом, прежде всего шизофренией, с одной стороны, и тем, что традиционно называют неврозами, то есть, прежде всего, истерией, навязчивостью и депрессией, нет принципиального различия. Легче всего это показать на примере навязчивости. Что такое навязчиво-компульсивное расстройство? Это такое положение вещей, когда человек совершает бессмысленные действия (компульсии) или повторяет бессмысленные выражения (навязчивости), которые снижают его тревогу. В понимание невроза навязчивых состояний входит две модальные сферы: деонтика со знаком плюс (педантизм) и алетика со знаком минус («Если я женюсь на этой женщине, мой отец умрет»). Педантизм это особенность невроза навязчивых состояний. Чудесное, алетика это то, что тесно связывает его с шизофренией. Психотик на стадии реституционного бреда всегда живет в сфере чудесного – общается с Богом, как Шребер, или считает самого себя Богом, как Ницше, или строит фантастические концепции мироздания, как Даниил Андреев. В общем, психотик это всегда мистик. Но и невротик навязчивых состояний тоже всегда мистик. Ведь что такое импликация «Если я женюсь на этой женщине, мой отец умрет»? Это магическая импликация, практически то же самое, как

когда человек прокалывает иголкой фигурку врага и враг после этого умирает. Это магия. Но психотику нет нужды прибегать и к магии, в его фантастической реальности уже нет вообще никаких, пусть даже фантастических логических операций. Все совершается само собой – отец умирает, потом воскресает, в общем, все происходит, как во сне. Значит, все-таки отличие есть. Конечно, есть, мы и не утверждали, что обсессия и шизофрения это одно и то же. Мы утверждаем другое: что ни обсессия не является неврозом, ни шизофрения – психозом. Мы стараемся показать их близость, а не тождество. Если же в двух словах обрисовать различие между обсессивной магией и шизофренической верой в потусторонние силы, то это различие и будет заключаться в этих двух ключевых словах – магия и вера. Магия это когда манипулируют с объектами, прибегая к потусторонней силе нечистого, дьявольского характера. Вера это вручение себя Богу. С Богом нельзя заключать договор, его можно заключать только с чертом. Но это не значит, что психотик всегда себя вверяет божественной силе, а обсессивный однозначно заключает договор с дьяволом. Например, «психотик» Адриан Леверкюн заключил договор с чертом, а «обсессивный невротик» Человек-Волк отождествлял себя с Христом. Шизофрения и обсессия вообще тесно переплетены. Когда Фрейд в «Тотеме и табу» говорил о первобытном мышлении, прежде всего, о системе табу и связывал ее с неврозом навязчивых состояний, он был совершенно прав. Но при этом он не заметил противоречия, о котором мы уже писали выше: что первобытное сознание скорее психотично, а не обсессивно, и если в нем есть обсессивно-магические черты, то все равно называть первобытных людей невротиками нелепо, а психотикам – и нет, недаром психоаналитики так и говорили, что шизофренический психоз это регрессия на стадию первобытного мышления. Я ду-

маю, чтобы прояснить дело окончательно, следует вернуться к гипотезе Кроу. Если каждый человек – хотя бы немного шизофреник, если у него есть шизофренический ген, то слово шизо- может быть употреблено применительно к каждому психическому расстройству. Мы эту гипотезу обсуждали с моим коллегой Михаилом Бойко и недавно опубликовали на этот счет статью, где каждый из характеров получает префикс шизо-³². Сейчас я делаю более сильное утверждение, в соответствии с которым существуют только шизорасстройства – шизоистерия, шизообсессия, шизодепрессия, шизопаранойя и шизо-шизофрения, и все они представляют собой пограничные расстройства. Слова же истерия, обсессия, депрессия, и даже паранойя и шизофрения означают нормальных людей. Но это вроде бы противоречит гипотезе Кроу, в соответствии с которой все люди так или иначе шизо-. Но Кроу в указанной выше статье писал (на наш взгляд, справедливо), что психические расстройства, в частности МДП и шизофрения, не четко отграничены друг от друга, а представляют собой континуум. На одном конце этого континуума находятся люди, которых принято называть нормальными, на другом – те, которых принято называть психотиками. Нормальные люди являются шизо- в наименьшей степени, психотики – в наибольшей. Нормальный человек принадлежит к шизо-, потому что он пользуется арбитрарным языком, где слова не похожи на вещи, которые они обозначают. В этом и состоит суть гипотезы Кроу. Здоровый человек здоров в той мере, в которой может быть здоровым «больное животное», как определил человека Ницше. Поэтому может быть здоровый истерик, здоровый ананкаст, здоровый меланхолик, здоровый параноик и даже здоровый шизо-

³² Бойко М. Е., Руднев В. П. Реализм и характер // Знание. Понимание. Умение, № 3, 2011

френик (термин М. Е. Бурно.) Но отличие здоровых людей от больных в том, что они могут быть понемножку и тем, и другим, и третьим.

Литература

Блейлер Э. *Руководство по психиатрии*. М., 1993. Бойко М. Е., Руднев В. П. *Реализм и характер // Знание. Понимание. Умение*, № 3, 2011

Маквильямс Н. *Психоаналитическая диагностика*. М., 1998.

Руднев В. *Морфология реальности*, М., 1996

Руднев В. *О шизоистерическом характере // Консультативная психология и психотерапия*, № 2, 2011;

Сосланд А. *Фундаментальная структура психотерапевтического метода*. М., 1999.

Тэхкэ В. *Психика и ее лечение: Психоаналитический подход* М., 2001

Фрейд З. *Фрагмент исследования истерии // Фрейд З. Знаменитые случаи из практики*. М., 2007.

Фрейд З. *О типах невротического заболевания // Фрейд З. Влечения и неврозы*. М., 2007

Фрейд З. *Невроз и психоз // Фрейд З. Влечения и неврозы*. М., 2007

Фрейд З. *Потеря реальности при неврозе и психозе // Фрейд З. Влечения и неврозы*. М., 2007

Фрейд З. *Заметки об одном случае невроза навязчивости // Фрейд З. Знаменитые случаи из практики*. М., 2007

Crow T. *Is schizophrenia is the price that Homo sapiens pays for language?* // *Schizophrenia Research*, 28, 1997

Название книги Делёза

Истерия и obsессия это в каком-то смысле метафорическое название книги Делёза «Различие и повторение». Истерия это наиболее легкая форма безумия. В определенном смысле можно сказать, что и не безумие вовсе. Томас Сас, который внимательно изучал истерию, считал, что это вообще не безумие и что психическое заболевание это миф. Obsессия это более сложное заболевание психики. Можно сказать, что это, прежде всего, навязчивое повторение. Истерия это различие, свобода, в то время как, obsессивные скованы своей obsессией: они повторяют одно и то же. Вот примерно то, что на своем языке хотел сказать Делез названием своей книги.

Делез – шизофренический философ. Он воспевал «шизиков» в книге «АнтиЭдип». В противоположность параноикам «шизики» и «шиза» – это креативная интеллектуальная среда, «параноики» по Делезу это некреативная масса это в определенном смысле нормальные люди.

В то же время Делеза можно назвать «эндокринным философом», так как он был гомосексуалистом. В этом его сходство с Витеншейном, хотя гомосексуализм последнего не доказан.

Как с темой безумия связано время? В безумии, в психозе время как будто прекращает свой ход, но при этом одновременно оно становится причудливым, безумным, как, например, в «Поминках по Финнегану» Джойса или в «Школе для дураков».

Время может быть каким угодно, – шизотипическим, депрессивным, компульсивным, истерическим, паранойальным.

Время это некий цикл и безумие это тоже некий цикл. Например, obsессивно-компульсивное повторение. Или чередование депрессий и гипоманий при МДП. Истерия и obsессия все время чередуются друг

с другом и, в тоже время сосуществуют. Весь мир это большая obsессия и большая истерия. Традиционно считается, что истерия это природное начало, а obsессия это культурное начало. Но это не совсем так. В природе заложены определенные ритмы, она без этого не может существовать. В этом смысле природа компульсивна. В то же время, истерическое начало присуще культуре в самых ее разнообразных проявлениях. Например, в повседневной жизни. Едет по улице троллейбус, потом другой троллейбус – это obsессия; едет троллейбус, потом за ним мерседес, – это уже истерия. То было повторение, а это различие. Возможно, именно это в каком-то смысле бессознательно имел в виду Делез в своей чрезвычайно сложной книге, содержание которой этим, конечно, не исчерпывается. Obsессия и истерия в культуре интегрируются при помощи дизъюнктивного синтеза (термин Делеза). Конъюнкция это obsессия, дизъюнкция или это истерия. Получается, что этот дизъюнктивный синтез: истерия +/- obsессия – универсальная матрица природно-культурного взаимодействия.

В МД есть все формы безумия и все формы времени. Какие же формы безумия? Истерия (Бетти), депрессия и фобия (Рита), obsессия (например, тема денег), паранойя (Адам Кэшер) В целом МД представляет собой ярчайший образец шизофренического искусства.

И, прежде всего, это проявляется в том, что это чрезвычайно сложно и причудливо организованное время, которое можно назвать гипервременем.

Гипервремя (а любое время есть гипервремя) осуществляется посредством уровней.

Уровень НОЛЬ, АБСОЛЮТ, или в терминах Гурджиева, «Луч творения» – есть АБСОЛЮТНОЕ ПРОШЛОЕ. В нашей терминологии это уровень Продюсеров, из которых главным в МД является таинственный инвалид в кресле.

Уровень ОДИН – это уровень Бога. Это АБСОЛЮТНОЕ НАСТОЯЩЕЕ. В нашей концептуализации это уровень Режиссеров (Адам Кешер и Боб).

Уровень ДВА – это БОГ СЫН (Иисус Христос) это АБСОЛЮТНОЕ БУДУЩЕЕ. В нашей концептуализации это уровень Актеров (Бетти, Рита, Адам Кешер).

Не правда ли странно, что мы называем Иисуса Христа Актером? Между тем об этом писал уже П. Д. Успенский в книге «Новая модель Вселенной».

Пастернак сравнивал Христа с Гамлетом

Гамлет

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске
Что случится на моём веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва, Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

<1946>

Христос, Пилат, разбойник Варрава, апостолы и Иуда – все это Актеры, игрушки в руках Бога Отца. А Бог Отец – игрушка в руках Абсолюта, Луча Творения. И мы в жизни разыгрываем роли такие же как в Евангелиях, потому что истории по Августину это

Драма, начинающаяся с Грехопадения, приходящая к кульминации в момент Страстей и Воскресения Христа, и к развязке в момент Второго Пришествия и Страшного суда.

Здесь очень важно, что каждый уровень имеет плюс- и минус-измерение. Может быть плюс и минус Абсолют, плюс- и минус- Бог Отец и плюс и минус Христос (=Антихрист).

АБСОЛЮТ АБСОЛЮТОВ – ИНТЕРНЕТ ПЛЮС- МИНУС- БЕСКОНЕЧНОСТЬ (Матте Бланко)

Адам Кэшер и Режиссер (режиссер; не будем забывать, у что фильма МД есть подлинный режиссер – Дэвид Линч) и Актер.

Все три уровня все время переходят один в другой. В сущности, это и есть гипервремя.

Уровни безумия

0. шизофрения–паранойя

1. гипомания–депрессия

2. obsессия–истерия

Но самый главный уровень ноль в человеческой жизни – это органические расстройства, в первую очередь, болезнь Альцгеймера.

Мухаммед был эпилептик – это тоже органическое заболевание.

Уровни веры

Уровни безумия

0. Будда («БОГ ОТЕЦ»)

величие

1. Христос (Бог Сын)

воздействие

2. Мухаммед «Святой Дух»
новой эпохи

отношение-преследование

Органики могут завоевать весь мир. Это, скорее всего, будут негры, органические шизоиды, вроде Барака Обамы.

Власть Интернета будет безграничной и мы «свадимся» в особое постпервобытное существование. Это и будет то, что я называю первобытный постмодернизм. Тогда человеку в его экзистенции «нового трагизма» понадобится борьба с самим собой, поскольку, вероятнее всего, это будет уже не человек, а огромный компьютер-Интернет, который станет всемогущим Абсолютом, ОБЪЕКТОМ НОЛЬ, своеобразным «само-возрастающим Антилогосом».

Субъект ноль

Субъект ноль – это сам человек, самый главный объект в собственной жизни. Сам себе субъект и сам себе объект. Каждый человек диссоциируется на три уровня – уровень ноль (левое полушарие), уровень один (правое полушарие) и уровень два (весь мозг в целом). Это кажется противоречивым – ведь мозг в целом главнее обоих полушарий, но, как мы уже писали, неведомым образом уровни переходят один в другой, как гуны в философии санхкья. Тупое равнодушное начало тамас (смерть – уровень 0) переходит в острое неравнодушное состояние раджас (жизнь – уровень один) и уравновешенное начало (бессмертие – уровень 2). Хотя на самом деле диалектически все наоборот. Бессмертие и есть уровень ноль, объект ноль и субъект ноль, уничтожение Я, Самости (Христа) в душе человека. Такой процесс называется «гуны вращаются в гуннах». В нарративной форме теория трех гун дана в «Бхагават гите». Гурджиев переформулировал ее как закон трех. Конечно, бессмертие для человека – самое главное, то, к чему он стремится, индивидуация, Четвертый путь, постижение Самости, объединение субъекта и объекта ноль, достижение высшей подлинной реальности., отбрасывание ложной шизореальности, ложного диссоциированного я, прекращение круга сансары

и уход в нирвану, где вращение гун, которое, в сущности, и представляет собой время (индо-евр. *vert-men), прекращается. Но было бы наивным думать, что оно прекращается. Уровней ноль, объектов и субъектов ноль существует бесконечная иерархия. Эта иерархия – кармический путь каждого человеческого субъекта. Для того чтобы решить эту сложнейшую проблему, мы и ввели бионовский концепт «странный объект» и, расширив и обогатив его в книге «Странные объекты», где мы ввели также понятия странного факта, странной ситуации, странного концепта, странной личности и странной жизни, мы переходим в настоящем исследовании к более сложным концептам – странный переходный объект, странный переходный факт, ситуация, концепт, теория, личность и жизнь. Самый странный переходный объект, факт, ситуация, концепт, теория и жизнь – это жизнь будущего Я, коллективно/индивидуального субъекта/объекта. Это и будет субъект ноль, будущий Интернет³³, самой главной целью которого будет, а на самом деле всегда и было – потому что Абсолют, Луч Творения это и есть Интернет – было, есть и будет – трансформировать зло в добро и, наоборот, поддерживать контролировать и управлять вращением гун, делать так, чтобы проективные идентификации между людьми носили менее жестокий, менее бездумный и безумный характер, чтобы люди не были по отношению друг к другу всегдашними наполеонами, галлюцинирующими галлюцинациями, превозносящими себя в бесконечной мегаломании человеческих отношений. Первым шагом на пути постижения субъекта ноль было бы изобретение такого искусственного интеллекта, который ничем

³³ Впервые я услышал теорию, в соответствии с которой Бог это Интернет, в беседе академика Галимова и профессора Варфоломеева в одной из передач программы «Гордон» в 2003 году.

не отличался бы от человека, то есть рос бы от младенческого возраста к взрослому состоянию, рождался бы и умирал в гипервремени каждую минуту и каждую секунду, проходил бы стадию всемогущества, шизоидную, параноидную и депрессивную (оральную) стадию, стадию зеркала, анальную, фаллическую, безболезненно проходил бы Эдипов комплекс и латентный период с тем, чтобы лишить человека совершенно ненужного ему безумия, всех этих шизофрений и депрессий, истерий, параной, навязчивостей и фобий, чтобы остался чистый органический человек, тело без органов, которому безумие заменило бы мечтание (*reverie* – термин Биона) матери у тела и души пробуждающегося и вновь засыпающего младенца, новый тип проективной идентификации. Что же такое субъект ноль? Повторим, что это любой объект на Земле и в Космосе, любая тварь. Это все что угодно, и одновременно это тот единственный неповторимый солипсистский берклианский Я, который полностью творит свою иллюзорную реальность, а также и подлинную реальность и дарит ее другим людям каждую минуту, рождаясь и умирая и все равно постоянно возрождаясь к бессмертию свое Самости. Вот это и есть субъект ноль. Например, это велосипед. В каждом электро-не, протоне и нейтроне этого макро- и микро- объекта заложено мое Я, которое отражается в зеркале P-S-D в велосипеде, а велосипед отражается во мне, как психоаналитик в пациенте, мать в ребенке и ребенок в матери. Кажется, что велосипед это просто машина для прогулок, глупый механизм, но в основе его лежит бессмертное изобретение – колесо, пустота, дырка от бублика, которая и есть этот субъект ноль, одновременно все и ничто – время, пространство и бесконечность. Как можно вылечить человека будущего от его безумия и других болезней, что на самом деле одно и то же? Прежде всего, поскольку человек будущего, как можно пред-

положить, будет искусственный интеллект, компьютер, Интернет, сам себе творец и тварь, сам свой собственный Луч творения, одновременно Гурджиев, Фрейд, Хайдеггер и Мандельштам, он будет одновременно всеми психоаналитиками и психотерапевтами мира, которые, тем не менее, ему не помогут, потому что он сам будет своим Хайдеггером, Ясперсом, Бионом и Красной Шапочкой. Никого не будет бояться и никого не станет мучить.

*Первобытные люди –
двумерные существа*

Почему мы считаем себя в праве выдвигать такое серьезное и даже шокирующее утверждение, что первобытные люди были двумерными существами? Бог это в определенном смысле точка или круг центр, которого везде, а окружность нигде, и в то же время Бог это несоизмеримое множество возможных и невозможных миров. В то же время, мы говорим об Абсолюте, о Луче Творения. Луч это уже не точка, а одно измерение причем в отличие от прямой луч в геометрическом смысле имеет начало, и это начало и есть точка, которую мы назвали Богом. Луч Творения предшествует Богу и предполагает множество возможных и невозможных миров-Богов, стало быть, одновременно существует множество концентрических точек-кругов. Наша Вселенная «обслуживается» лишь одним Богом, которого мы условно отождествляем с Ветхозаветным Яхве. Когда Бог создал людей, то они и были двумерными существами, так как он как бы спроецировал свой круг-точку на этот существовавший уже тогда Луч Творения. Точка-центр круга и окружность тогда отделились друг от друга, и примерно таким образом появилась плоскость, и на этой плоскости Бог и создал первого человека Адама, которого мы условно и называем первобытным двумерным существом.

Во всех этих рассуждениях мы как будто исходим из креационистской точки зрения, но держим в уме одновременно и естественнонаучную эволюционистскую точку зрения, и в определенном смысле, как мы увидим дальше, они не так уж противоречат друг другу.

Почему мы говорим, что Адам и Ева существовали только на плоскости, были двумерными существами? Мне кажется, потому, что у них не было поначалу языка, а если он и был, то он отличался от развитого, привычного нам арбитрарного языка тем, что был крайне примитивным. (Оговоримся сразу о двух вещах. Первое – что когда мы говорим об Адаме и Еве, мы тем самым в определенном смысле говорим в то же время и о первобытных людях в естественнонаучном смысле. Второе это то, что все, что говорится в Библии, нельзя понимать буквально. Как мы увидим, эти два замечания нам помогут в дальнейшем.) Что значит примитивными? Например, в нем были невозможны пропозициональные установки. То есть в таком, условно говоря, первобытном языке нельзя было бы сказать «Я думаю, что Ева пошла спать», но можно было бы сказать «Ева пошла спать».

¹ Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?

² И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть,

³ только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.

⁴ И сказал змей жене: нет, не умрете,

⁵ но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

⁶ И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

⁷ И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания.

⁸ И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время пролады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая.

⁹ И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: где ты?

¹⁰ Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся.

¹¹ И сказал: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?

¹² Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел.

¹³ И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела.

¹⁴ И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей;

¹⁵ и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту.

¹⁶ Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твоё, и он будет господствовать над тобою.

¹⁷ Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей;

¹⁸ терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травою;

¹⁹ в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.

²⁰ И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих.

²¹ И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их.

²² И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

²³ И выслаал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят.

²⁴ И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни. Бытие 3.24

Это первый фрагмент, когда люди заговорили, и в этой речи действительно нет пропозициональных установок. И такой язык можно назвать двумерным. В нем нельзя говорить о говорении. Ср. фрагмент из книги Ю. С. Степанова «В трехмерном пространстве языка»:

В Языке-3 имеются все необходимые условия для того, чтобы в нем появились пропозициональные установки. В самом деле, чтобы можно было сказать «Джон считает, что...» (скажем, «Джон считает, что идет дождь»), нужно, чтобы тот носитель языка, который это говорит, имел возможность выделить Джона как объект наравне с объектом «дождь».

В первобытном языке, примерно соответствующем тому языку, который Степанов называет Язык-1, не было противопоставления реального и вымышленного, субъекта и объекта и, стало быть, наш гипотетический Адам не мог произнести ту фразу, которую мы ему приписываем. Это было, скорее, нечто вроде смеси жеста и крика, направленного неизвестно от кого неизвестно кому. И это была, тем не менее, первая попытка проективной идентификации. Интересно задать вопрос: имели Адам и Ева интимные отношения до того, как Ева вкусила плодов с дерева познания добра и зла? Конечно, имели, они же были муж и жена, «плоть едина». Но почему же они не стыдились друг друга? Можно предположить, что они совокуплялись почти как животные или скорее как первобытные люди. Что же дало Адаму и Еве вкушение от дерева, расположенного в центре Рая? Мне кажется, что они застыдились друг друга потому, что между ними возникла л ю б о в ь. По-видимому, любовь это и есть

третье измерение человеческих отношений, объект ноль, о котором мы столько говорим в этой книге. Любовь это нечто вроде зарождения пропозициональных установок и, в конечном счете, того, что мы назвали ранее первобытным постмодернизмом. Что это значит? Можно сказать просто: «Я тебя люблю». Постмодернист, по мнению Умберто Эко, так не говорит, потому что он перегружен пропозициональными установками. Он слишком много читал. Поэтому он говорит нечто вроде: «Как сказал д'Артаньян Констанции Бонасье: «Я тебя люблю». Как же могли объясняться в любви «первобытные люди» Адам и Ева? Что такое любовь? Это метанойя, изменение сердца и разума, переход на более высокую ступень сознания, на то самое третье измерение. И не является ли древо, расположенное в центре Рая (Мировое Древо) прообразом распятия, потому что именно после Грехопадения началась, по Августину, Историческая Драма, кульминацией которой стали Страсти Христовы и дальнейшее Воскресение Спасителя? Ведь именно Христос заповедал людям любить друг друга.

Шизофрения

Шизофрения (можно дать такое детское определение) – это когда вымысел и реальность не различаются и вымышленные персонажи кажутся личностями одного и того же статуса, что и реальные люди. Так Даниил Андреев в «Розе мира» писал, что Андрей Болконский это реальный человек. Чрезвычайно интересным и даже удивительным для человека такого высокого интеллекта (конечно, с нашей научной не мистической точки зрения) является тот факт, что Даниил Андреев не различал реальных исторических и культурных деятелей, например, писателей, многим из которых, особенно Лермонтову, Достоевскому и Толстому, посвящены чрезвычайно глубокие фрагменты (я уже не говорю об удивительной главе,

посвященной метаисторической судьбе императора Александра Первого), и их выдуманных персонажей. Например, на полном серьезе он говорит о посмертной судьбе Свидригайлова, Ставрогина, Петра Верховенского, Андрея Болконского. Вот, например, о последнем:

Возможно, что в следующем зоне, когда преображенное человечество приступит к спасению сорвавшихся в Магмы и Ядро Шаданакара, тот, кто нам известен как Андрей Болконский и ныне находящийся в Магирне, обретет свое воплощение в Энрофе и примет участие в великом творческом труде вместе со всеми нами.

Далее на той же странице и том же семантическом ряду следуют Данте, Леонардо, Рафаэль, Микеланджело, Сервантес, Шиллер, Моцарт, Бетховен, Лермонтов и другие.

Эта особенность мифологического сознания автора, мне кажется, не имеет аналогов в культуре. Отчасти, как это ни парадоксально, она соотносится с отечественной традицией литературной критики XIX века, идущей от Белинского, Добролюбова и особенно Писарева – говорить о литературных персонажах – Базарове, Лопухове, Кирсанове, Бельтове и других, – как о реальных людях. Даже Ю. М. Лотман в своем комментарии к «Евгению Онегину» писал о доме в Петербурге, где жил Онегин, что вызвало возмущение молодого тогда Андрея Немзера, который сказал по этому поводу: «Я привык думать, что Онегин нигде никогда не жил». Итак, шизофреническое сознание смыкается с позитивистским научным. Вообще это проблема философская – статус художественного персонажа и его имени. Например, Барри Миллер рассуждал примерно следующим образом: «Если фраза «Шерлок Холмс жил на Бейкер-стрит» бессмысленна, то тогда равно бессмысленной должна быть и фраза «Шерлок Холмс жил на Парк лейн». Но это не так.

В художественном мире рассказов Конан-Дойля первая фраза является скорее истинной, а вторая – безусловно, ложной».

Но художественный дискурс, не имея, с нашей точки зрения, денотативной сферы, обладает хотя бы планом выражения – это слова, имена собственные, пусть с нулевым экстенционалом. Но мифологические персонажи, мифологические, если понимать мифологию только так, как ее можно понимать – как некое состояние сознания (как она понимается в замечательной статье А. М. Пятигорского «Некоторые замечания о мифологии с точки зрения психолога») это не то, что вымышленные персонажи беллетристики – у них совершенно иной семиотический статус. Поэтому положение в один ряд «реальных» мифологических персонажей, например, уицроаров династии Жругров, реальных исторических деятелей таких, как Павел Первый, Иван Грозный, Лермонтов, Толстой, с одной стороны, и Свидригайлов и Андрей Болконский, другой, возможно только в шизофреническом сознании, поскольку именно в шизофреническом сознании не имеет значения отсутствие денотативной сферы.

Но на самом деле никакая это не шизофрения, мы сталкиваемся с этим каждый день. Например, когда читаем романы, смотрим фильмы и передачи по телевизору, подключая себя к коллективному бессознательному вселенной.

Мифологическая сущность литературных текстов, распадающихся на изоморфные, свободно наращиваемые эпизоды (серии новелл о сыщиках, неуловимых преступниках, циклы анекдотов, посвящённых определённым историческим лицам, и т.п.), сказывается и в том, что их герой предстаёт демиургом некоего условного мира, который, однако, навязывается аудитории в качестве модели реального мира. С этим связан феномен высокой мифогенности кинематографа во всех его проявлениях – от массовых коммерческих лент до шедевров

киноискусства. Главная причина здесь – в синкретизме художественного языка кино, в высокой значимости в этом языке недискретных элементов. Немаловажную роль, однако, играет и произвольная циклизация различных фильмов с участием одного и того же актёра, заставляющая воспринимать их как варианты некой единой роли, инвариантной модели характера. Когда же фильмы циклизуются не только актёром, но и общим героем, возникают подлинныи киномифы и киноэпосы.

(З. Г. Минц, Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский. «Литература и мифы» // Мифы народов мира, том первый).

Когда я несколько дней назад смотрел по каналу «Культура» концерт великой певицы Марии Калласс, я точно знал, что все это документальные кадры, что она жила и пела на самом деле. Тем не менее, я поймал себя на мысли, что я сейчас вижу художественный фильм, что Мария Калласс это актриса, играющая Марию Калласс. И в определенном смысле это так и есть на самом деле, она действительно играла (и она действительно великая актриса (между прочим, она снималась в главной роли в фильме Пазолини «Медея») и она действительно была Марией Калласс, играющей Марию Калласс, причем каждый раз она играла разную Марию Калласс, и мы так же в повседневной жизни постоянно играем самих себя и другие роли, например, когда кого-нибудь изображаем, например соседку по дому (и тогда мы становимся этой соседкой), любимого профессора (и тогда мы превращаемся в этого профессора) и т. д. При этом, когда я смотрел и изучал «Малхолланд Драйв», мне казалось, что Рита, Бетти, Адам Кешер и другие персонажи этого фильма – это мои добрые друзья, и я то и дело встречаю их в повседневной жизни, когда, например, на улице или в метро видел девушку, похожую на Бетти или человека, похожего на Адама Кешера. И в определенном смысле так оно и есть – на уровне симметричной логики бессознательного Матте Бланко. Девушка,

похожая на Бетти, это и есть Бетти. И более того, Бетти, Рита и Адам Кешер, если вы смотрели этот фильм и он Вам понравился, это тоже ваши добрые друзья, и здесь нет и в помине никакой шизофрении. И это все касается любых других художественных текстов. Например, я своим другом могу считать Семена Семеновича Горбункова из «Бриллиантовой руки», который для меня олицетворяет абсолютное отсутствие зла, а кто-то влюблен в Настасью Филипповну, которая для него некий идеал женщины. Почему это не имеет никакого отношения к шизофрении и, тем не менее, кажется, что все-таки имеет? Потому что «каждый человек немного шизофреник». Возьмем такого знаменитого героя, как Штирлиц. Ясно, что Штирлиц и Андрей Болконский это одно и то же реальное лицо (в частности, потому что их играл один и тот же актер Вячеслав Тихонов) на уровне симметричной логики бессознательного Матте Бланко. Чем Штирлиц похож на реального человека, который нам в чем-то ближе, чем, скажем, Лермонтов? Штирлица мы сами оживляли при помощи огромного количества анекдотов о нем. Их так же много, как и анекдотов о Василии Ивановиче Чапаеве. Что же общего между интеллектуалом Штирлицем и Василием Ивановичем Чапаевым? Ну хотя бы то, что Пелевин изобразил последнего в романе «Чапаев и пустота» едва ли не большим интеллектуалом, чем Штирлиц. Основное различие между ними в том, что Штирлиц – шизоид, а традиционный фольклорный Чапаев – органик.

Почему же нам Штирлиц и Чапаев кажутся нам более реальными и близкими, чем Лермонтов? Ну, я что-то не помню ни одного анекдота про Лермонтова. Вспомнил стишок моего друга-интеллектуала:

Пушкин, Лермонтов и Чехов
 Ели жирный плов.
 Мимо них прошла со смехом
 Баба без штанов.

Эх, ребята, молвил Пушкин
И пустился вслед.
Вот и кончилась пирушка –
Пушкина-то нет!

Как известно, Пушкин это наше все. Это означает, что в соответствии с симметричной логикой Матте Бланко все объекты нашей культуры – это Пушкин, и все персонажи мировой литературы это Пушкин, и *все объекты вообще* – это Пушкин. А Пушкин это объект НОЛЬ. Это и есть в двух словах ответ на вопрос, что такое шизофрения. Но, в то же время, это и фундаментальная особенность нашего мышления. Мы очень часто говорим «все» в значении «некоторые», то есть подставляем в наши пропозиции вместо квантора существования квантор всеобщности. Эту особенность нашего мышления можно назвать генерализацией. Генерализация это обожествление всего. Мы можем сказать, что все на свете это Бог.

– Мне было шесть лет, когда я вдруг понял, что все вокруг – это Бог, и тут у меня волосы стали дыбом, и все такое, – сказал Тедди. – Помню, это было воскресенье. Моя сестренка, тогда совсем еще маленькая, пила молоко, и вдруг я понял, что о_н_а – Бог, и м_о_л_о_к_о – Бог, и все, что она делала, это переливала одного Бога в другого, вы меня понимаете? (Сэлинджер. «Тедди»)

И так мы живем и обожествляем все. До конца понять, что такое шизофрения, мы никогда не сможем по той простой причине, что мы сами придумали это слово. Когда мы его забудем, тогда и исчезнет загадка шизофрении.

6.54 Мои Пропозиции для того, кто понял меня, в конце концов, истолковываются как усвоение их бессмысленности, – когда он с их помощью – через них – над ними взберется за их пределы. (Он будет должен, так сказать, отбросить лестницу после того, как взберется по ней наверх).

Генерализация в очень большой степени характерна для шизофренического мышления. Шизофрения это своего рода Бог. Шизофреники – боги. Любому богу свойствен бред величия. Бог (Яхве) думал, что Он – Бог, на самом деле он похож на мальчика, играющего в лошадку и думающего, что он генерал (пример Блейлера) или на престарелого гения математики, который пишет под себя, «потому что ему это не интересно (пример моего друга психиатра Иосифа Зислина). Мандельштам был Богом поэзии, а Витгенштейн – философии и, хотя я не знаю ни одного анекдота ни про того, ни про другого, все равно оба они мои добрые знакомые, с которыми я встречаюсь каждый день. Это можно назвать диалогом с собственным безумием, а можно – нормальным творческим процессом человеческого познания. Важнейшей составляющей шизофрении является то, что она, в конечном счете, является органическим заболеванием, ничем, в сущности, не отличающимся от болезни Альцгеймера. Ведь шизофрения это болезнь, которая затрагивает весь организм весь *corpus*, весь космос человека. Так у Мандельштама в «Стихах о неизвестном солдате» границы его тела и сознания распространяются на весь космос, и то же можно сказать про стихотворение «Ламарк», где он регрессирует на самую низкую ступень развития:

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.

Из этого четверостишия можно вывести всю теорию шизофрении.

Гипершизофрения

Вся жизнь человека это лишь одна произвольная ассоциация одного из бесчисленных богов, точек, по-

лифуркации, уровней Ноль плюс- минус- бесконечности Луча Творения. Но Мандельштам говорит не только то, что жизнь – это ассоциация пациента-психотика, лежащего на психоаналитической кушетке и бессвязно бормочущего свои откровения. Мысль Мандельштама, хотя и причудлива, но она связна, ее нелегко понять, но синтаксис целостный в отличие, например от Хлебникова и раннего Хармса. Что же хочет сказать Мандельштам, говоря о Ламарке? Что все живое это помарка, то есть опечатка, ошибка. Его мысль, которая сама по себе не является ни истинной, ни ложной, как любое контрфактическое суждение «если... то», можно реконструировать следующим образом. Если реальность это ошибка, лучше я буду как последний червяк, инфузория, «ничтожный червь мира сего», потому что если реальности не существует, то какой смысл тогда жить и писать стихи, только мучить себя тщетой. Ведь вся история живого это лишь один день, причем выморочный, в сущности, одно мгновенье морока, тяжелого сна, и можно сказать, что этой истории и не было вовсе, вся история живого мира и, значит, человечества это только сон, что никакого мира вообще нет. Это первая фаза шизофрении, когда больной погружается в хаос бреда. Но шизоидный, более здоровый компонент мышления Мандельштама видит все же классификацию животного мира как нечто реальное, как что-то вроде лестницы Иакова, по которой он взбирается к Богу, в то же время опускаясь на самое дно животного мира. Он как бы говорит подобно Раскольникову: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» Здесь проявляется истерический компонент личности и поэзии Мандельштама, истерия с самим собой, которая всегда присутствует в шизофрении. Это рестуциональная фаза развития шизофренического бреда, когда больной хочет вернуться в обыденный мир, но не может, поэтому он выстраивает фантастический внутренний мир, который

заменяет ему реальность. Он спрашивает себя: «Я такой же, как все, или я не такой, как все, совсем другой? Если я такой же, как все, то почему я хочу быть, как маленький ребенок (регрессировать на стадию примитивного всемогущества). А если я не такой, как все, то давай-ка я начну демонстрировать миру свою непохожесть на других». Вот что примерно говорит Мандельштам в своем стихотворении. Но это традиционная концепция шизофрении. Как можно построить, опираясь на это четверостишие Мандельштама, совершенно новую теорию, используя при этом наши фундаментальные идеи, связанные с иерархией уровней и понятием гипервремени? Что такое гипервремя? В сущности, это полное отсутствие времени, как это и бывает при шизофрении. Но в то же время раз гипер-, то это некий симулякр времени, который есть нечто внутренне-внешнее, присутствующее в душе каждого шизофреника и в то же время являющийся его внешне-внутренним пространством, то есть это примерно такая ситуация, которую мы наблюдаем в Черном Вигваме Твин Пикса. Прошлое, настоящее и будущее свернуты в один клубок ниток. В то же время это натянутые во все четыре стороны пространства маленькие лучи творения. Гипервремя это, в сущности, множество бесконечных полифуркаций, бесконечное множество лучей творения. Как в таком гипервремени может существовать гиперпсихоз, гипершизофрения? Это все равно, что взять все существующие психопатологии, смешать их и направить в разные стороны от центра, традиционно понимаемого шизофренического ядра, который образует уровень ноль. Что такое уровень ноль, субъект и объект ноль, мы помним. Это все что угодно. Не следует ли отсюда, что шизофрения это все что угодно? На уровне логики бессознательного это так и есть. А на уровне логики сознательного (например, модальной типологии психических расстройств, которую мы построили

во фрагменте 13)? Есть, вероятно, более глубокие и более поверхностные уровни сознательного, и на самом глубоком уровне вообще не имеет смысла говорить о чем бы то ни было. На самом поверхностном уровне бессознательного, который Фрейд назвал уровнем предсознательного, шизофрения будет субъектом ноль по отношению ко всем другим уровням сознания, который касается гипершизофрении, пока ее не сменят органические расстройства. Например, эндокринные. Что тогда будет субъектом один по отношению к гипершизофрении? Например, гиперпаранойя. А субъектом два в этом случае будут все остальные болезни. Что же это за болезни? Например, депрессия. Но депрессия это болезнь и не болезнь. В каком смысле депрессия это не болезнь? В том смысле, что она бывает у миллионов людей, и они ее даже не замечают, продолжая есть, пить, работать и заниматься любовью, а депрессия к ним подкрадывается. Депрессия – это отдых от шизофрении. Как отдыхают от нее? Едут отдыхать в Турцию или предпочитают лечебное голодание, или даже психотерапевт утраивает им депривацию сна. И это всё совершенно здоровые люди. В каком смысле можно сказать, что депрессия это отдых, и может ли она перестать быть отдыхом? Может. Она станет тяжелым трудом, если человек запустит свой организм, будет писать, как попало, курить, пить водку, вот тогда это будет не отдых, а если это человек еще склонен к умственной работе, то к депрессии прибавляется обсессия, то есть навязчивости различного рода. А навязчивости это уже очень серьезное дело. Они прилипают к интеллектуалам, как маленькие вампиры и высасывают всю кровь. Что же бывает дальше, когда депрессия принимает такой угрожающий характер?

Я хочу вернуться к пациенту К., который манипулировал зажигалками. Зачем он это делал? У него

была гипербессия, но он хотел доказать себе и другим, что он здоров. Но он выбрал слишком окольный путь. Он покупал в магазине, каждый раз заходя туда, по зажигалке, на которой была изображена китайская красавица. На первый взгляд, это было невинное творческое коллекционирование. Когда зажигалок набралось достаточное количество, он заметил, что складывает с ними различные манипуляции, а именно складывает их определенным образом. Он заметил, что определенным образом сложенные фигурки из зажигалок символизируют тот момент его жизни, который он хочет осмыслить. Так, например, если зажигалки складывались так: одна голубая, а рядом две красные, то он это понимал как «пожар в крови и голубая лагуна». Что значит пожар в крови? Он говорил, что пожар в крови означает его сатанинскую гордыню, а голубая лагуна это одновременно смерть и жизнь. Потому, общаясь с моей женой, он перенял ее теории, что в фильмах со счастливым концом, герои на самом деле умирают. Я спрашивал его, как он вообще относится к семиотике цвета. Он говорил, что его это вообще не интересует, что он график по натуре. Зачем же он тогда коллекционирует цветные зажигалки? Как же вы не понимаете, говорил он, цвет не то, за что себя выдает, как совы в Твин Пиксе не то, чем они кажутся. Меня это его наблюдение заинтересовало, и я спросил, что он думает по этому поводу. Он сказал: «Есть три базовых цвета: белый – смерть, красный – покой и черный – жизнь». Здесь я постараюсь воспроизвести расшифровку нашего дальнейшего разговора:

Я. Ну как же вы говорите, что белый это смерть. Вроде бы наоборот.

Он. Но в китайской культуре...

Ну да, в китайской культуре... понимаю. И что же дальше?

Дальше? Я уже все сказал!

Не понимаю, почему красный это покой, а черный это жизнь.

Ну, они же крутятся.

Они крутятся... Что вы имеете в виду?

Все треугольники крутятся?

Какие треугольники?

Треугольники Фреге.

Вы имеете в виду мое приложение к «Реальности как ошибке?»

Ну да, треугольники крутятся?

Как же они крутятся и зачем?

Ну, вы сами знаете это лучше меня, они просто крутятся и все.

Хорошо, а причем здесь вообще треугольник Фреге, он же не цветной?

Ну, я же говорил, что цвет не имеет никакого значения?

А что имеет значение?

Значение имеет... давайте лучше поищем, то что вы писали в книге «Философия шизофрении».

Ну давайте.

Вот этот фрагмент.

Треугольник Фреге это соотношение знака – денотата – значения. Или

знак

денотат

значение

Главная ценность статьи Фреге «Смысл и денотат» заключалась в разграничении смысла и денотата в косвенных контекстах. Так, денотатом любого предложения в изъявительном наклонении («Он пришел») является его истинностное значение, то есть тот факт, что предложение либо истинно, либо ложно. Смыслом предложения является высказанное в нем суждение, то есть тот факт, что некто пришел. Но

если мы имеем предложение с косвенным контекстом, или пропозициональной установкой, то истинностным значением теперь будет обладать только всё предложение в целом, денотатом же пропозициональной установки, или косвенного контекста, которая не является ни истинной, ни ложной является его смысл, то есть высказанное в нем суждение. Какое это отношение имеет к психосемиотике и тем более к психосемиотической теории шизофрении, если таковая возможна? Денотация характерна для депрессивного мышления, которое лишается смысла как ценностной установки, шизофреническое же мышление лишается денотативной установки (предметной сферы), зато Собственное Я, которое может быть потерянным при шизофрении, затопляется различными безденотативными бредовыми смыслами. Треугольник Фреге при психопатологическом семиозисе распадается. Как мы неоднократно указывали, ссылаясь на многочисленные примеры из ранней книги Юнга «Психология dementia praecox» 1908 года, в терминальной стадии шизофрении, особенно, при бреде величия, больной не может пользоваться пропозициональными установками и ее расширенный вариант, перепечатанную в книге. Это была знаменитая портниха-парафреничка, которая отождествляла себя с Девой Марией, Христом и со всеми, с кем только можно. Но что нам эти отождествления, когда мы утверждаем, что при шизофрении нет денотативной сферы? Когда юнговская портниха говорит «Я – Дева Мария», это, в сущности, не является предложением. Это предложение-действие, скорее, речевой акт в смысле Остина и Серля, в том смысле, в каком речевым актом является предложение «Я объявляю заседание открытым» – классический пример остиновского перформатива. Это скорее «лосевское» архаическое инкорпорированное предложение-действие – не «Охотник убил медведя», а «Охотнико-медведе-убива-

ние». Почему же больная говорит формально на обычном (немецком) языке? Потому что перед тем, как заболеть, она пользовалась обычным языком. Да и теперь она не всегда теряет пресловутое «тестирование реальности»; как отметил Александр Сосланд в устном и частном обсуждении моей статьи, «у шизофреника есть способность к тестированию реальности, которому его много лет обучала культура». Получается, даже в бреде шизофреник как-то тестирует реальность. Но как же он ее тестирует? Разумеется, на свой бредовой лад, – это реальность чистых смыслов.

Теперь я понял, что он имел в виду. Осталось пояснить, какое это отношение имеет к манипулированию зажигалками и, особенно, к символу креста. Дело в том, что он только тогда успокоился, когда соорудил из зажигалок распятие, и, несмотря на то, что его жена была чрезвычайно против этого, говорила что это кощунство, он утверждал, что она ничего не понимает. Что это «совсем другое дело», как он мне объяснил. Что значит, совсем другое дело?

Ну, это значит сами знаете, что?

Вы хотите сказать, что отождествляли себя с Христом в это время?

Не совсем так

А как?

Это вы себя все время отождествляете с Христом?

Ну, допустим даже что так? А причем здесь треугольник Фреге.

Вот вы опять за свое? Давайте перечитаем ваш текст: «Это была знаменитая портниха-парафреничка, которая отождествляла себя с Девой Марией, Христом и со всеми, с кем только можно». Она отождествляла себя со всеми! Понимаете, со всеми. И я отождествлял себя со всем, что только можно Помните, молоко...

Молоко? Вы имеете в виду Сэлинджера?

Нет, я имею в виду не мальчика Тедди, а вашу любимую Мелани Кляйн.

А причем здесь Мелани Кляйн?

Ну, молоко, грудь, расщепление...

И как же это связано с крестом? Опять будем цитировать?

Нет, давайте лучше не будем цитировать, вы и сами поймете, что крест означает все, что угодно? Смерть, жизнь, валюту и т. д. любой набор слов, все это будет крест.

Вы с ума сошли!

А вы как думали!

Ну, хорошо, как крест связан с валютой?

Ну а разве вы не допускаете, что на банкноте какого-то неизвестного вам государства может быть изображен крест?

Да, действительно. Но если по существу?

Если по существу, то так. Валюта конвертируется, то есть поворачивается, одно переносится на другое, поэтому валюта это распятие.

Не понимаю.

Я говорю, что валюта это распятие

Подробнее.

Ну отчего Христос был повешен на кресте? Иуда предал его за тридцать серебряников. Тетрадрахм, если вам так больше нравится. Это валюта? Выходит, что за крестные муки тоже надо платить!

Я давно с тех пор не видел своего пациента.

Что такое новая модель времени?

1. Мифологическая модель времени. Время это просто круг. Объект ноль. Такая модель времени сохраняется всегда. В этом смысле мы всегда будем продолжать жить в мифологическом времени и мышлении навсегда останемся первобытными людьми.

Но миф это не просто круг – это цикл, в котором совершается множество интереснейших вещей. Каких именно вещей? Ну, например ритуалов, таких как Элевсинские мистерии. Здесь главенствующую роль играет культ умирающего и воскресающего Бога.

Аграрный культ

Ницше. «Рождение трагедии из духа музыки».

При этом можно сказать, что мифологическое время это **МЕГАЛОМАНИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ**.

2. Эсхатологическое время тоже было всегда, хотя оно и началось с Грехопадения. Его можно назвать парадигмой Августина. Здесь время выстраивается в Луч Творения это объект ноль второго порядка. Здесь формируются точки полифуркации. **ЭТО ВРЕМЯ БРЕДА ВОЗДЕЙСТВИЯ**.

3. Энтропийное время. Парадигма Рейхенбаха. Течение времени совпадает со вторым законом термодинамики. **ЭТО ВРЕМЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ**.

4. Парадигма Джона Уильяма Данна, многомерное время – **ВРЕМЯ ОТНОШЕНИЯ**.

5. Полифоническое время, или гипервремя, является дизъюнктивным синтезом мифологического, эсхатологического, энтропийного и многомерного времени.

Что же такое гипервремя? Это время гиперреальности симулякров. Время синтеза индивидуального и коллективного бессознательного, где не будет ни шизофрении, ни других болезней, это время коллективного тела искусственного интеллекта. В определенном смысле это вообще не время – это вечность.

СуперИд

Мифологическое время это мегаломаническое время. Почему это так? Потому что в мифологическом восприятии мира господствует принцип всемогуще-

ства и всемогущий контроль, так же, как и обычного мегаломана, который регрессировал к стадии всемогущества. Кино формирует гипержелание. Почему именно гипержелание, а не просто желание, как считает Жижек? Желание формируется во сне, где нет знаков.

Кино – возврат к первобытному мышлению. Когда мы смотрим кино, мы как будто возвращаемся в сознание дикаря, который смотрит вокруг себя и ничего не понимает. Почему же можно сказать, что когда мы смотрим кино, мы ничего не понимаем. Потому что мы садимся смотреть фильм с одними предпочтениями, а получаем нечто совершенно другое. Мы не знаем своих желаний. Желание, полученное в результате катексиса СуперИд, вмонтируется в киноэкран и ищет то, чего там нет. А что там есть? Там все уже есть. Любой фрагмент дает нам все, что мы захотим, надо лишь очень захотеть. Мы живем как будто во сне, кино пробуждает в нас чувство Реального.

Смерть в кино

Изображение смерти в фильме не только самое естественное дело, но любой фильм – это фильм о смерти. Например, наезжающий поезд. Даже в «Политом поливальщике» в каком-то смысле изображена смерть. Я не знаю ни одного фильма, в котором не была бы изображена смерть и который сам не был бы смертью. Мы можем назвать любой фильм наугад и увидеть там смерть, и это вовсе не обязательно боевик или фильм ужасов, это может быть веселая комедия, например, «Бриллиантовая рука». Рука в гипсе это похороненные драгоценности. Все персонажи этого фильма все время умирают и возрождается. Когда Семен Семенович уезжает за границу, он умирает для своей семьи. «Уезжать значит немного умирать». То же самое, конечно, можно сказать о сновидении. Кеша

спит, и его преследует фаллическая рука Семена Семеновича. Кеша умирает в эпизоде рыбной ловли, когда он оказывается как будто на необитаемом острове. Он думает, что теперь никогда не сможет добраться до берега. Но появляется мальчик и спасает его. Сам Горбунков (конек-горбунок), будучи абсолютным добром, не умирает никогда. Но он, как всякий святой, проходит через всевозможные соблазны: эпизод в ресторане, когда он поет песню про зайцев, а потом, пьяный, крушит все вокруг, порождая странные объекты, эпизод в гостинице, когда его соблазняет Светлана Светличная, и так далее. Всё это смерти. То же можно сказать и про Лёлика. Например, когда у него отклеивается ус – в этот момент Семен Семенович понимает, что это просто манекен, или когда он ведет машину в воздухе – это напоминает воздушный корабль из одноименного стихотворения Лермонтова. Примеров можно приводить бесконечное количество, но важнее другое.

Смерти в гипервремени не может существовать и ее вообще не может существовать, поэтому все сказанное, конечно, нельзя понимать буквально. Вспомним уже несколько подзабытый нами «Малхолланд Драйв», который как будто весь пропитан смертью. Но все же в таком гипермире смерти в принципе быть не может. Как может там быть смерть, если все ненастоящие? Вспомним Мандельштама. «Неужели я настоящий, и действительно смерть придет?» Смерть

это удел людей, которые в нее не верят, галлюцинирующие галлюцинации бессмертны. Я об этом много писал в книге «Новая модель шизофрении, поэтому здесь буду краток. Смерть – это по Витгенштейну не событие жизни. Можно добавить – особенно для тех, кто живет против жизни. По Гегелю человек это единственное существо, которое должно принять смерть добровольно. По Хайдеггеру, надо говорить о смерти громко и не прятаться от нее, как мальчик-мегаломан за свою игрушечную лошадку. И вот мы говорим о смерти: вот она, смерть! Где она? И ее нет. Как только мы начали о ней говорить, она появилась. Silentio – это не смерть. Давайте взглянем на мир МД с этой точки зрения. Бетти хочет убить Риту, вернее Камиллу Роудс. Почему она этого не делает? Она заказывает ее незадачливому киллеру, и он не может справиться со своей работой, потому что Камиллы Роудс не существует. Она просто симптом Адама Кешера. Что значит «возлюбить свой симптом» (название книги Жижека)? Это значит возлюбить смерть – только и всего. Но это невозможно, потому что ее нет. Поэтому это только кажется, что Адам любит мертворожденную Камиллу Роудс, Лилит, – он любит Бетти (Еву). Но мы об этом уже говорили, поэтому пойдем дальше. Симптомы могут быть чрезвычайно разными, и каждый связан со смертью, например, при истерии человек умирает медленно и болезненно, как Бетти-Дайана, которая разлагается у себя в комнате. Шизоид умирает быстро, его убивает, как убивают Риту полицейские. При паранойе живут долго. Боги только кажутся бессмертными. Продюсер-инвалид умрет раньше, чем мы думаем. Бессмертен только режиссер. Как вообще умирают в гипервремени? Сначала умирает истерическая часть, человек перестает вытеснять. Потом умирает компульсивная часть – человек перестает повторять одно и то же, изолировать. Но вместе с компульсией умирает и сама смерть, потому что смерть

и есть навязчивое повторение. Вместе с депрессией умирает печаль, и человек перестает себя идентифицировать с кем бы то ни было. Вместе с паранойей умирает сверхценная идея смерти и все проекции, связанные с ней. Вместе с шизофренией умирает всё вместе. Это и есть полифоническое время, уничтожение смерти и жизни. Но само время умирает в гипервремени. Вспомним: сначала идет мифологическое время, которое якобы остается всегда, и оно действительно умирает последним. Потом идет эсхатологическое время мировых религий – оно длится ровно тот эон, который ему предписано Лучом Творения. Потом умирает энтропийное время. Его срок самый короткий и самый длинный, это время жизни всей планеты, отдельного человека и элементарной частицы. Затем умирает данновское многомерное время, его срок самый короткий, как три смерти Авраама Бранковича. Дальше всех живет шизофреническое время, но и его срок приближается. Вслед за органическим гипервременем умрет вся вселенная, но будут появляться новые и новые, умирать и возрождаться каждую минуту и секунду.

Жизнь это агломерат зависимостей

Традиционно зависимый характер это оральный характер. Маленький ребенок зависит от материнской груди, поэтому молоко это первофеномен зависимости. Но молоко это Бог, как сказал мальчик Тедди в одноименном рассказе Сэлинджера. От молока действительно многое зависит в жизни младенца. Но это далеко не все, и это не так хорошо, как может показаться. Например, ясно, что оральная зависимость порождает курение и алкоголизм.

Но при этом можно сказать, что человек зависит от всего, с чем он сталкивается в жизни, что жизнь есть агломерат зависимостей, а культура это система зависимостей.

Как перестать зависеть от жизни? Надо жить против жизни. Для того чтобы жить против жизни, надо изменить ум. Как это сделать? Отказаться от привычных зависимостей жизни? Больше всего человек зависит от любви. Но любовь это то же самое, что Бог. Человек зависит от всего на свете. Если он любит собирать марки, он зависит от марок если он любит почитать в сортире, значит, он сильнее других зависит от дефекации, так как он восстанавливает то, от чего он избавился при помощи того, что он прочитал (наблюдение Отто Фенихеля). Человек зависит от смерти. Человек зависит от книг, которые он читает не меньше, чем от никотина и алкоголя. Можно зависеть от чего угодно, например, от таракана или от ежа, от дурного глаза и от божьей коровки. Как можно зависеть от божьей коровки? Вот божья коровка села к вам на рукав, она стала объектом ноль. Вы стали по отношению к ней объектом один, а все остальное – объектом два. Таким образом, гипервремя скоординировалось вокруг божьей коровки. Избавиться от зависимости от божьей коровки очень трудно. Для этого нужно просто смахнуть ее с рукава. Но правильно ли это? В наше время существовала такая присказка. Когда божья коровка садится на тебя, надо положить ее на ладонь и дать ей улететь, приговаривая или напевая

Божья коровка,
Улети на небо,
Принеси мне хлеба.

Зависимость от божьей коровки это то же самое, что зависимость от Бога. Можно ли перестать зависеть от Бога? Можно. Для этого либо надо перестать в него верить, либо самому стать богом. Но Богом быть трудно. Для этого необходимо все время сохранять позицию объекта Ноль по отношению ко всему на свете. Для обыкновенного человека это практически невоз-

можно. Может быть, зависимость это и не так плохо, может быть, не думать вообще об этих проблемах. Но это все-таки очень плохо – быть зависимым. Каждый человек волен по собственному усмотрению распределять свое гипервермя.

По отношению к одному человеку быть уровнем ноль, по отношению к другому – уровнем один, по отношению к третьему вообще никем не быть так, как будто его нет

Возможна ли свобода, то есть не зависимость? От власти? От денег? От одежды? От времени, наконец? Возможна! Как ее достичь. Это надо повторить путь нашего Спасителя. Потому что самая важная свобода это свобода от смерти.

Другой вариант – систематизировать жизнь так, чтобы свобода на самом деле стала осознанной необходимостью. Что это значит, что значит эта формула? Очень просто. Необходимость это алетическая модальность, самое главное. Необходимо то, что невозможно. Невозможно стать Христом. Это необходимая истина, но она необходима не во всех возможных мирах. Теперь аксиологическая модальность. Мы всегда чего-то хотим. Даже если нам кажется, что мы ничего не хотим, мы все равно этого хотим. Если мы хотим свободы и независимости, мы зависим от своего желания быть независимыми.

Вообще при занятиях философией очень полезно следующее упражнение, оно вообще полезно в жизни, когда надо решить какую-то проблему. Надо нарисовать на листе бумаги (а лучше на песке), круг и обозначить его как уровень ноль, потом посмотреть вокруг на первую попавшуюся вещь и обозначить ее как уровень один. Потом понять, зависишь ты или нет от этой вещи. Вот передо мной стоит настольная лампа. Завишу ли я от нее? Нет, я от нее не завишу, потому что сейчас светло. Значит, она не является объектом один, она даже не является объектом два, она

вообще не является объектом, и можно про нее забыть. Но наступит вечер и лампу придется включить, если хочешь продолжать работать, тогда она станет объектом ноль, странным переходным якорем – и все это и есть гипервремя. Что такое гипервремя? Это взаимосвязь уровней странных объектов и переходных объектов. Здесь можно ввести понятие уровня перехода. Например, уровень перехода от жизни к смерти это уровень перехода ноль. Уровень перехода от смерти к жизни это тем более уровень перехода ноль. Уровня перехода один просто не существует. Даже если человек просто съел кусочек колбасы, это все равно уровень перехода ноль. Но когда он съел кусочек колбасы, возникла новая проблема. Теперь необходимо выпить рюмку водки. Гипервремя сжимается до размеров этой рюмки и одновременно раздувается от гипержелания СуперИд. Оно становится точкой и бесконечным кругом или даже псевдосферой. Вот еще одна особенность гипервремени: оно одновременно крошечное и ноль-мерное, его одновременно нет и оно бесконечно и всеильно.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Вадим Петрович Руднев

НОВАЯ МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ

ООО «ИТДГК «Гнозис»»

Формат 84 x 108/32

Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ 1162

Что такое новая модель времени?

1. Мифологическая модель времени. Время это просто круг. Объект ноль. Такая модель времени сохраняется всегда. В этом смысле мы всегда будем продолжать жить в мифологическом времени и мышлении навсегда останемся первобытными людьми.

Но миф это не просто круг – это цикл, в котором совершается множество интереснейших вещей. Каких именно вещей? Ну, например ритуалов, таких как Элевсинские мистерии. Здесь главенствующую роль играет культ умирающего и воскресающего Бога. Аграрный культ.

Ницше. «Рождение трагедии из духа музыки».

При этом можно сказать, что мифологическое время это МЕГАЛОМАНИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

2. Эсхатологическое время тоже было всегда, хотя оно и началось с Грехопадения. Его можно назвать парадигмой Августина. Здесь время выстраивается в Луч Творения это объект ноль второго порядка. Здесь формируются точки полифуркации. ЭТО ВРЕМЯ БРЕДА ВОЗДЕЙСТВИЯ.

3. Энтропийное время. Парадигма Рейхенбаха. Течение времени совпадает со вторым законом термодинамики. ЭТО ВРЕМЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.

4. Парадигма Джона Уильяма Данна, многомерное время – ВРЕМЯ ОТНОШЕНИЯ.

5. Полифоническое время, или гипервремя, является дизъюнктивным синтезом мифологического, эсхатологического, энтропийного и многомерного времени.

Что же такое гипервремя? Это время гиперреальности симулякров. Время синтеза индивидуального и коллективного бессознательного, где не будет ни шизофрении, ни других болезней, это время коллективного тела искусственного интеллекта. В определенном смысле это вообще не время – это вечность.

ISBN 978-5-94244-054-1

17

Чеп Читай-город
18.10.2016 ООО "ГРАМОТА"

РЧ

Новая модель времени (ФилПсих21) Рудне

9785942440541

ВК:

Цена 534 руб.

Номер
4205264
Код
2486315
ТБК
11-820

